

**National Academy of Sciences of Tajikistan
A. Donish Institute of History, Archaeology and
Ethnography**

Nargis Jomievna Khojaeva

**TAKHT-I SANGIN IN THE HISTORY
AND CULTURE OF CENTRAL ASIA**

Dushanbe
“Donish” 2023

**Национальная академия наук Таджикистана
Институт истории, археологии и этнографии им.
А.Дониша**

ХОДЖАЕВА НАРГИС ДЖОМИЕВНА

**ТАХТИ-САНГИН В ИСТОРИИ И
КУЛЬТУРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Душанбе
«Дониш»
2023

ББК 63,3(2 тольик) 63,5(2 тольик)+71,4
X-13

Ответственные редакторы:

Н.К. Убайдулло – доктор исторических наук,
профессор;

Л.Н. Додхудоева – доктор исторических наук

Рецензенты:

Ю. Якубов – академик НАНТ, доктор исторических наук, гл. научный
сотрудник Института истории, археологии и этнографии
им А.Дониша

Н.Т. Рахимов – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии,
этнографии и религиоведения ХГУ
им. Академика Б.Г. Гафурова

Ходжаева Н. Дж.

Тахти-Сангин в истории и культуре Центральной Азии. Отв. ред. Н.К. Убайдулло,
Л.Н. Додхудоева. – Душанбе: «Дониш», 2023 – 318 с.

В монографии проведен историографический анализ истории изучения одного из известнейших и уникальных археологических памятников Центральной Азии – Тахти-Сангина, расположенного в юго-западной части Республики Таджикистан. В книге освещаются три периода археологических раскопок на памятнике и аспекты его исследования. В работе впервые дается анализ исследований на Тахти-Сангине, проведенных в 1998-2022 гг. Автор предлагает новые решения ряда проблем и представляет свою точку зрения на вопросы о религиозной принадлежности храма Окса и датировки Тахти-Сангина.

Khojaeva N.J.

Takht-i Sangin in the History and Culture of Central Asia. Editors in charge: N. K. Ubaidullo, L. N. Dodkhudoeva. – Dushanbe: “Donish”, 2023 – 318 p.

The monograph provides a historiographical analysis of the history of the study of Takht-i Sangin, one of the most famous, unique archaeological sites of Central Asia, located in the south-western part of the Republic of Tajikistan. The book highlights three periods of archaeological excavations at the site and aspects of its research. An analysis of studies on Takht-i Sangin conducted in 1998-2022 is presented in this research for the first time. The author offers new solutions to a number of problems and presents her point of view on the questions of the religious affiliation of the temple of the Oxus and the dating of the Takht-i Sangin.

ISBN 978-99975-70-69-6

© Н. Дж.Ходжаева, 2023

**Памяти моих учителей
Эдварду Васильевичу Ртвеладзе
и Мире Алексеевне Бубновой
посвящается**

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Таджикистан расположен в центре Евразийского континента, и с древнейших времен его территория занимала важное место в международной торговле и культурном обмене Востока и Запада. Как неотъемлемая часть огромного континента Таджикистан богат археологическими памятниками всех исторических периодов. Они представляют различные археологические культуры и отражают сложение и развитие цивилизаций, а также материальную и духовную культуру различных народов, синтез их культур, характер исторических взаимосвязей и торгово-экономических отношений и т.д.

Настоящая работа посвящена Тахти-Сангину, одному из самых известных археологических памятников не только Таджикистана, но и Центральной Азии. Памятник расположен на территории Кубодиёнского района Хатлонской области Республики Таджикистан (рис. 1).

Тахти-Сангин стоит у восточного подножия Тешикташского хребта (южная оконечность хребта Актау), ниже слияния рек Вахша с Пянджем, откуда берет начало Амударья (авест. *vaŋhūiā dāitiiaiiā-*, *vaŋhūi dāitī-* – Вахви-Датия; др.греч. Ὠξος – Окс; араб. *جیحون* – Джайхун) (рис. 2). Городище занимает участок третьей террасы Вахша, которая рассечена глубокими саями и ложбинами. Пролувий, составляющий поверхностный слой, был насыщен галькой и обломками камней, которые сейчас лежат сплошным покровом. Именно поэтому М.М. Дьяконов дал название памятнику «Каменное городище»². Небогатая флора и фауна местности обусловлена суровыми природными условиями – жарким климатом, отсутствием воды и постоянно дующим с юга ураганным ветром – «афганцем», несущим песок и мелкую гальку.

---

¹ Монография написана в рамках проекта «История таджикского народа (III – начало XX вв.)», государственный регистрационный номер 0121TJ1211.

² Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян). 1950-1951 гг. // МИА. 1953. № 37. С. 265.

«Каменным городищем» называл памятник и А.М. Манделштам. До конца 1970-х гг. в публикациях Б.А.Литвинского и И.Р. Пичикяна он также рассматривался как «Каменное городище». С начала 1980-х гг. в научной литературе памятник получает название «Тахти-Сангин»¹, что в переводе с таджикского означает «Каменный трон». Данное название созвучно с географическим названием окружающей его местности Тахти-Кувад и древней крепостью, расположенной недалеко от городища.

Город функционировал в ахеменидский, эллинистический, раннекушанский, позднекушанский и кушано-сасанидские периоды. Памятник состоит из укрепленной цитадели и жилых районов вокруг нее. Площадь города достигает 105 га², из которых 83 га (3000м x 100-450м) – жилые районы³. В центре городища находилась цитадель, на территории которой был раскопан храм Окса – одно из крупнейших сооружений восточной архитектуры и важный памятник истории и культуры Центральной Азии второй половины I тыс. до н.э. Благодаря своей хорошей сохранности, храм Окса стал эталонным образцом храмов восточного типа во всей истории архитектуры⁴.

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Тахти-Сангин – Каменное городище (раскопки 1976-1978 гг.) // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: ГРВЛ, 1981. С. 195-213; Пичикян И.Р. Тахти Сангин. Открытие культовых закладов // АО 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 477-479 и др.

² Указанная площадь была установлена во время археологических исследований на городище в 1998-2010 гг., проведенных археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ, возглавляемым А.Дружининой. Б.А. Литвинский определяет площадь городища в 70-75 га. См.: Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Вост. лит., 2010. С. 11.

³ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 224; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 57, fig13.

⁴ Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. М.: ГРВЛ, 1991. С. 9.

До сих пор этот уникальный памятник является объектом дискуссий. Исследователи полемизируют о его функциональном назначении, религиозной принадлежности и был ли он посвящен реке Окс¹. Вопрос о датировке памятника также остаётся нерешённым. С открытием Храма Окса на городище Тахти-Сангин появились новые находки, позволившие уточнить и определить место нахождения Амударьинского клада (The Oxus Treasure)². В связи с этим споры о происхождении сокровищ Окса вновь усилились.

Стационарные исследования городища Тахти-Сангин, в основном Храма Окса, проводились Южно-Таджикской археологической экспедицией под руководством Б.А. Литвинского с 1975 по 1991 гг. По результатам многолетних раскопок вышли многочисленные публикации, в том числе и фундаментальные труды³. Следует отметить, что, во-первых, в основном все публикации были написаны в контексте изучения эллинистической культуры Бактрии. Во-вторых, фундаментальные монографии Б.А.Литвинского и И.Р.Пичикяна вышли до того, как возобно-

---

¹ Ходжаева Н.Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. Душанбе: Дониш, 2017. С. 113, сн. 2.

² Dalton O.M. The Treasure of the Oxus: With Other Objects from Ancient Persia and India. London: Trustees of the British Museum, 1905. 137 p. Idem. The Treasure of the Oxus with other exemplar of early oriental metal-work. London: Trustees of the British Museum, 1964. LXXVI, 75, XL p; Зеймаль Т.И. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л.: Искусство, 1979. 95 с.

³ Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. М.: ГРВЛ, 1991. 343 с.; Pitschikjan I.R. Oxos-Schatz und Oxos-Temple: Achämenidische Kunst in Mittelasiien (Antike in der Moderne). Berlin: Akademie-Verlag, 1992. XII, 155 s; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 503 с.; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Изд-ая фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. 528 с.; Он же. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Вост. лит., 2010. 664 с.

вились археологические исследования на Тахти-Сангине. Соответственно, появившийся новый материал, который позволяет по-новому взглянуть на некоторые вопросы, поставленные учеными, не был учтен. Кроме того, по ряду вопросов, у автора есть своя точка зрения, которая будет изложена в данной монографии.

Невзирая на проблемы с финансированием археологических раскопок и сложную обстановку на таджикско-афганской границе, последние десятилетия стали периодом новых археологических изысканий на памятнике, которые проводились не только в храме Окса, но и на самом городище. Увеличивающийся объем материала позволяет не только решать спорные вопросы, но и ставить новые. Появляются свежие публикации. Ввиду этого, исходя из содержания концептуально-методологических подходов и специфики научных оценок, возникла необходимость определить хронологию исследований городища Тахти-Сангин.

Несмотря на многочисленные публикации по Тахти-Сангину, посвященные различным аспектам исследования, приходится констатировать, что мы еще далеки от окончательных решений по некоторым вопросам. В связи с появлением и изданием новых археологических материалов с городища Тахти-Сангин, эпиграфических памятников в Северном Афганистане, а также интерпретацией данных этнографии предлагаем вновь вернуться к решению следующих вопросов:

- провести анализ источников и историографический обзор научной литературы и определить хронологию исследования памятника;
- определить религиозную принадлежность храма Окса;
- уточнить и определить датировку памятника;
- определить место Тахти-Сангина в истории и культуре Центральной Азии.

Всестороннее изучение новых находок с Тахти-Сангина во взаимосвязи со сведениями письменных источников даёт возможность гораздо глубже и подробнее рассмотреть религиозную принадлежность памятника и уточнить его датировку.

Автор прекрасно понимает, насколько трудно и ответственно писать монографию о Тахти-Сангине после таких корифеев науки как Б.А.Литвинский и И.Р. Пичикян, чья заслуга перед таджикской наукой огромна и их вклад в изучение Тахти-Сангина всегда будут помнить в Таджикистане.

В предлагаемой монографии автор постаралась изложить различные точки зрения и различные подходы к изучению указанных выше проблем. В тех случаях, когда отдавалось предпочтение определенной точке зрения, автор руководствовалась, прежде всего, комплексным подходом и, конечно же, фактологическим материалом, тем самым стараясь сохранить объективность при рассмотрении тех гипотез, которые она не разделяет. Находящиеся в нашем распоряжении новые материалы, позволили сделать упор на обосновании своей точки зрения на некоторые вопросы, касающиеся Тахти-Сангина.

Основной базой для написания монографии послужил археологический материал из Тахти-Сангина. Для проведения аналогий использовался археологический материал памятников Центральной Азии и Ирана.

Предметы из Амударьинского клада оказались также весьма доказательной базой для обоснования нашей точки зрения на религиозную принадлежность храма Окса и датировку Тахти-Сангина.

Важным материалом при написании данной работы явились зороастрийские письменные источники: «Авеста», пехлевийская литература («Бундахишн», «Дадастан-и Меног-и Храд», «Задспрам»). Ценные сведения мы почерпнули из трудов античных авторов – Геродота, Страбона и Юстина. Используются нами и сведения древнеиндийских источников: Ригведы и Атхарваведы.

Значительное внимание мы уделили и эпиграфическим памятникам, особенно надписям Ахеменидских царей. Особое значение для настоящего монографического исследования имеет лингвистический и этнографический материал.

По решению Генеральной ассамблеи ЮНЕСКО 11 но-

ября 2021 г., 2500-летний юбилей городища Тахти-Сангин внесен в перечень «Знаменательных и памятных дат ЮНЕСКО». В чем уникальность этого памятника, и какова его роль в истории и культуре Центральной Азии? Постараемся ответить на эти и другие вопросы в настоящем монографическом исследовании.

В заключении хотелось бы сказать, что эта монография посвящена памяти моих незабвенных учителей – Эдварду Васильевичу Ртвеладзе и Мире Алексеевне Бубновой, которым я многим обязана и бесконечно благодарна за участие в моей научной деятельности. Работа над монографией была бы невозможна без консультаций Э.В. Ртвеладзе, с которым обсуждалась концепция написания этой работы. Многими ценными советами и замечаниями я обязана Ларисе Додхудоевой, Анжелине Дружининой, Татьяне Филимоновой, Туре Худжагелдыеву, Павлу Лурье, Алихону Латифи, Абдурахмону Пулотову, Анри-Полю Франкфору и Францису Ришару. Я признательна также Насрулло Каримзода Убайдулло, директору Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ, моим коллегам и друзьям, поддержавшим меня в решении написать данную монографию.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТАХТИ-САНГИНА

Научная литература, посвященная исследованию всемирно известного памятника Тахти-Сангин, весьма обширна. Впервые история изучения этого важного центра Бактрии была кратко изложена в монографии И.Р. Пичикяна «Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки»¹. Затем последовали фундаментальные труды авторов археологических раскопок Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна, посвященные открытию памятника и процессу его научных изысканий: совместная публикация первого тома «Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан)»,² а также работы Б.А. Литвинского «Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан): Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте» и третий том «Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан)»³.

С распадом Советского Союза в 1991 г. и начавшимся вооруженным конфликтом в Таджикистане (1992-1997) исследования на памятнике были приостановлены. 27 июня 1997 г. в Москве между правительством Республики Таджикистан и Объединенной таджикской оппозицией было подписано мирное соглашение, которое вернуло Таджикистан на путь мирного созидания. Постепенно стали возобновляться археологические экспедиции на юге Таджикистана. В 1998 г. Институт ис-

---

¹ Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. М., 1991. С.138-144.

² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000. С. 42-50.

³ Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001; Он же Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 9-16.

тории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана сформировал Тахтисангинский археологический отряд, который возглавила молодой археолог А. Дружинина. Несмотря на трудности и опасность осенью этого же года были проведены исследования на памятнике. Таким образом, начался новый период в изучении Тахти-Сангина, который на время написания данной работы охватывает семнадцать полевых сезонов.

Автор провел историографический анализ практически всех существующих публикаций по Тахти-Сангину. В результате, выделив основные методологические подходы к изучению памятника в хронологической последовательности, им были определены три периода историографии данной проблемы, каждый из которых имеет свои характерные особенности. Одним из критериев нашей периодизации является также показатель интенсивности исследования, как самого памятника, так и его находок в тот или иной период.

Первый период (70-е гг. XIX в. - 1917 г.) характеризуется тем, что в этот период Центральная Азия становится неотъемлемой частью Российской империи. Сразу же после вхождения региона в состав России сюда стали съезжаться известные русские ученые. Средняя Азия становится своеобразной Меккой для русских исследователей, научные интересы которых касались всех сфер жизни народов, заселявших ее территорию. Заслуги русских ученых, которые смогли осуществить разностороннее изучение истории среднеазиатских народов, несомненно, велики. Это была высокообразованная, трудолюбивая и прогрессивно настроенная часть российского общества. Русские ученые самоотверженно и бескорыстно работали в Средней Азии, пытаясь облегчить участь населения и распространить в местном социуме современные знания.

Среди представителей передовой российской науки и культуры следует выделить известного ученого и путешественника, члена Русского географического общества Н.А. Маева, который фактически первым описал Тахти-Сангин. Боевой

офицер, участник Крымской войны (1853-1856), наряду с военной службой публиковал статьи по истории и географии России. Выйдя в отставку, Н.А. Маев оканчивает физико-математический факультет Петербургского университета и с началом военной кампании в Средней Азии прибывает в регион. В 1869 г. становится редактором первой среднеазиатской газеты «Туркестанские ведомости», официального печатного органа российской администрации в регионе, и занимает эту должность до 1892 г. С тех пор ученый посвятил свою жизнь исследованию мало изученного края. За годы, проведенные в Средней Азии, Н.А. Маев неоднократно совершал путешествия по региону. В 1873 г. он был участником Хивинской экспедиции, в 1875 г. посетил Гиссарское бекство в Восточной Бухаре, которое до этого времени не было известно ученым.

Для нас весьма важным оказалось участие в 1879 г. Н.А. Маева в «Самарской ученой экспедиции», которую возглавил великий князь Николай Константинович Романов, внук Николая I. Основная цель экспедиции заключалась в изучении бассейна Амударьи и выборе направления для проведения железной дороги в этом районе Средней Азии. Экспедиция имела второе название «Экспедиция для исследования среднеазиатской железной дороги». Н.А. Маев был отличным топографом, что позволяло ему хорошо ориентироваться на местности, создавать планы и карты, посещаемых им мест. Поэтому Русское географическое общество привлекло ученого «для собрания статистико-экономических сведений касательно Русского Туркестана, Бухары и Хивы»¹.

Ко времени начала экспедиции земли, расположенные в верхнем течении Амударьи, оставались неизведанными. Н.А. Маев испытывал научный интерес ко всему неизвестному, и поэтому он взял на себя смелость и в районе Байсуна отделился от основного состава экспедиции, проехав по Сурхандарьин-

---

¹ Экспедиция для исследования среднеазиатской железной дороги // ИРГО. СПб., 1879. Т. XV. Вып. 3. С. 207.

ской области (Южный Узбекистан) и Гиссарской долине, вдоль Вахша и Кафирнигана (Южный Таджикистан). Во время этой поездки он побывал и в Кобаданском оазисе, где находится городище Тахти-Сангин. Из отчета о работе экспедиции известно, что Н.А. Маевым была проведена буссольная съемка¹ места слияния Вахша с Пянджем², то есть ученый никак не мог не заметить развалины Тахти-Сангина.

Заметим, что в «Туркестанских ведомостях» Н.А. Маев печатал свои статьи под псевдонимом Ф.Жуков. Ученый опубликовал подробное пояснение работы экспедиции в районе месторасположения Тахти-Сангина, отмечая следующее: «На самом слиянии Вахша с Пянджем находятся развалины очень древнего города Тахти-Куват. Сопровождавшие нас туземцы рассказывали, что в этих развалинах прежде находили разные древние вещи, даже нашли однажды в груде мусора отлитого из золота тигра и разные золотые вещи»³.

Следует отметить важный факт, на который обратили внимание Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян. Так, в одном из последующих номеров «Туркестанских ведомостей» Н.А. Маев указывает перечень пунктов в месте слияния Вахша и Пянджа, где два раза упоминается слово Тахти-Куват. Ученый отмечает: «Тахти-Куват (развалины)» и в одной версте ниже по Амударье «Развалины древнего замка «Тахти-Куват»⁴. Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян отмечают, что Н.А. Маеву было известно о двух городищах. «Развалины Тахти-Кувата» – это и есть городище Тахти-Сангин, а «замок Тахти-Куват» - городище, которое сейчас носит это имя⁵.

---

¹ Буссольная съемка – технологический процесс наземной топографической съемки, в котором первичную метрическую информацию получают при помощи простейшего геодезического инструмента – буссоли и мер длины или дальнометров.

² Экспедиция для исследования среднеазиатской железной дороги. С. 209.

³ Жуков Ф. Верхнее течение Аму-Дарьи // Туркестанские ведомости. 1880. № 12.

⁴ Жуков Ф. Верхнее течение Аму-Дарьи // Туркестанские ведомости. 1880. № 21.

⁵ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллини-

В одной из заметок о работе экспедиции в низовьях Амударьи фигурируют названия двух памятников. Так, неизвестный автор, скорее всего, член группы, которая ушла в верховья Амударьи, пишет, что экспедиция намеревалась пройти на каюках к слиянию Вахша с Амударьей и исследовать «интересные развалины Тишик-Таш и Тахта-Кейкуат» (Тахти-Кобад)¹. Первые из упомянутых развалин – это, несомненно, Тахти-Сангин. До посещения группой Н.А. Маева этой местности, о памятнике никто не знал и по названию перевала, у которого он находится, его и назвали.

Русскими исследователями было также зафиксировано еще одно название памятника. Так, на «Карте Аму-Дарьи», составленной в 1886 г. в Военно-топографическом отделе Главного штаба, отмечены «Раз. (развалины) Тахта Кайат (Тахти Кубад), а в 6 верстах северо-северо-восточнее, но южнее впадения Вахша в Пяндж – «Разв. (развалины) кр. (крепости) Утер-Кала»². На карте указана также переправа через Амударью, расположенная между двумя памятниками.

Как и во второй половине XIX в., в настоящее время в районе расположения Тахти-Сангина проживают туркмены, которые занимаются отгонным скотоводством. Они до сих пор гоняют свои стада через перевал у Тахти-Сангина. Вполне возможно, что именно они и дали название крепости – Утер-Кала, что в переводе с тюркского означает «крепость у прохода».

О «развалинах Тахти-Куват» у хребта Тешик-Таш, которые находятся «ниже Вахша», упоминает также Н. Февралев³,

---

стический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000. С. 23.

¹ Заметки об экспедиции Н.А. Маева в Гиссарский край // Туркестанские ведомости. 1879. № 37.

² Карта верховьев Аму-Дарьи. Составлена при Военно-топографическом отделе Главного штаба, по новейшим сведениям, в 1885 году. Составлял А.Большев // ИРГО. 1886. Т. XXII. Вып. 2.

³ Февралев Н. Правобережная полоса Пянджа и Аму-Дарьи от Калы-Ванч до Керки // Военный сборник. 1895. №. 9. С. 225; № 10. С. 423.

который посетил верховья Амударьи в середине 90-х гг. XIX в. Вполне вероятно, что так же, как и Н.А. Маев, под «развалинами Тахти-Куват» он подразумевал Тахти-Сангин.

Одним из главных источников по истории, культуре и быта среднеазиатских народов конца XIX – начала XX вв. являются труды известного русского офицера и ученого Д.Н. Логофета. Кадровый офицер и член Русского географического общества с 1904 по 1911 гг. Д.Н. Логофет командовал Пянджской пограничной линией. В этот период ученый посетил и изучил все правобережье верховья Амударьи. Работая на военной службе в Средней Азии, он снискал себе славу известного ученого-востоковеда. Заслуга Д.Н. Логофета состоит также в том, что он первым подробно описал археологические памятники, расположенные в Средней Азии, в том числе и в Кубодиёнском оазисе. Так, ученый отмечает следующее: «От поста Тахти-Куват снова начинается длинный ряд урочищ, крайне интересных в археологическом отношении. Дорога, пролегая по самому берегу Аму-Дарьи, вьется у подошвы хребта, который продвинулся к самому берегу, оставляя свободную полосу сажень в сто шириною. Аму-Дарья постепенно суживаясь, течет уже одним руслом между двумя горными хребтами. Около самого поста виднеются остатки старой крепости, имеющей вид прямоугольника, расположенной на искусственной насыпи сажени в две вышины. Массы осколков кирпича покрывают всю площадь, где стояла крепость. В некоторых местах виднеются почти на поверхности земли остатки каких-то стен. Время беспощадною рукою смело с поверхности остатки развалин и лишь внутри земли можно рассчитывать при раскопках найти следы прежней жизни»¹. Далее ученый пишет: «У впадения Вахша в Аму-Дарью течение особенно сильно. На берегу, господствуя над переправою через Вахш, видны остатки Вахш-

---

¹ Логофет Д.Н. На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3-х книгах. Кн. III. Бухарско-Афганская граница. СПб.: Издал В.Березовский, комиссионер военно-учебных заведений, 1909. С.55.

ской крепости... Крепость теперь имеет вид беспорядочно набросанных груд белого известкового камня. Когда-то, как говорят, крепость, и золотые россыпи эти принадлежали грекам или, вернее, бактрийцам»¹.

Таким образом, Д.И. Логофет в отличие от предшествующих ученых даёт подробное описание двух разных памятников. Первый из них – это Тахти-Кубад. Что касается второго памятника, то нет никакого сомнения в том, что это Тахти-Сангин. Известно, что одним из строительных материалов храма Окса, расположенного на его территории, является именно известковый камень, о котором говорит Д.И. Логофет.

Итак, приведенные выше данные русских исследователей второй половины XIX – начала XX вв. не оставляют сомнения в том, что развалины Тахти-Куват, развалины Тишик-Таш, крепость Утер-Кала и Вахшская крепость – это один и тот же памятник – Тахти-Сангин.

Местность, где расположен памятник, упоминается также в публикациях английских ученых, посвященных Амударьинскому кладу. Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян справедливо отмечают, что сведения о раннем периоде культуры и искусства загадочной страны Бактрии, которыми в настоящее время располагает наука, поступали в основном с правого берега Окса², с места слияния Пянджа и Вахша в верховьях древнего Окса, самой южной части Кубадиёнского района Республики Таджикистан. Главную информацию об ахеменидской Бактрии, т.е. единственный банк информации, содержат два комплекса: Клад Окса и посвятельные приношения, открытые в храме Окса³ на Тахти-Сангине. Во второй половине XIX в. Кубадиёнский оазис становится объектом кладоискателей. Местные жители находили уникальные изделия из золота и продавали

---

¹ Логофет Д.И. На границах Средней Азии. Путевые очерки в 3-х книгах. Кн. III. Бухарско-Афганская граница. СПб., 1909. С. 55, 57.

² Окс – древнегреческое название Амударьи (др. греческ. Ὀξος, лат. Oxus)

³ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 14.

купцам, а те в свою очередь, перепродавали их английским коллекционерам на антикварных рынках в Афганистане и Индии. Таким образом, в Великобританию был вывезен знаменитый Амударьинский клад (The Oxus Treasure), который в настоящее время является жемчужиной коллекции Британского музея в Лондоне¹.

О происхождении клада ходит много легенд. Известно, что зимой 1878 г. бухарские купцы привезли диковинные предметы старины и монеты, купленные ими по дороге из Бухары в г. Равалпинди². Позже они были скуплены у местных антикваров директором государственных железных дорог А. Грантом, известным археологом, основателем Археологической службы Индии А. Каннингемом и коллекционером, хранителем одного из отделов Британского музея А. В. Фрэнком³. Последнему принадлежит заслуга в том, что он смог отследить и выкупить все предметы клада, собрав воедино все артефакты. А. В. Фрэнк нарек его «The Oxus Treasure» – «Клад Окса» по названию реки, протекающей в местности, где он был обнаружен. В 1897 г. О. У. Фрэнк завещал коллекцию Британскому музею.

В 1881 г. в Великобритании появилась первая публикация о кладе, где описывается место его обнаружения. Так, А. Каннингем пишет: «В 1877 г. на северном берегу Окса, недалеко от городка Тахт-и Куват, напротив Хульма, в двух днях пути от Кундуза был найден большой клад из золотых и серебряных фигур, украшений и монет, большинство которых было доставлено в Индию для продажи. Место также называется Кават и Кавадиан, и я не сомневаюсь, что это Кобадиян»⁴.

В 1883 г. ученый опубликовал вторую статью, где повторяет версию о местонахождении клада. Он пишет следующее: «Ме-

---

¹Часть предметов клада находится в Музее Виктории и Альберта.

² Равалпинди – город в современном Пакистане.

³ С 1878 по 1896 гг. А. В. Фрэнк являлся исполнительным директором Британского музея.

⁴ Cunningham A. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper // Journal of the Asiatic Society of Bengal. 1881. Vol. 50. P. 151.

сто нахождения этих реликвий – на берегу Окса, недалеко от места, называемого Кават или Куад, в двух переходах от Кундуза и примерно на полпути между Хульмом и Кобаданом. Место является одной из самых оживленных переправ на Оксе, и всегда было главным перевалочным пунктом»¹. В этом же году вышла еще одна статья А.Каннингема, где он отмечает, что место, где обнаружены древности Окса расположено в одном переходе к северу от Окса и называется Кавадан... Догадка, которую я сделал в моей первой публикации о том, что местом находки был древний город Кобадан арабских географов, оказывается верной»². Из приведенных слов А.Каннингема о местонахождении клада Окса следует важная деталь, информация о том, что он не был найден в Тахти-Кубаде, а недалеко от него. Об этом со слов А.Гранта свидетельствует П.Гарднер, который пишет, что, клад был найден «в старой крепости на мысу, образованном двумя сливающимися реками»³. Этими реками однозначно являются Вахш и Пяндж.

Заметим, что А.Каннингем, А.Грант и П.Гарднер никогда не посещали Кубадиёнский оазис, и поэтому они не могли знать о Тахти-Сангине. А о Тахти-Кубаде было известно, как о пограничном poste, и он был отмечен на всех картах того времени. Поэтому английские ученые местонахождения клада Окса связывали с местностью, где находится Тахти-Кубад.

Таким образом, в первый период был дан старт изучению Тахти-Сангина. Первоначальный этап изучения памятника был периодом накопления информации о нем. В этот период появилось первое археологическое описание памятника. Однако, отсутствие программы по археологическому изучению Средней Азии, сложная экономическая и политическая ситуа-

---

¹ Cunningham A. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper // Journal of the Asiatic Society of Bengal: second notice. 1883. Vol. 52. P. 64.

² Cunningham A. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper // Journal of the Asiatic Society of Bengal: third notice. 1883. Vol. 52. P. 260.

³ Gardner P. New coins from Bactria // Numismatics Chronicle. 1879. New series 19. P. 1.

ция в Российской империи в этот период значительно затрудняла проведение археологических исследований на городище Тахти-Сангин.

Анализ научных публикаций показал, что памятник в этот период рассматривался в двух аспектах: как оборонительная крепость у переправы через Окс-Амударью греко-бактрийского времени и как предполагаемое место находки Амударьинского клада.

Второй период (1917-1991 гг.) характеризуется не только накоплением археологического материала, но и ростом количества публикаций, посвященных вопросам истории, археологии, архитектуре, культуре, искусству и астрономии Тахти-Сангина. Этот период является самым длительным в истории изучения памятника и делится на три этапа.

Начальный его этап (20-е – 30-е гг. XX в.) характеризуется археологическим описанием памятника. С установлением советской власти в Центральной Азии¹ начался период кардинальных перемен во всех сферах жизни. Было положено начало фундаментальным исследованиям по всем научным направлениям, в том числе в области истории, археологии и этнографии. На этом этапе археологические раскопки на территории Таджикистана не проводились, но этнографы, археологи и краеведы во время полевых работ фиксировали археологические памятники и случайные находки.

30 октября 1918 г. согласно постановлению Всероссийской коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины был организован Музей искусств Востока².

---

¹ В русской и советской историографии для территории бывших советских центральноазиатских республик было принято применять определение Средняя Азия. В настоящей монографии используется определение Центральная Азия, принятое ЮНЕСКО. Помимо бывших советских республик в Центральную Азию входят также Афганистана, Северо-Восточный Иран, Северная Индия, Монголия и Пакистан.

² Денике Б. Музей Восточный Культур. Краткая историческая справка // Культура Востока. Сборник Музея восточных культур Вып. I. М.: Издание

Первым его директором был назначен Ф.Гогель. Основная задача Музея заключалась в собирании и исследовании памятников восточных культур. Особое внимание уделялось изучению Советского Востока. В 1925 г. директором Музея становится Б.П. Денике, который организывает первую научную экспедицию в Центральную Азию. В 1926-1927 гг. экспедиция работала в Термезе¹. В 1928 г. Б.П. Денике планировал исследовать правобережье Амударьи вплоть до Айваджа². Отчет о работе экспедиции Б.П.Денике в этом районе отсутствует. О том, что экспедиция побывала в районе Тахти-Сангина, отмечает М.М. Дьяконов, который в 1950-1951 гг. проводил археологические изыскания в нижнем правобережье Амударьи. В 1950 г. на цитадели городища был обнаружен фуст каменной колонны. Перевернув колонну, археологи на обратной стороне заметили надпись: «Отправить в Московский музей». У М.М. Дьяконова не было никакого сомнения в том, что Б.П.Денике работал на «Каменном городище» и надпись была сделана одним из участников экспедиции. Ученый предположил также, что в 1928 г. на городище были заложены три раскопа³.

Музея Восточных Культур, 1927. С.3. В 1925 г. реорганизован в Музей восточных культур, в 1962 г. переименован в Государственный музей искусства народов востока, с 1992 г. – Государственный музей Востока.

¹ Денике Б. Экспедиция Музея Восточный Культур в Термез. Предварительный отчет // Культура Востока. Сборник Музея Восточных Культур. М.: Издание Музея Восточных Культур. Вып. I, 1927. С. 9-18; Он же. Экспедиция Музея Восточный Культур в Среднюю Азию 1927 года // Культура Востока. Сборник Музея Восточных Культур. Вып. II. М.: Издание Музея Восточных Культур. 1928. С. 3-16.

² Денике Б. Экспедиция Музея Восточный Культур в Термез. Предварительный отчет // Культура Востока. Сборник Музея Восточных Культур. М.: Издание Музея Восточных Культур. Вып. I. М., 1927. С. 18; Он же. Экспедиция Музея Восточный Культур в Среднюю Азию 1927 года // Культура Востока. Сборник Музея Восточных Культур. Вып. II. М., 1928. С. 14.

³ Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадян). 1950-1951 гг. // МИА. 1953. № 37. С.265.

Несмотря на то, что в 30-е гг. XX в. на территории соседних центральноазиатских республик осуществлялись археологические исследования, в Таджикистане раскопки не проводились.

С образованием в 1946 г. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции (СТАЭ), возглавляемой А.Ю. Якубовским, начался *второй этап* изучения Тахти-Сангина. Экспедицию организовали Институт материальной культуры АН СССР, Государственный Эрмитаж и Таджикский филиал АН СССР. Позже экспедиция была переименована в Таджикскую археологическую экспедицию (ТАЭ). В основном СТАЭ проводила научные изыскания в Верхнем Зарафшане. В рамках исследований СТАЭ в 1946-1951 гг. в Южном Таджикистане работали отряды А.М. Беленицкого и М.М. Дьяконова. Оба ученых были известными востоковедами, внесшими огромный вклад в изучение истории и культуры таджикского народа. Б.А. Литвинский отмечает, что именно эти работы ознаменовали начало научного изучения археологических памятников Южного Таджикистана¹. Были открыты и описаны десятки памятников старины. Начались раскопки на Кей Кубадшахе и Калаи Мире, расположенные недалеко от Тахти-Сангина.

Отряд М.М. Дьяконова проводил археологические разведки в Гиссарском и Кубадиённом районах. В 1946 г. он побывал на месте слияния Вахша с Пянджем. В своем отчете ученый пишет: «Очень интересен Кубадиенский район: старая переправа Айвадж (древний Убадж), развалины Тахти-Кобад, особенно эти последние. По-видимому, именно там был найден знаменитый «Амударьинский клад». Распространенное мнение о том, что находка была сделана в Кубадиёне, основано на недоразумении»². О Тахти-Сангине ничего не говорится. Воз-

---

¹ Литвинский Б.А. Проблемы истории культуры Бактрии-Тохаристана в свете археологических работ в Южном Таджикистане в 1971-1980 гг. // АРТ. 1987. Вып. XX (1980 г.). С. 16.

² Дьяконов М.М. Работы Кофарниганского отряда // МИА. 1950. № 15. С. 183.

можно, у отряда не было времени на подробное изучение старинных развалин.

В отчете за 1950-1951 гг. М.М. Дьяконов даёт описание Тахти-Кубада и Тахти-Сангина: «У слияния Вахша с Пянджем, на правом берегу Вахша расположены два городища. Одно из них не могло быть обследовано. Другое, названное отрядом Каменным городищем, по-видимому, и является развалинами Утер-Кала, отмеченными на карте 1885 г. Это прямоугольное городище размером 200-250 м., ориентированное углами по странам света, с прямоугольной цитаделью, примыкающей изнутри к центру юго-восточной стены. Самым интересным является, пожалуй, то обстоятельство, что стены городища выложены из небрежно отесанного мергелистого известняка. на территории городища в нескольких местах видны стены каких-то сооружений, торчащие из земли... Эти стены также каменные. На городище разбросаны части баз и даже части статуй... подъемный материал с городища только античный. Можно предположить, что эти развалины являются остатками поселения Мела, известного нам по письменным источникам как одна из важных переправ на Амударье. Здесь заканчивался путь, шедший из глубин Средней Азии по правому берегу Вахша. Крепость Тахти-Кобад и охраняла эту переправу, составляя, таким образом, единый комплекс с Каменным городищем. Эта переправа использовалась в основном в древности. Возможно, в едином комплексе состояло и близкое городище, стоящее на Вахше»¹. Таким образом, М.М. Дьяконов первым осуществил датировку памятника, определив его дату античным периодом.

Описание памятника М.М. Дьяконовым вызвал интерес у археологов и историков, после чего его посетили в разное время многие известные ученые. Так, на памятнике проводили разведку Б.А. Литвинский, Б.Я. Ставиский, Е.В. Зеймаль, Т.И. Зеймаль, Л.И.Альбаум, А.В. Седов, Х.Ю. Мухитдинов, Н.В. Турлыгин.

---

¹ Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кубадиён). 1950-1951 гг. // МИА. 1953. № 37. С. 265.

В 1956 г. на городище побывал известный ученый, первооткрыватель Бешкентской культуры А.М. Мандельштам. Он заложил раскоп (11x7 м) на севере цитадели, раскопав каменную застройку позднекушанского периода. Застройка представляла собой переплетение хозяйственных помещений. Дойдя до глубины 2,5 м, А.М. Мандельштам прекратил раскопки, хотя он находился в непосредственной близости от северных стен храма. Отчет о раскопках на городище ученый не опубликовал. Б.А. Литвинский отмечает, что ученый выступил с кратким отчетом в секторе археологии Института истории, археологии и этнографии им. А Дониша¹.

В архиве отдела этнографии отчет А.М. Мандельштама отсутствует, но некоторые материалы из представленного отчета, опубликованы в его монографиях². А.М. Мандельштам был уверен, что дошел до материка, о чем писал следующее: «Городище отличается четкой стратиграфией, что в значительной мере обусловлено преобладанием каменных построек. Установлено наличие шести строительных периодов; кроме того, подстилающий слой, лежащий на материке, несомненно, связан с какими-то зданиями из сырцового кирпича, остатков которых в пределах заложенных шурфов не оказалось»³. Ученый определил датировку памятника III-II вв. до н.э.⁴

Следует отметить, что А.М. Мандельштам впервые провел анализ находок с памятника. Обращаясь к вооружению кушан, ученый полемизирует о его принадлежности или к прибывшим в Бактрию кочевникам, или местному населению. Он пишет: «Решение вопроса о том, принадлежат ли они кочевни-

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 46.

² Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. М.-Л.: Наука, 1966. С.146-148 (МИА, 136); Он же. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л.: Наука, 1975. С. 128, 135-136 (Тр. ТАЭ Ин-та Археологии АН СССР и Ин-та истории им.А.Дониша АН ТаджССР. Том VII).

³ Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. М., 1966. С.146-148

⁴ Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. С.148.

кам или же местному населению, затруднено отсутствием данных об оружии последнего. Но все же имеется одна находка, которую можно здесь привлечь, хотя и с определенной осторожностью. В самом нижнем слое Каменного городища был обнаружен железный предмет, который, по всей видимости, является навершием мяча. Это полудиск с округлыми выемками в нижней части, располагающимися по обеим сторонам от остатков рукоятки¹. А.М. Мандельштам находит в нем аналогию с навершием из Персеполиса и считает вероятным его происхождение из Бактрии².

Суммируя выше сказанное, можно констатировать, что на втором этапе второго периода исследований на Тахти-Сангине, было положено начало полноценному изучению памятника.

В 1973 г. по инициативе академика Б.Г. Гафурова была организована Южно-Таджикистанская археологическая экспедиция (ЮТАЭ), в работе которой принимали участие Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Академии наук ТаджССР, Институт востоковедения АН СССР и Государственный Эрмитаж³. Начальником ЮТАЭ был назначен Б.А.Литвинский, основатель таджикской научной археологической школы.

Академик Б.А. Литвинский родился в 1923 г. в г. Ташкенте, был участником Великой Отечественной войны. В 1945 г. окончил Среднеазиатский госуниверситет (ныне Ташкентский государственный университет) по специальности «археология». До 1948 г. преподавал в этом же университете, а в 1949-1950 гг. работал заместителем директора по науке Института искусствознания в г. Ташкенте. В 1951 г. была основана Академия наук Таджикской ССР, в составе которой начал свою работу Институт истории, археологии и этнографии им.

---

¹ Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975. С. 135-136, рис. 60.

² Там же, с. 136

³ Бобомуллоев С.Г. История изучения археологических памятников Южного Таджикистана (XX – начало XXI вв.). Душанбе: Истеъдод, 2010. С. 93-94.

А.Дониша. Возглавить сектор археологии и нумизматики (ныне отдел археологии) был приглашен молодой ученый археолог Борис Литвинский, который только недавно защитил кандидатскую диссертацию.

В 1971 г. академик Б.Г. Гафуров, директор Института востоковедения АН СССР (ныне РАН) приглашает Б.А.Литвинского на работу в сектор Средней Азии отдела Советского Востока (ныне Древнего Востока). Данный сектор Б.А.Литвинский возглавлял до 2004 г.

После переезда в г. Москву Б.А.Литвинский становится начальником ЮТАЭ. Академик Б.Г.Гафуров остановился на кандидатуре Б.А. Литвинского не случайно. Ученый двадцать лет стоял у руля таджикской археологии и знал хорошо республику, плюс ко всему он был «своим» среди местного населения. Теперь при выполнении поставленных задач, у Б.А. Литвинского имелись большие возможности, которые он смог с успехом реализовать. Так, благодаря ЮТАЭ, на территории Южного Таджикистана было обнаружено и раскопано множество археологических памятников, открытие которых позволило внести ясность в решение спорных вопросов по древнейшей и древней истории не только таджикского народа, но и всего центральноазиатского региона. Некоторые из раскопанных им памятников имеют особое значение для мировой культуры. Одним из них является Тахти-Сангин.

У Б.А. Литвинского были весомые причины начать археологические изыскания на Тахти-Сангине. Ученый пишет об этом следующее: «Скудные сообщения античных авторов относительно Греко-Бактрии и туманные сведения индийских источников, лаконичные монетные легенды – все это стало наполняться плотью и кровью в результате раскопок на Ай-Ханум. В глубинах Азии был обнаружен процветающий греческий город. ... Среди жителей города были и местные люди – бактрийцы, которые участвовали в управлении этим городом. Город был построен в эллинистическо-бактрийских традициях. ... Однако стены домов в Ай-Ханум были возведены не из кам-

ня, а из сырцового кирпича и имели черты восточных, в частности месопотамских сооружений. ... В 1968 г. я имел возможность познакомиться со всем этим детально в составе экспедиции П. Бернара. Раскопки Ай-Ханум поразили меня и явились важнейшим стимулом для начала собственных раскопок на Тахти-Сангине»¹.

Еще одной причиной выбора Тахти-Сангина явилась дискуссия о местонахождении Амударьинского клада. Ученый отмечает: «Я долгое время колебался, но, в конце концов, решил остановиться на Тахти-Сангине. Я детально осмотрел это городище. Оно было расположено в месте впадения Вахша в р. Пяндж и идеально соответствовало описаниям места находки Амударьинского клада. На поверхности были видны детали каменной архитектуры. ... Не скрою, что передо мной на основании изучения англоязычных и русских документов об открытии Амударьинского клада маячила идея обнаружения храма, из которого происходило это сокровище и который, как я был убежден, находился в районе впадения Вахша в Пяндж»².

Следует отметить, что Б.А. Литвинский обсуждал с А.М. Мандельштамом результаты его разведывательных работ на месте слияния Вахша с Пянджем. Ученый сказал, что в шурфе на цитадели Каменного городища в 1956 г. он обнаружил пластину с греческой надписью³.

После завершения раскопок Аджина-тепе и Калаи-Кафирнигана в задачу ЮТАЭ входило планомерное изучение материальной культуры Таджикистана с древнейших времен до средневековья⁴. Раскопки на Ай-Ханум, споры о месте нахождения Амударьинского клада, результаты изысканий А.М. Мандельштама, а также имеющиеся материалы и собственные

---

¹ Литвинский Б.А. Храм Окса. (Южный Таджикистан).Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 9.

² Там же, с. 9-10.

³ Там же.

⁴ Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. С. 9.

наблюдения привели Б.А. Литвинского к убеждению, что на Тахти-Сангине имеются слои и даже, возможно, монументальное сооружение эллинистического времени¹.

В 1975 г. ученый принимает решение начать раскопки на Тахти-Сангине. Реализации таких планов способствовало то обстоятельство, что раскопки буддийских святилищ Аджинатепа и Калаи-Кафирнигана были завершены, а оставшиеся небольшие финансовые средства, можно было перенаправить на Тахти-Сангин.

Для проведения раскопок на Вахше Б.А. Литвинский приглашает известного специалиста античной архитектуры Северного Причерноморья И.Р. Пичикяна. В поездке на Тахти-Сангин И.Р.Пичикяна сопровождал А.В. Седов, который знал эту местность, поскольку вместе с Б.А. Литвинским проводил там разведывательные работы. Археологи провели разведку, идентификацию городища и сбор подъемного материала не только на Тахти-Сангине, но и на Тахти-Кобаде. Кроме того, было осуществлено обследование территории, в результате которого выяснилось, что жизнь здесь возникла еще в эпоху первобытного строя. Об этом свидетельствует могильник позднебронзовой культуры, которую Б.А. Литвинский назвал «вахшской»².

Могильник расположен на месте слияния Вахша с Пянджем, поэтому обозначен как «амударьинский могильник». Он был изучен Л.Т. Пьянковой³. Были зафиксированы также и другие могильники. Но основное внимание археологи сконцентрировали на Тахти-Сангине. Таким образом, археологические изыскания И.Р.Пичикяна и А.В. Седова в 1975 г. положили начало комплексным археологическим исследованиям на

---

¹ Там же, с. 10.

² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 47.

³ Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника «Тигровая Балка». Душанбе: Дониш, 1989. С. 14; Она же. Новый могильник вахшской культуры // АРТ. 1991. Вып. XXIII (1983). С. 165-176.

Тахти-Сангине. Тем самым стартовал *третий* этап второго периода исследований памятника, который длился до 1991 г.

В апреле 1976 г. для проведения археологических исследований на Тахти-Сангине был сформирован небольшой Тахтикубадский археологический отряд¹. И.Р. Пичикян отмечает, что в его работе принимали участие семь археологов: И.Р. Пичикян – начальник отряда, Н. Бусятская, В. Войтов, А. Дубровин, В. Сарабьянов, А. Колпаков, которые были выпускниками Московского государственного университета им. М.Ломоносова и С. Арабов – выпускник Таджикского государственного университета им В.И.Ленина (ныне Таджикский национальный университет). Н. Бусятская также фиксировала находки и вела документацию. Поскольку рабочих не было, все участники экспедиции до темноты не выпускали из рук лопат. В последующие годы состав экспедиции увеличился до 30 человек за счет студентов-практикантов Таджикского университета, но почти никогда не превышал 30-40 раскопщиков².

В работе Тахтикубадского отряда принимали участие археологи, художники, архитекторы и реставраторы Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша, Института Востоковедения Академии наук СССР, Музея Востока (г. Москва), а также студенты Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина, Государственного педагогического института им Т.Г. Шевченко (ныне Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни) и Московского государственного университета им. М. Ломоносова. В разные годы под руководством И.Р. Пичикяна на Тахти-Сангине работали А.В. Седов, В. Войтов, А. Дубровин, В.В. Федоров, В. Глухов, Н. Бусятская, В. Сарабьянов, А. Колпаков, С. Арабов, Д.И. Ковалев, И.Р. Ахмедов, Р. Юсупов, В.С. Соло-

---

¹ Пичикян И.Р., Войтов В.И., Дубровин А.Ф., Арабов С.Ф., Колпаков А.А. Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище // АО 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 571.

² Пичикян И.Р. Примечания // Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. С. 313. Часть II. 6, сн. 4.

вьев, М.А. Бубнова, И.В. Пьянков, Л.Т. Пьянкова, И. Карпушкина, Н. Симакова, А.П. Дружинина, И.А. Крюкова, М. Азизов, Х. Набиев, Е. Куркина, Н. Турлыгин, Т. Удыма, С. Узянов, М. Шемаханская, И. Пундикова-Узянова, В. Шестов, Л.А. Беляева, А.П. Керзум, П.П. Керзум, А.В. Даценко, О. Васина, Т.С. Мехтиев, М.В. Нацкий, Е.Н. Богданова, А.А. Голод, О.Г. Шеянова, Е.Н. Кравченко, Д.И. Ковалев и др.

Общее руководство раскопками осуществлял Б.А. Литвинский. От результатов работы Тахтикубадского отряда в 1976 г. зависели дальнейшие исследования на памятнике. И.Р. Пичикян пишет, что Б.А. Литвинский предложил ему заложить небольшой шурф на Каменном городище – Тахти-Сангине с целью выяснения стратиграфии памятника. Проще всего для выяснения стратиграфии цитадели было углубить и зачистить раскоп А.М. Мандельштама, но соблюдение археологической этики принесло свои, совершенно неожиданные плоды: шурф, заложенный на соседнем высоком холме цитадели, попал между стенами торцевой части южного (№ 1) обводного коридора храма. Место для планомерного раскрытия этого сооружения оказалось чрезвычайно удачным. Открытый храм Окса благодаря своей хорошей сохранности стал эталонным памятником храмов восточного типа во всей истории архитектуры¹. Приведенные слова И.Р. Пичикяна еще раз свидетельствуют о том, что в археологии все зависит от того сопутствует тебе удача или нет.

Итак, через 100 лет после обнаружения Амударьинского клада, там же, в верховьях Амударьи, в месте расположения двух крепостей, упомянутых как русскими, так и английскими учеными, начал работу Тахтикубадский отряд ЮТАЭ. Условия работы были тяжелыми: отсутствовала вода, негде было укрыться от палящего солнца, бюджет экспедиции не позволял нанимать рабочих, поэтому копать приходилось самим. Но перенесенные трудности были не напрасными, потому что ре-

---

¹ Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. С. 9.

зультаты оказались ошеломляющие. Об этом И.Р. Пичикян пишет следующее: «Руководствуясь, что “лучшая часть пирога в середине” экспедиция заложила шурф (5x5 м) на одном из двух центральных крупных всхолмлений на цитадели – южном. Хотя место для шурфа было выбрано идеально, задача, стоящая перед экспедицией, была почти непосильной, так как до материка предстояло копать 5 метров в глубину. Работа от утренней зари до захода солнца в первом же раскопчном сезоне оправдала самые оптимистические ожидания: в шурфе, доведенном до материка, была открыта эллипсоидная позолоченная лохань (3,7x1x1 м), в которой среди нескольких тысяч костей передних конечностей мелкого рогатого скота и большого количества золотой фольги были найдены десятки посвященных предметов, в том числе и позолоченные фигурки Эротов¹.

Таким образом, после полевого сезона 1976 г. не было никаких сомнений в том, что исследования на Тахти-Сангине будут продолжены. Тахтикубадский отряд работал на городище вплоть до 1991 г. Археологические раскопки осуществлялись в два сезона, в весенне-летний (май-июнь) и осенний (сентябрь-ноябрь) и проходили в чрезвычайно сложных климатических условиях. Уже в июне температура воздуха достигала 50° в тени. В осенний же период днем стояла жара, а ночью сильный холод. В этих трудных условиях участники экспедиции проявляли настоящий героизм, работая порой на пределе человеческих возможностей.

---

¹ Пичикян И.Р., Войтов В.И., Дубровин А.Ф., Арабов С.Ф., Колпаков А.А. Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище // АО 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 571; Пичикян И.Р., Дубровин А.Ф., Саратьянов В.Д. Открытие ботроса на Каменном городище // АО 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 560-561; Пичикян И.Р. Возобновление работ на Каменном городище // АРТ. 1982. Вып. XVI (1976 г.). С. 74, 79-83; Он же. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. С. 143-144; Он же. Возрождение большого клада Окса. вторая часть клада Окса из коллекции Михо Музея // ВДИ. 1998. № 1. С. 93.

Б.А. Литвинский работал на памятнике лишь 2-3 недели за время полевого сезона. Это объясняется тем, что на территории Южного Таджикистана, где осуществляла свою деятельность ЮТАЭ, находилось огромное количество памятников, относящихся ко всем историческим периодам. Ежегодно в рамках ЮТАЭ работало от 5 до 8 археологических отрядов, общее руководство которыми осуществлял Б.А. Литвинский. Как руководитель ЮТАЭ, он должен был уделять внимание всем отрядам.

Задачи каждого раскопчного сезона на Тахти-Сангине определялись совместно Б.А.Литвинским и И.Р. Пичикияном. Раскопки, дневниковые описания работ, описания отдельных сооружений и архитектурных деталей, вопросы стратиграфии и полевая фиксация (топографическая, архитектурная и графическая), целиком проводились И.Р. Пичикияном. Б.А. Литвинский консультировал раскопщиков, осуществлял на месте первичное изучение, описание и частичную зарисовку находок¹.

Более пятнадцати полевых сезонов на Тахти-Сангине были на редкость удачными для Тахтикубадского отряда, в результате деятельности которого было целиком раскрыто уникальное святилище, ставшее одним из эталонных монументальных памятников зороастризма Передней Азии². После обнаружения в 1979 г. в северном культовом закладе № 4 в коридоре № 2 каменного алтаря-постаменты с фигуркой божества Селена Марсия (рис. 10), на постаменте которого имеется надпись на древнегреческом языке «По обету посвятил Атросок Оксу»³, в научной литературе раскопанное культовое сооружение (рис. 4.) стали называть храмом Окса¹.

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикиян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 47; Литвинский Б.А. Храм Окса. (Южный Таджикистан).Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 10.

² Пичикиян И.Р. Возрождение большого клада Окса. вторая часть клада Окса из коллекции Михо Музея // ВДИ. 1998. № 1. С. 93.

³ Litvinsky B.A., Pichikjan I.R. Découvertes dans un sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane septentrionale // RA. 1981. № 2. 195-216; Литвинский Б.А., Пи-

Кроме здания храма Окса, на Тахти-Сангине были раскрыты двор храма, парадный вход во двор храма (пропилеи), северный угол стены храмовой ограды. Что касается жилой части городища, то к югу от цитадели был обнаружен плохо сохранившийся дом, а к северу от цитадели-- два некрополя². Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян кратко описав жилую часть Тахти-Сангина, не указали датировку³. Некрополи не были раскопаны, поэтому их датировка на сегодняшний день также не определена. Частично вскрыта фортификация цитадели древнего города⁴.

Таким образом, раскопки были сконцентрированы на цитадели, где находился храм Окса. Б.А. Литвинский описывает это монументальное сооружение следующим образом: «Оно состоит из помещения – большого четырехколонного квадратного зала (12x12 м), как и другие части сооружения, ориенти-

---

чия И.Р. Тахти-Сангин – Каменное городище // АРТ. 1986. Вып. XIX (1979 г.). С. 117; Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 94; Литвинский Б.А. Храм Окса в Северной Бактрии. Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 184-204; Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et Asie centrale // Corp. Inscr. Iran. Part II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol.I: Inscriptions in Non-Iranian Languages. Ed. by International Committee. London: SOAS, 2012. P. 196-198.

¹ Litvinsky V.A., Pichikjan I.R. The Temple of the Oxus // JRAS. 1981. № 2. P.133-167; Пичикян И.Р. Храм Окса на Тахти-Сангине (раскопки 1981 г. в Кабадианском районе) // АРТ. 1988. Вып. XXI (1981 г.). С. 264-277.

² Дружинина А. Раскопки на городище Тахти-Сангин. Предварительный отчет 1998-1999 года о работах на восточном участке цитадели // АРТ. 2000. Вып. XXVII. С. 240.

³ Пичикян И.Р., Войтов В.Е., Дубровин А.Ф., Арабов С.Ф., Колпаков А.А. Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище // АО 1976. М.: Наука, 1977. С. 571; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 48-49.

⁴ Пичикян И.Р. Возобновление раскопок на Каменном городище // АРТ. 1982. Вып. XVI (1976 г.). С.74.

рованного строго по сторонам света. Стены имели толщину 3,4-4 м при сохранившейся высоте до 5,5 м и были на востоке, юге и севере рассечены проемами, причем главным был восточный проход. В северо-западной части зала была алтарная площадка с двумя основаниями для круглых алтарей. Этот центральный зал (помещение № 1) с юга, запада и севера был охвачен двумя рядами Г-образных коридоров. Первый ряд состоял из южного (помещение № 1) и западного (помещение № 2) коридоров, связанных между собой проемом в западном торце помещения № 1, а в его северной стене был проход в центральный зал. Второй ряд состоял из коридора (помещение № 3), примыкающего с севера к центральному залу и связанного с ним проемом, и западного коридора, идущего параллельно помещению № 2.

Центральный квадратный зал и обводные коридоры составляют композиционное ядро храма. Вход в храм был обращен на восток. Перед входом имелся айванный портик (рис. 7), перекрытие которого поддерживали два ряда колонн (по четыре колонны в каждом ряду). Портик с севера и юга фланкировали боковые крылья здания. Каждое состояло из трех помещений. В одном из них, связанном проходом с портиком, находились алтари огня: большой центральный и маленькие – в углах помещения. Алтари и поверхность стен были насквозь прокалены, на полу была чистая зола. У наружных углов фасадных стен крыльев здания имелись выступы, условно названные «башнями». Их внутренние помещения открывались проемами во двор, и «башни» фортификационными сооружениями не являлись. Внутри портика, вблизи наружных стен здания, находились каменные алтари эллинистической формы. Они были сложены из каменных блоков с метками в виде греческих букв. Это главное здание храма имеет следующие размеры: восточный фасад – 51 м, западный – 32 м, расстояния между фасадами – 49 м.

Здание храма было обведено мощной стеной с монолитными башенными выступами. Пространство перед зданием образовывало большой двор – теменос, священная площадь перед

храмом, окруженный по периметру мощными стенами, сложенными из сырцового кирпича. Здесь, на одной оси с восточным входом в центральный зал, находятся широкие пропилеи, открывающиеся в сторону реки. Размер площади теменоса к востоку от храма 61x21,6 м.

Общая схема сооружений главного здания (рис. 6) представляет собой жесткий геометрический каркас, состоящий из одного большого квадратного сооружения (центральный зал и два ряда охватывающих его коридоров по внешнему периметру составляют 32x32 м) и двух примыкающих к нему со стороны главного входа малых квадратных сооружений, в плане имеющих вид «крыльев» (по внешнему периметру 17x17 м). Все помещения, а также стены теменоса были поставлены непосредственно на каменисто-песчанистый слой, поверхность которого на этом участке имеет значительное падение с запада на восток в сторону реки¹. Таким образом, перед нами предстает монументальное сооружение в виде храма, вошедшее в научную литературу под названием храм Окса.

И.Р. Пичикян пишет, что «архитектурному совершенству храма соответствуют и многочисленные находки, среди которых множество первоклассных произведений искусства из золота, серебра, бронзы, железа, но в основном из слоновой кости. Оружия, к примеру, ножен греческих мечей, найдено больше, чем во всем Средиземноморье за 150 лет раскопок². Найдена также целая галерея портретов и скульптур богов, царей и жрецов³». Относительно находок храма Окса Б.А. Литвинский отмечает, что, не считая керамики, огромный фонд разнообразных археологических предметов, монет, произведений искусства и художественного ремесла, датируемых време-

---

¹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 12-13.

² Пичикян И.Р. Парадные ножны греко-бактрийских мечей // Проблемы античной культуры. Отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1986. С. 266.

³ Пичикян И. Р. Возрождение Большого Клада Окса. Вторая часть клада Окса из коллекции Михо музея // ВДИ. 1998. Вып. 1(224). С. 93.

нем от VI в. до н.э. до IV в.н.э. насчитывает свыше 8000 экземпляров¹.

Результаты раскопок на Тахти-Сангине отражены в многочисленных публикациях Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна². Ученые обратили внимание практически на все вопро-

---

¹ Там же, с.455.

² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Новые открытия в Южном Таджикистане // Вестник Академии наук СССР. М.: Наука, 1980. №7. С. 124-133; Они же. Тахти-Сангин – Каменное городище (раскопки 1976-1978 гг.) // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. С. 195-212; Они же. Тахти-Сангин – Каменное городище // АРТ. 1986. Вып. XIX (1979 г.). С. 104-136; Пичикян И.Р. Культурный комплекс на Каменном городище (обоснование, характеристика) // Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Тезисы докладов. Ташкент: Фан, 1979. С. 88-89; Он же. Раскопки на Каменном городище // АО 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 476-477; Он же. Тахти Сангин. Открытие культовых закладов // АО 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 206-210; Он же. Датировка ионийской капители из храма Окса // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикской археологической экспедиции. М.: Наука, 1983. С. 63-65; Он же. Раскопки Каменного городища в 1977 г. // АРТ. 1983. Вып. XVII (1979 г.). С. 95-110; Он же. Храм Окса на Тахти-Сангине // АО 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 488-490; Он же. Открытие культового комплекса на Каменном городище в 1978 г. // АРТ. 1984. Вып. XVIII (1978 г.). С. 102-116; Он же. Раскопки на Тахти-Сангине // АО 1985 года. М.: Наука, 1987. С. 618-619; Он же. Храм Окса на Тахти-Сангине (раскопки 1981 г. в Кабадианском районе) // АРТ. 1988. Вып. XXI (1981 г.) С. 264-277; Он же. Клад Окса и Храм Окса // Советское востоковедение: Проблемы и перспективы. Мат-лы II Всесоюзной конф. востоковедов г. Баку, 25-27 мая 1983 г. М. Наука, 1988. С. 35-43; Он же. Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия) // ВДИ. 1989. № 4. С. 113-117; Он же. Раскопки Тахти-Сангина в 1982 г. // АРТ. 1990. Вып. XXII (1982 г.) С. 238-255; Он же. Результаты раскопок на Тахти-Сангине в 1983 г. // АРТ. 1991. Вып. XXIII (1983 г.) С. 177-189; Он же. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ в 1984 г. // АРТ. 1994. Вып. XXIV (1984 г.). С. 255-272; Litvinsky B.A., Pichikjan I.R. The Temple of the Oxus // JRAS. 1981. № 2. P. 133-167; iidem. Gold Plates from the Oxus Temple (Northern Bactria) // Ancient Civilizations. 1995. № 2, 2. P. 196-220; iidem. An Achaemenidan Griffin Handle from the Temple of the Oxus. The Makhaira in Northern Bactria // In the Land of the Gryphons: Papers on Central Asian Archaeology in antiquity (Monographie di Mesopotamia, V). Ed. A. Invernizzi. Firenze: Le Lettere, 1995.

сы, связанные с памятником. Объектом их исследования стали функциональное и религиозное назначение фундаментального здания, расположенного на цитадели городища Тахти-Сангин, и его архитектура, вопрос датировки памятника, изучению подверглись также и многочисленные находки.

Обнаруженное и раскрытое здание храма Окса на городище Тахти-Сангин, а также находки памятника стали объектом дискуссий ученых разных сфер научной деятельности¹. По многим вопросам выдвигались различные гипотезы, и практически каждый исследователь возлагал надежды на подтверждение своих предположений в процессе будущих раскопок. К сожалению, археологические изыскания на Тахти-Сангине были приостановлены в связи с вооруженным конфликтом в Таджикистане (1992-1997). Несмотря на это, ученые продолжали анализировать собранный материал и публиковать результаты своих исследований².

Следует отметить, что в этот период зарубежные исследователи не проводили раскопок на Тахти-Сангине, но они обращались к этому памятнику, используя результаты исследования советских ученых. Так, открытый на Тахти-Сангине храм Окса и его находки становятся объектом исследования фран-

---

P. 107-128; *Monuments of Art from the Sanctuary of Oxus (Northern Bactria)* // *Acta Antiqua Academiae Hungaricae*. 1983. T. XXVIII, fasc. 1-4. P. 26-83; Pichikian I. *Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus Sowjetrepublik Tadschikistan*. Zürich: Museum Reitberg, 1989. S. 32-50; idem. *Oxus. Il periodo persiano ed ellenistico ed I regni Greco-battriani (VI-II secolo a.C.)*. Tesori dell'asia Centrale. 1993. Roma, 1993. P. 11-13, 30-37; Пичикян И.Р. *Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки* / И.Р. Пичикян. М.: ГРВЛ, 1991. 343 с.; Pitschikjan I.R. *Oxos-Schatz und Oxos-Temple: Achämenidische Kunst in Mittelasien (Antike in der Moderne)*. Berlin: Akademie-Verlag, 1992. XII, 155 s. и др.

¹ Об аспектах исследования городища Тахти-Сангин см. в следующей главе.

² Анализ публикаций зарубежных ученых проведен в трехтомной монографии, посвященной Храму Окса (Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Т.1. Эллинистический Храм Окса. 2000; Литвинский Б.А. Т.2. Храм Окса. 2001; Литвинский Б.А. Т. 3. Храм Окса. 2010).

цузских ученых П.Бернара¹, Ф.Грене², А.-П. Франкфора³, К.Рапена⁴. Их интерес к Тахти-Сангину объясняется тем, что Французская археологическая миссия копала в Северном Афганистане (в древности Южная Бактрия). На левом берегу Амударьи французские археологи раскопали эллинистический город Ай-Ханум, который они сравнивали с Тахти-Сангином. Оба памятника кардинально изменили представления об археологии, архитектуре, искусстве и религии эллинистической Бактрии. Всестороннее изучение Ай-Ханума и Тахти-Сангина позволило по-новому взглянуть на взаимодействие местной бактрийской и эллинистической культур. Данной тематике было посвящено монографическое исследование С.Шервин-Уайта и А. Курта⁵, а также статьи И.Уилла⁶, А. Курта и С. Шервин-Уайта⁷, П.Бриана⁸, Г. Ле Ридера¹, П.Бернара², О.Бопераччи³,

---

¹ Bernard P. Le Marsyas de Apamée, l'Oxus et la colonisation séleucide en Bactriane // *Studia Iranica*. 1987. No 16. P. 103-115 ; Он же. L'Architecture religieuse de L'Asie centrale à l'époque hellénistique // *Akten des XIII internationalen Kongresses für klassische Archäologie*. Berlin (West) 1988. Berlin : Verlag Philipp von Zabern, 1990. P. 51-59 ; Он же. Le temple de dieu Oxus à Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas? // *Studia Iranica*. 1994. Issue 23. P. 85-114.

² Drège J.-P., Grenet F. Un Temple de l'Oxus près de Takht-i Sangin, d'après un témoignage chinois du VIIIe s // *Studia Iranica*. 1987. No 16/1. P. 117-121; Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. III: Zoroastrianism under Macedonian and Roman rule. Leiden-New-York-København-Köln: E.J. BRILL, 1991. P.179-181.

³ Francfort H.-P. Fouilles d'Aï Khanum III. Le sanctuaire du temple à niches identées 2. Paris: Diffusion de Boccard, 1984. 143 p. (Les trouvailles. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan, vol. XXVII).

⁴ Rapin C. Les sanctuaires de l'Asie centrale à l'époque hellénistique: état de la question // *Études de Lettres*. 1992. No 4. P. 102-124; Рапен К. Святые места Средней Азии в эпоху эллинизма (Состояние вопроса) // *ВДИ*. 1994. № 4. С. 129.

⁵ Sherwin-White S., Kuhrt A. From Samarkand to Sardis. A New approach to the Seleucid Empire. London: Duckworth, 1993. IX+261 p.

⁶ Will É. Notes de lecture // *Topoi*. 1994. Vol. 4. Fasc. 2. P. 433-447.

⁷ Kuhrt A, Sherwin-White S. General Observations // *Topoi Orient-Occident*). 1994. Vol. 4. Fasc. 2. P. 449-454.

⁸ Briant P. De Samarkhand à Sardes et de la ville de Suse au pays des Hanéens //

А.Инвернидзи⁴, П. Лериша⁵, К. Рапена и М. Исамеддинова⁶, Б. Леоне⁷ и Ж.-Ф. Салльс⁸, опубликованные в ежегодном научном издании *ТОРОИ (Orient-Occident)*.

Таким образом, 1976 по 1991 гг. – последний, третий этап второго периода изучения Тахти-Сангина, который определяется нами как время полномасштабных комплексных археологических изысканий в этом бактрийском центре. Памятник становится объектом исследования не только археологов, но и архитекторов, искусствоведов, нумизматов, религиоведов, специалистов по керамике, металлу и художественному ремеслу. Он характеризуется тем, что в это время, во-первых, раскопки были сосредоточены в основном в храме Окса, а на территории самого города археологические исследования не проводились. Во-вторых, на памятнике работали только советские ученые.

Третий период (1998 г. – до настоящего времени) археологических исследований на Тахти-Сангине совпал с периодом независимости Таджикистана. Распад Советского Союза в 1991 г. и последовавший за ним вооруженный конфликт 1992-1997 гг. сопровождался политическим и экономическим кри-

---

Topoi (Orient-Occident). 1994. Vol. 4, fasc. 2. P. 455-467.

¹ Le Rider G. Questions numismatiques // *Topoi (Orient-Occident)*. 1994. Vol. 4, fasc. 2. P. 469-471.

² Bernard P. L'Asie centrale et l'empire séleucide // *Topoi (Orient-Occident)*. 1994. Vol. 4, fasc. 2. P. 473-511.

³ Вopearachchi J. L'indépendance de la Bactriane // *Topoi (Orient-Occident)*. 1994. Vol. 4, fasc. 2. P. 513-519.

⁴ Invernizzi A. Appunti sulla cultura ellenistica nell'impero seleucide // *Topoi (Orient-Occident)*. 1994. Vol. 4, fasc. 2. P. 521-530.

⁵ Leriche P. L'Orient séleucide: les données archéologiques // *Topoi (Orient-Occident)*. 1994. Vol. 4, fasc. 2. P. 531-540.

⁶ Rapen Cl., Isamididinov M. Fortifications hellénistiques de Samarcande (Samar-kand-Afrasiab) // *Topoi (Orient-Occident)*. 1994. Vol. 4, fasc. 2. P. 541-546.

⁷ Lyonnet B. L'Occupation séleucide en Bactriane et en Syrie du NE d'après les données archéologiques // *Topoi (Orient-Occident)*. 1994. Vol. 4, fasc. 2. P. 547-565.

⁸ Salles J.-F. Le Golfe Arabo-persique entre Séleucides et Maurya // *Topoi (Orient-Occident)*. 1994. Vol. 4, fasc. 2. P. 597-610.

зисом и острыми социальными противоречиями в новом независимом государстве, что негативно отразилось на развитии таджикской науки, в том числе и археологической. Археологические исследования проводились на севере Таджикистана, а в Центральном и Южном Таджикистане проходили боевые действия, что явилось причиной отмены всех археологических работ в регионе.

27 июня 1997 г. – историческая дата для всего таджикского народа. В этот день в г. Москве было подписано долгожданное соглашение о мире и национальном согласии между таджикскими властями и вооруженной оппозиции, которое остановило вооруженное противостояние. На древнюю землю таджиков пришел мир, что позволило, несмотря на объективные трудности, возобновить раскопки в Центральном и Южном Таджикистане. Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана смог возобновить не только археологические изыскания в Южном Таджикистане, но и выйти на новый уровень исследования.

С 1992 г. из-за отсутствия финансирования прекратила свою деятельность ЮТАЭ, хотя формально она продолжает существовать и в наше время. Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ не мог проводить археологические изыскания по причине отсутствия финансовых возможностей. Следует отметить, что в годы независимости у Института появилась возможность самостоятельно выходить на международное сотрудничество. В первые годы оно осуществлялось в основном в области археологических исследований. Так, все экспедиции имели статус международных и финансировались зарубежными партнерами. Заметим, что международное сотрудничество в области археологии во многом оказалось плодотворным. Теперь таджикские археологи могли ознакомиться с новыми методами исследования, иметь доступ к зарубежным научным лабораториям для проведения различных видов анализов, выезжать на стажировку в ведущие зарубежные

научно-исследовательские центры, а также публиковать результаты своих исследований в зарубежных научных журналах.

При финансовой поддержке фонда «МЕЦЕНОС» (Базель, Швейцария) в 1998 г., после семилетнего перерыва были возобновлены раскопки и на городище Тахти-Сангин¹. Археологический отряд² Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ возглавила молодой таджикский археолог А. Дружинина. Уже в годы учебы (1983-1988) на историческом факультете Таджикского государственного университета им. В.И. Ленина она принимала участие в раскопках Тахтикубадского отряда и хорошо знала памятник и методику работы И.Р. Пичикяна.

В составе археологического отряда работали сотрудники отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ М.А. Бубнова, Т. Худжагелдыев, Ф. Курбанов, топограф М.И. Гафуров, а также С.Сафаров, Р.Абдулвахидов, Ф.Алиев, С.Смильгин, Ф.Назмиева, А.Леонтьев, Ш.Очилдиев и Д.Очилдиев³. В разные годы к работе Тахтисангиновского отряда присоединялись Р.Бурханов (археолог, реставратор), А. Салиев (художник), С.Габель, Р.Буриев, М.Бобомуллоев, А.Абидов, Ф.Факиева, М.Тагаев, О.Аламшоев, Д.Мирзошарипов, С.Павленко, З.Габель, Ж.Фоминых, К.Попов, И.Бабаев, А.Юферов, С.Шерали, М.Саидмуроди, И.Султонов, Д.Абдурахимов, Д.Давлатов, Х.Бокиев, М.Сироджини, Г.Турахонова, М.Худойдодов, М. Худжагелдыев, С.Смильгин и др.

Тахтисангинский отряд под руководством А.П. Дружининой работал на памятнике до 2010 г. включительно⁴. С 2006 г. раскопки на городище стали также финансироваться Музеем

---

¹ Дружинина А. Раскопки на городище Тахти-Сангин. Предварительный отчет 1998-1999 года о работах на восточном участке цитадели // АРТ. 2000. Вып. XXVII. С. 241.

² Позже стал называться Тахтисангинским археологическим отрядом.

³ Там же, с. 241.

⁴ Исключение составляет 2005 г.

Михо (Сига, Япония). Следует отметить, что в это время в исследованиях на памятнике принимали и зарубежные ученые: Н. Бороффка, Р. Бороффка, Ф.Ротт (Германия), К.Далхер-Энгелбрехт (Швейцария), Х.Инагаки, Я.Кувабара, А.Мэда (Япония). Результаты исследования Тахтисангиновского отряда, которым руководила А.Дружинина, опубликованы в многочисленных изданиях, как в Таджикистане, так и за рубежом.¹

---

¹ Дружинина А. Раскопки на городище Тахти-Сангин. Предварительный отчет 1998-1999 года о работах на восточном участке цитадели // АРТ. 2000. Вып. XXVII. С. 240-261; Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2000. Вып. XXIX. С. 224-236; Она же. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 г. // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 86-105; Она же. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 323-368; Она же. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 г. // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 143-180; Дружинина А.П., Инагаки Х. Общие результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2007 г. // АРТ. 2009. Вып. XXXIII. С. 101-106; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Открытие неолитической стоянки под зданием храма Окса на городище Тахти-Сангин (Южный Таджикистан) // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 131-157; Они же. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм № 17 и № 18// АРТ. 2009. Вып. XXXIII. С.107-136; Дружинина А.П., Инагаки Х., Худжагелдыев Т.У. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. 2010. Вып. XXXIV. С. 191-216; Гёрсдорф Й. Датировка пробы по C¹⁴ со стоянок Тахти-Сангин и Люлякутал // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 158-159; Вексина М. Лингвистический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки сосуда// АРТ. 2010. Вып. XXXIV. С. 226-240; Кувабара Я. Результаты радиоуглеродного анализа (C¹⁴) образцов из раскопов на городище Тахти-Сангин // АРТ. 2010. Вып. XXXIV. С. 217-225; Худжагелдыев Т.У. Разведка неолитических памятников на территории античных городищ Тахти-Сангин и Тахти-Кубад на юге Таджикистана // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 161-173; Он же. Исследование неолитической стоянки Тахти-Сангин в 2004 г. // АРТ. 2005. Вып. XXIX. С. 53-76; Drujinina A. Die Ausgrabungen in Taxt-i Sangin im Oxos-Temple bereich (Süd Tadžikistan). Vorbericht der Kampagnen 1998-1999 // AMIT. 2001. No. 33. S. 257-283; Idem. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // AMIT. 2008. No

Отряд должен был выполнить задачи, которые были поставлены, непосредственно, А.Дружининой. Заметим, что многие из них ставились впервые в истории изучения городища Тахти-Сангин. Так, полевые изыскания должны были проводиться по следующим направлениям:

1. Работы по изучению общей динамики развития городища в различные исторические периоды, взаимодействие его различных частей (цитадель, жилые кварталы, район пристани, дороги и др.) в окружающем природном ландшафте;
2. Исследование структуры цитадели, ее составных частей (оборонительных стен, рва, водоёма, дорог и др.) и примыкающих территорий; изучение жилого квартала, расположенного в северной части цитадели, т.е. подходов к храму; проблема взаимосвязи храма и берега реки (возможность использования для проведения культовых церемоний улицы, идущей от храма на восток в сторону реки);
3. Доисследование, документирование уже раскрытых объектов в храме и исследования в пределах храмовой ограды¹.

Таким образом, раскопки на новом этапе были направлены на изучение структуры всей территории Тахти-Сангина методом шурфовки и получения датировки для каждой ее части.

---

40. S. 121-135; Idem. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 53-119; Drujinina A.P., Boroffka N.R. First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004 // Bulletin of MIHO Museum. Mach, 2006. Vol. VI. P. 57-69; Drujinina A., Lindström G. Kultgefäße im Oxos-Tempel – Zur Frage der Kult Kontinuität im unruhigen. 2Jh. V Chr. // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Hrsg. von G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach, 2013. S. 171-186. (AIT. Vol. 14). и т.д.

¹ Дружинина А. Раскопки на городище Тахти-Сангин. Предварительный отчет 1998-1999 года о работах на восточном участке цитадели // АРТ. 2000. Вып. XXVII. С. 241; Drujinina A. Die Ausgrabungen in Taxt-i Sangin im Oxos-Temple bereich (Süd Tadžikistan). Vorbericht der Kampagnen 1998-1999 // Archäologischen Mitteilungen aus Iran und Turan, 33. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2001. S. 258.

Уже раскопки первого полевого сезона стали многообещающими, и в своем отчете археологических работ на городище Тахти-Сангин в 1998-1999 гг. А.Дружинина отмечает, что в ходе исследований в квадратах В-1, В-2 и В-3¹ были зафиксированы многочисленные подтверждения изменений архитектурного оформления входа на территорию священного участка храма Окса.²

На наш взгляд, ученый на основании сравнительного анализа результатов раскопок Тахтикубадского отряда и результатов первых двух полевых сезонов, пришла к важному заключению относительно изменения образа жизни населения в кушанский период функционирования городища Тахти-Сангин. А.Дружинина пишет: «Остаётся еще один пункт, который также стоит в прямой зависимости с изменением образа жизни населения города. Мог ли храм, существующий в кушанское время в стенах храма Окса эллинистического периода, даже в перестроенном виде, оставаться храмом с прежним культом. Могло ли случиться при соблюдении старого порядка ведения культовой службы то, что случилось с каменной чашей с именем божества. Пройгнорировав это, фрагменты чаши употребили как простой строительный материал, выложив ими дно водостока. Могли ли улицу, которая, скорее всего, должна была бы использоваться как процессуальная улица от реки к храму или, наоборот, от храма к реке, заливать помоями и забрасывать костями, как обычную улицу. Можно было бы привести еще целый ряд подобных размышлений, которые ждут своего подтверждения или опровержения ходом новых раскопок на городище Тахти-Сангин. Одно хотелось бы сказать более определенно, что описанные изменения в отношении к храму, неминуемо стоят в прямой зависимости с изменениями образа жизни на городище. Это становится более понятным, если

---

¹ Раскопки на территории, примыкающей ко входу во двор храма (пропилеям).

² Там же, с. 248.

предположить, что функционировавший в кушанский период храм Окса был перепосвящен другим божествам или божеству новых хозяев. Культ династии Кушан, чьи храмы со статуями или алтарями огня известны по многочисленным раскопкам на территории Бактрии, мог бы также вписаться в стены бывшего храма Окса с его постаментами на площади и алтарями в атешихах»¹.

При проведении обследования всего городища Тахти-сангиновским отрядом под руководством А.П. Дружининой была уточнена его площадь, которая составляет около 105 га (3000х100х-450 м)². Впервые были установлены четко обозначенные границы древнего городища, которые на юге и на севере представлены линиями древних стен, на западе естественной границей являются скалы хребта, на востоке – частично укрепленная полоса древнего берега реки Амударья. Городище состоит из цитадели, южнее и севернее которой прослеживаются соответственно по четыре и одному сектору жилой части городища. Каждый сектор жилой части городища был отделен друг от друга стенами, идущими в направлении восток-запад. Сохранившаяся на сегодняшний день часть стен представлена валами из глины с бутовым камнем или остатками каменных цоколей, едва прослеживаемых на поверхности³.

Следует отметить, что по результатам раскопок жилого сектора, где были открыты остатки многокомнатных сооруже-

---

¹ Дружинина А. Раскопки на городище Тахти-Сангин. Предварительный отчет 1998-1999 года о работах на восточном участке цитадели. С. 250-251; Drujinina A. Die Ausgrabungen in Taxt-i Sangin im Oxos-Temple bereich (Süd Tadzjikistan). Vorbericht der Kampagnen 1998-1999 // AMIT. 2001. No 33. S. 280.

² Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 224; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 57, fig13.

³ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 224; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 57, fig13.

ний¹, А.П. Дружинина представила реконструкцию жилых домов города².

Нельзя не отметить также тот факт, что при обследовании прилегающих к цитадели городища Тахти-Сангин территорий, было установлено наличие остатков строительной конструкции на вершине горы, расположенной западнее цитадели. А.П. Дружинина предполагает, что это бактрийский некрополь эллинистического времени, на котором выставляли тела умерших по зороастрийскому погребальному обряду³.

Еще одним открытием Тахтисангиновского отряда является обнаружение неолитических культурных слоев на территории городища⁴.

Проведенные двенадцать полевых сезонов Тахтисангиновского отряда под руководством А. Дружининой оказались также удачными, как и для Тахтикубадского отряда, возглавляемого И.Р. Пичикяном. Раскопки на городище и новые находки

---

¹ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2000. Вып. XXIX. С. 224-226, 232-234; Она же. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 г. // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 91-101.

² Дружинина А.П. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 г. С.105.

³ Дружинина А., Инагаки х., Худжагелдыев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. 2010. XXXIV. С. 203; Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 356; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of МНО Museum. 2016. Vol. 16. P. 84, fig. 3.4.

⁴ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Открытие неолитической стоянки под зданием храма Окса на городище Тахти-Сангин (Южный Таджикистан) // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 31; Худжагелдыев Т.У. Разведка неолитических памятников на территории античных городищ Тахти-Сангин и Тахти-Кубад // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 161-173; Он же. Исследование неолитической стоянки Тахти-Сангин в 2004 г. // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 53; Он же. Подъемный материал неолитического времени в окрестностях Тахти-Сангина (2010 г.) // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 82-90.

позволили еще больше аргументировать некоторые предположения Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна.

Прежде всего, следует отметить обнаруженные в храме посвященные надписи¹ на древнегреческом языке: надпись на каменном сосуде, обнаруженная в 1998 г.². Фрагменты двух надписей выявлены в раскопках 2004 и 2006 гг.³. И, наконец, надпись, обнаруженная в 2007 г., сохранилась полностью внутри литейной формы⁴.

Присутствие в надписях слова Окс подтвердили точку зрения Б.А.Литвинского и И.Р. Пичикяна о том, что грандиозное святилище на городище Тахти-Сангин является храмом, посвященном божеству Окса, а значит и реке Окс-Амударья⁵.

---

¹ Подробно о надписях см. в следующей главе.

² Дружинина А.П. Раскопки на городище Тахти-Сангин в 1998-1999 гг. // АРТ. 2000. Вып. XXVII. С.243, 259; Drujinina A. Die Ausgrabungen in Taxt-i Sangin im Oxos-Temple bereich (Süd Tadžikistan). Vorbericht der Kampagnen 1998-1999 // АМІТ. 2001. No 33. S. 263-264, fig. 6.; Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale // Corp. Inscr.Iran. Part II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central asia. Vol.I.: Inscriptions in Non-Iranian languages. Ed. By International Committee. London: SOAS, 2012. P.198-199.

³ Drujinina A.P., Boroffka N, Boroffka R. First preliminary report on excavations at Takht-i Sangin in 2004 // Bulletin of Mixo Museum. 2006. Vol. 6. P. 57-59; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Ротт Ф. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2006 г. // АРТ. 2008. Вып. XXXII. С. 62, 76, рис. 12; Drujinina A.P., Inagaki H., Hudjageldiev T. Rott F. Excavationa at Takht-i Sangin city. Territory of Oxus Temple in 2006 // Bulletin of Mixo Museum. 2009. Vol. 9. P. 59-84.

⁴ Дружинина А.П. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году // АРТ. 2005. Вып. XXX. 90-91, 102, рис.1; Drujinina A. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // АМІТ. 2008. No 40. S.121-135; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм № 17 и № 18// АРТ. 2009. Вып. XXXIII. С. 116-119, 129, рис. 6, С. 130, рис. 7.

⁵ Пичикян И.Р. Открытие культового комплекса на Каменном городище в 1978 г. // АРТ. 1984. Вып. XVIII (1978 г.). С. 112, 114-115; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Тахти-Сангин – Каменное городище // АРТ. 1986. Вып. XIX

Отрадно отметить, что на площади храма Окса был раскопан культовый колодец с лестничным спуском и жертвенной площадкой на нем¹, а также обнаружен комплекс костей жертвенных животных², что свидетельствует в пользу предположения Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна о том, что храм Окса – зороастрийский³.

Кроме того, во время раскопок на памятнике были обнаружены монеты и множество находок из слоновой кости, золота, серебра, бронзы и т.д. Некоторые из них являются предметами искусства и пополнили ряд шедевров бактрийской культуры. Среди них – крышка каменной *шкатулки* - пиксиды с зооморфным фризом (рис. 11)⁴.

Как и прежде, среди находок присутствует огромное количество керамики. Следует отметить, что Тахтисангинский отряд впервые обнаружил на Тахти-Сангине фрагменты ахеменидской керамики⁵. В храме зафиксированы также каменные и гипсовые сосуды (чаши) и литейные формы.

(1979 г.). С. 117.

¹ Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 148-162; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Инагаки Х. Отчет о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2110 гг. Работы на площади Храма Окса в раскопах № 17 и № 18 // АРТ. 2016. Вып. XXXVIII. С. 280-316.

² Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Ротт Ф. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2006 г. // АРТ. 2008. Вып. XXXII (2006 г.). С. 58-59; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм № 17 и № 18// АРТ. 2009. Вып. XXXIII (2007 г.). С.110;

³ Об этом подробно см. главу 4.

⁴ Дружинина А.П. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории древней Бактрии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 3(19). С. 131-158.

⁵ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 339, 343, 348, 354; Она же. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в

Заметим, что в ходе раскопок Тахтикубадского отряда на памятнике образцы для различных анализов не собирались. С 2001 г. Тахтисангиновским отрядом начался сбор таких материалов, которые с 2004 г. планомерно обрабатывались в лабораториях Японии и Германии¹. Тем самым, впервые были представлены результаты датирования отдельных объектов городища Тахти-Сангин методом радиоуглеродного анализа (C^{14})².

В 2011 г. по ряду причин работа Тахтисангиновского отряда под руководством А.П. Дружининой была приостановлена. Исследования, проведенные отрядом на городище, показали, что Институт, истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ не утратил того потенциала, который имел в годы советской власти и может продолжать самостоятельно проводить археологические изыскания на Тахти-Сангине.

Таким образом, в результате исследований Тахтисангиновского отряда, возглавляемого А.П. Дружининой, было установлено, что первые поселения людей на территории городища Тахти-Сангин появились еще в эпоху неолита. Были получены также надежные данные, подтверждающие уже выдвинутые предположения о функциональном назначении и религиозной принадлежности памятника, а также позволившие судить об архитектуре и фортификации городища Тахти-Сангин. Что касается структуры города, то как и прежде, масштаб раскопок не позволяет ее выявить окончательно. Следует отметить, что отрядом было положено начало изучению самого города. Воз-

---

2010 г. // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 147; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 71, 75, 80, 88, 91, fig. 16.

¹ Дружинина А.П. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. 2010. Вып. XXXIV (2008 г.). С. 192.

² Кувабара Я. Результаты радиоуглеродного анализа (C^{14}) образцов из раскопок на городище Тахти-Сангин // АРТ. 2010. Вып. XXXIV (2008 г.). С. 217-225.

можно, дальнейшие исследования позволят получить больше данных о градостроительстве на Тахти-Сангине.

В 2012 г. директор Институт, истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ академик Р.Масов предложил руководителю Французской археологической миссии в Центральной Азии проф. А.-П. Франкфору проводить раскопки на Тахти-Сангине. Академик Французской академии надписей и изящной словесности (*Académie des inscriptions et Belles-Lettres*), иностранный член Национальной академии наук Таджикистана Анри Поль Франкфор – археолог с мировым именем, специалист по древнейшей и древней истории и истории искусства Центральной Азии. В 1976 г. открыл Шортугай (Северный Афганистан), один из ярчайших памятников бронзового века. А.-П.Франкфор имеет тесные научные связи с таджикской археологией. Ученый впервые приехал в Таджикистан в 1979 г. С 1984 по 1996 гг. А.-П.Франкфор совместно с А.Исаковым, а с 2010 по 2014 гг. – совместно с А. Раззоковым руководил Таджикско-Французской экспедицией на протогородском поселении Саразм. Именно благодаря исследованиям ученого и его французских коллег Саразм становится известен далеко за пределами Таджикистана. В западной историографии этот археологический памятник приводится как неоспоримое доказательство того, что Заравшанская долина являлась крупным культурным и торговым центром Центральной Азии в эпоху энеолита и бронзы, а её жители обладали высокой культурой.

О том, что А.-П. Франкфор является специалистом по различным историческим периодам древней Центральной Азии, говорит внушительный список его научных работ. А.-П. Франкфор всегда хотел копать на Тахти-Сангине. Кратковременные работы на этом уникальном памятнике позволили ученому сопоставить его материалы с эллинистическим памятником Айханум, расположенном на левом берегу Амударьи. Объектом исследования археолога были и архитектура, и украшения, и оружие, и монеты, найденные на Тахти-Сангине.

А.-П.Франкфор принимает предложение академика Р.Масова. В 2013 г. с группой археологов из Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ и Французского национального центра научных исследований (CNRS) совершает кратковременную поездку на городище Тахти-Сангин, чтобы на основе существующей карты территории памятника оценить перспективы проведения раскопок, а также определить основные исследовательские проблемы и подходы¹. В состав группы входили Т.Худжагелдыев (начальник), Ф.Курбанов (ИИАЭ им. А.Дониша), А.-П. Франкфор, М.Желэн, П.-М. Блан, Ф. Брюне (CNRS, Франция), Х. Васкес (Лувр, Париж), М.Тагоев и Г.Бурханов (водители, ИИАЭ им. А.Дониша)².

В ходе поездки был проведен пеший обход территории памятника с целью выявления перспектив проведения будущих раскопок. Особое внимание было уделено системе оборонительных сооружений, исследование которых позволило бы решить ряд вопросов, связанных со временем и причинами возведения системы оборонительных стен городища, их конструктивными особенностями, что позволило бы иметь представление об уровне развития фортификации на греко-бактрийском городище. Были осмотрены храм, останцы оборонительных стен, жилых и общественных строений³.

В сентябре 2014 г. была организована совместная таджикско-французская экспедиция Института истории археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ и Французского нацио-

---

¹ Gelin M. Nouvelle recherches a Takht-i Sangin // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2015. №1 (47). Р. 40; Желан М. Исследования на городище Тахти-Сангин (Новые таджикско-французские исследования: программа и методика) // АРТ. 2019. Вып. 40. С. 140.

² Желен М. Исследования на городище Тахти-Сангин (Новые таджикско-французские исследования: программа и методика. С. 147; Худжагелдыев Т.У. Разведочные работы на городище Тахти-Сангин в 2013 г. // АРТ. 2017. Вып. XXXIX. С. 93., прим. 1.

³Худжагелдыев Т.У. Разведочные работы на городище Тахти-Сангин в 2013 г. // АРТ. 2017. Вып. XXXIX. С. 87.

нального центра научных исследований (CNRS) в следующем составе: Т.Худжагелдыев (начальник), Ф.Курбанов (ИИАЭ им. А.Дониша), М.Желен (научный руководитель), П.-М.Блан (CNRS, Франция), Б.Аслан (геофизик, Университет Париж-5), Р. Швердтнер (топограф), М.Тагоев и Г.Бурханов (водители, ИИАЭ им. А.Дониша)¹, которая провела первые исследования на памятнике.

Следует отметить, что из-за не спокойной ситуации в Афганистане, археологам не разрешили разбить лагерь на территории городища. Они жили в селе Тешик-Таш джамоата Тахти-Сангин Кубодианского района Хатлонской области Республики Таджикистан и каждый день ездили на памятник, где работали с 8.00 до 17.00. Тем самым, археологи столкнулись с трудностями. Так, ежедневно они теряли около трех часов на дорогу, и время на раскопки значительно сократилось.

В основном исследования были сконцентрированы на изучении «цитадели-святилища» и ее взаимосвязи с окружающей ее территорией, чтобы определить хронологию ее развития и связь с храмом. Поэтому планировалось изучить часть оборонительной стены, окружающей цитадель, а также слои, расположенные за ее пределами. М. Желэн отмечает, что одной из особенностей городища Тахти-Сангин является наличие большого количества каменных сооружений, что весьма необычно для Центральной Азии в древности². Кроме того, автомобильная дорога, проходящая через памятник, прорезала северную и западную части оборонительной стены. Если осуществить зачистку фасов, образовавшихся в результате этих траншей, то можно быстро получить доступ непосредственно к каменной кладке и собрать достаточное количество материала, который

---

¹ Gelin M. Nouvelle recherches a Takht-i Sangin // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2015. №1 (47). Р. 38; Желан М. Исследования на городище Тахти-Сангин (Новые таджикско-французские исследования: программа и методика) // АРТ. 2019. Вып. 40. С. 147.

² Там же, с. 142-143.

пролет свет на хронологию и эволюцию оборонительных сооружений¹.

Отрадно заметить, что М. Желен является специалистом по древним фортификациям. Ученая много лет работала на античных памятниках Малой Азии. В своих исследованиях она опирается на новые методы, используя новейшее оборудование. Так, М. Желен указывает на тот факт, что городище Тахти-Сангин в своем развитии прошло несколько этапов и его изначальный этап пока неизвестен. Ученая считает, что для того, чтобы выявить все этапы развития городища и восстановить его изначальный вид, прежде всего, следует использовать исследование «извне», практически не нарушая целостности памятника, то есть применить неинтрузивные методы: определить причины его расположения именно на этом месте; изучить его морфологию и процесс заселения; провести геофизическую и археологическую разведки. Только после этого, в соответствии с полученными результатами можно определить, где следует осуществить масштабные археологические раскопки².

Таким образом, чтобы понять хронологию памятника и тот факт, как распространялись волны коллювиальных отложений, скопившихся между горами Актау и Амударьей, планировалось провести морфологическое и геологическое исследование памятника и прилегающей к нему территории. Было также принято решение о составлении точной топографической карты городища Тахти-Сангин. Кроме того, сопоставление результатов геофизической съемки с использованием новейшего оборудования с результатами топографической и археологической разведки позволит определить, как строились местные сооружения и, соответственно, установить характер градостроительства.

---

¹ Там же, с. 145.

² Gelin M. Nouvelle recherches a Takht-i Sangin. P. 40; Желан М. Исследования на городище Тахти-Сангин (Новые таджикско-французские исследования: программа и методика) // АРТ. 2019. Вып. 40. С. 143.

В 2014 г. таджикско-французская экспедиция провела замеры части памятника, по которым на карту были занесены некоторые участки, особенно в направлении восток-запад¹. Геофизическая съемка выявила довольно четкие линии, которые по предположению М.Желан, появились от каменной кладки².

Ученая отмечает, что поскольку оборонительные сооружения обычно очень хорошо отражают общую хронологию памятника, рассматриваемые валы (проходящие с востока на запад), будут представлять собой один из основных элементов исследования. В ходе их изучения можно установить их стратиграфическую связь со слоями, находящимися на защищенной ими территории, а также понять, как менялась граница изучаемого комплекса³. В 2014 г. было раскопано два вала, расположенных ближе всего к цитадели⁴. Выяснилось, что первоначальные укрепления (F1)⁵ несколько раз перестраивались и использовались на протяжении длительного времени, а вал, расположенный к югу от храма (F2)⁶, судя по всему, относится к греко-бактрийскому периоду⁷.

Заметим, что в результате полевых работ на участке (F1) был зафиксирован культурный слой, в котором на глубине 60 см от поверхности находились кости, уголь и фрагменты керамики, которые относятся к этапам, которые уже были зафиксированы на городище (фрагменты тарелок и чаш), однако неко-

---

¹ Там же, с. 144, 152, рис. 4.

² Там же, с. 144, 155, рис. 7.

³ Там же, с. 145.

⁴ Там же, с. 154, рис. 6.

⁵ Вал, расположенный в 560 м к северу от цитадели. См.: Желан М. Исследования на городище Тахти-Сангин (Новые таджикско-французские исследования: программа и методика). С. 157-158, рис. 9-10.

⁶ Вал расположен в 410 м. к югу от цитадели. См.: Желан М. Исследования на городище Тахти-Сангин (Новые таджикско-французские исследования: программа и методика) // АРТ. 2019. Вып. 40. С. 161, рис. 13.

⁷ Gelin M. Nouvelle recherches a Takht-i Sangin. P. 43-44; Желан М. Исследования на городище Тахти-Сангин (Новые таджикско-французские исследования: программа и методика). С. 145.

торые бесформенные фрагменты могут относиться ко временам, предшествовавшим греко-бактрийскому периоду¹. Тем самым, итоги раскопок 2014 г. подтвердили необходимость продолжить начатые исследования.

На основании результатов археологических работ на Тахти-Сангине в 2014 г. Министерство иностранных дел Французской Республики в 2015 г. дало согласие на создание французской археологической миссии на Тахти-Сангин². Таким образом, с французской стороны таджикско-археологическую экспедицию курировала комиссия по археологическим раскопкам Министерства иностранных дел Французской Республики. В 2017 г. экспедицией руководили М.Желен (CNRS, Франция) и Т.У. Худжагелдыев (ИИАЭ им. Дониша НАНТ)³. В составе экспедиции работали П.-М. Блан (CNRS, Франция), Н. Бульбулов (топограф), А. Шарипов, а также рабочие из села Тешик-Таш.

Время работы экспедиции было ограничено⁴. Археологи сконцентрировали внимание на трех секторах. Сектор F3 определен к западу от цитадели⁵. Обнаруженные в этом секторе каменные кладки, представляющие собой различные этапы интенсивного домашнего хозяйства (фундаменты основания стен, полы, керамика, тануры, очаги и т.д.)⁶, позволили констатировать, что территория вокруг цитадели была интенсивно застроена жилыми постройками. Там же была обнаружена база колонны⁷ греко-бактрийского периода. М. Желен предполагает, что возможно здесь было «престижное» здание⁸.

---

¹ Желан М. Исследования на городище Тахти-Сангин (Новые таджикско-французские исследования: программа и методика. С. 146, 159, рис. 11.

² Там же, с. 148.

³ Желан М. Тахти Сангин, 2017 г. Предварительный отчет (в сотрудничестве с П.-М. Блан) // АРТ. 2022. Вып. 42. С.153.

⁴ Экспедиция работала с 4 по 11 октября 2017 г.

⁵ Желан М. Тахти Сангин, 2017 г. Предварительный отчет (в сотрудничестве с П.-М. Блан) // АРТ. 2022. Вып. 42. С.153.

⁶ Там же, с. 154, с. 157, илл. 3-4.

⁷ Там же, с. 158, рис. 5.

⁸ Там же, с. 154.

Сектор F4 расположен в районе северных фортификационных сооружений цитадели¹, где были зафиксированы две стены, построенные из камней и пахсы².

Сектор F5 был заложен на месте расположения юго-западной башни цитадели, которая является единственной сохранившейся башней этих укреплений³. В результате раскопок определены две стены, пересекающиеся под прямым углом и, вероятно, образующие юго-западный угол башни⁴.

В связи с тем, что отчет о работе таджикско-французской экспедиции на Тахти-Сангине в 2017 г. был предварительным, поэтому основные результаты раскопок не были отражены в полном объеме. Планируется издать подробный отчет о раскопках на памятнике.

К сожалению, из-за ухудшения обстановки на таджикско-афганской границе, в 2018 г. Министерство иностранных дел Французской Республики запретило французским археологам работать на Тахти-Сангине. Таким образом, миссия таджикско-французской археологической экспедиции на памятнике была завершена.

Следует отметить, что, несмотря на краткосрочную работу, таджикско-французской археологической экспедиции удалось добиться определенных результатов, которые стали важными в изучении территории самого Тахти-Сангина. Прежде всего, было уделено внимание фортификационным сооружениям и продолжено изучение структуры города, что в дальнейшем позволит определить характер градостроительства Тахти-Сангина.

Заметим, что невзирая на сложную обстановку на таджикско-афганской границе и финансовые трудности, Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ

---

¹ Там же, с. 153.

² Там же, с. 154-155.

³ Там же, с. 153.

⁴ Там же, с. 155.

все-таки продолжил раскопки на памятнике. Так, в 2020 г. археологический отряд отдела археологии Института в составе Н.Сайфуллоева (руководитель), Т.Худжагелдыева и А.Шарипова (научные сотрудники), А.Караева (ст.лаборант), С.Абдуназарова (художник), М.Шарипова (рабочий), А.Каландарова и Г.Бурхонова (водители) работал на городище с 25 сентября по 25 октября¹.

Раскопки проходили на территории городища к востоку от храма Окса². Отрядом выявлено несколько горизонтов обживания кушанской эпохи. В основании заложенного раскопа была обнаружена стена греко-бактрийского периода.

Что касается находок, то они представлены в основном фрагментами керамических сосудов и одной монетой. Кроме того, был собран подъемный материал с территории храма Окса, который состоял из золотой подвески, предметов из бронзы и монеты³.

В 2022 г. археологический отряд Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ в составе Т.Худжагелдыева (руководитель), А.Караева, М.Шарипова и Р.Бурхонова (научные сотрудники), М.Рахмонова (лаборант Национального музея древностей Таджикистана) и Г.Бурхонова (водитель) с 15 августа по 14 сентября⁴ вернулся к раскопу, заложенному на территории жилой части городища Тахти-Сангин в 2020 г.⁵. Раскоп был расширен. После расчистки дернового слоя⁶ археологи наткнулись на стену из камней

---

¹ Приказ Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша НАНТ от 25.09.2020 под № 28-к.

² Автор благодарит Т.У.Худжагелдыева за предоставленные сведения о результатах раскопок на Тахти-Сангине в 2020 г.

³ Отчет о раскопках не опубликован. Данные представлены Т.У.Худжагелдыевым.

⁴ Приказ Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша НАНТ от 08.08.2022 под № 29.

⁵ Автор благодарит начальника археологического отряда Т.У.Худжагелдыева за предоставленные сведения о результатах раскопок на Тахти-Сангине в 2022 г.

⁶ Слой земли, густо заросший травой.

кушанского периода. Ниже было зафиксировано несколько полов горизонтов обживания кушанского времени. В основании раскопа продолжили расчищать стену греко-бактрийского периода, обнаруженной в 2020 г.

Среди находок в верхних кушанских слоях и нижнем – греко-бактрийском обнаружено много фрагментов керамики и костей животных. В кушанском слое обнаружены также наконечник железной стрелы, керамические и каменные пряслица, терракота женской фигуры, а также фрагмент известкового камня с фрагментом надписи на основе греческого алфавита.

Как и прежде, с территории храма Окса был собран подъемный материал, состоящий из трех монет, две из которых по определению А.Шарифзода – кушанские, одна – греко-бактрийская¹, керамическая фигурка лошади и неопределенные фрагменты бронзовых предметов.

Кроме того, на берегу Амударьи к востоку от цитадели было расчищено погребение без сопроводительного материала. Датировка не установлена. Рядом с погребением найдены две базы колонны: одна – греко-бактрийская, вторая – кушанская, а также кушанская монета и фрагменты керамики.

Итак, раскопки 2020 и 2022 гг. показали, что перспективы у Тахти-Сангина многообещающие, и памятник может хранить множество как загадок, так и ответов на них.

Таким образом, третий период изучения Тахти-Сангина показал, что новые методы исследования с использованием новейшего оборудования даёт больше возможностей и в кратчайшие сроки получить определенные результаты.

В этот период исследование памятника вышло на новый уровень. Так, изыскания проходят не только на цитадели, но и на территории городища, изучению подвергаются также и фортификационные укрепления. Еще одной характерной особенностью третьего периода является участие в его раскопках иностранных ученых, в том числе и международной экспедиции.

---

¹ Информацию предоставил Т.У.Худжагелдыев.

Подводя итоги историографического анализа публикаций по Тахти-Сангину, следует отметить, что в целом история его изучения охватывает период с 1879 г. по настоящее время. Впервые история изучения этого уникального памятника была поделена на хронологические периоды. Каждому периоду на основе нового методологического подхода была дана характеристика. В процессе исследования были выявлены некоторые спорные моменты, которые не только не отразились на итогах многолетних изысканий на Тахти-Сангине, но и указали направление будущих исследований.

Будем надеяться, что наступит такое время, когда на городище Тахти-Сангин продолжатся полномасштабные комплексные археологические исследования и появятся новые молодые археологи, которые будут преданы этому важному в истории не только Центральной Азии, но и всего евразийского материка археологическому памятнику. Будем также надеяться, что они смогут дать аргументированные ответы на спорные вопросы по Тахти-Сангину и предложат новые решения ряда вопросов, которые сейчас кажутся нам уже решенными.

АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТАХТИ-САНГИНА

Историографический анализ существующей обширной научной литературы по Тахти-Сангину показал, что сначала, этот уникальный памятник рассматривался учеными в двух аспектах: как крепость, обороняющая переправу через Амударью, и как предполагаемое место находки Амударьинского клада, а после первых лет археологических раскопок о нем заговорили как о культовом месте.

Следует отметить, что в связи с большим объемом полученного материала, который не был окончательно обработан, Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян планировали издать полный детальный отчет всех материалов с введением их в контексте древневосточной и эллинистической культуры. Б.А. Литвинский отмечает, что это стало тем более актуальным, что в процессе исследования им удалось уточнить или даже опровергнуть многие положения и датировки, высказанные в предварительных публикациях¹. Таким образом, несмотря на то, что раскопки на Тахти-Сангине были приостановлены, аналитическая работа над археологическим материалом продолжалась. Б.А.Литвинский и И.Р. Пичикян приступили к написанию фундаментальной монографии, состоящей из трех томов. К сожалению, в 1997 г. И.Р. Пичикян скоропостижно скончался. Б.А. Литвинский доработал первый том, который был издан в 2000 г. под двумя фамилиями под названием «Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. I. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь»².

---

¹ Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 6.

² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000. 503 с.

В первом томе освещен процесс раскопок, стратиграфия и хронология храма Окса. Ученые вновь сосредоточились на вопросе происхождения Амударьинского клада. В книге проведен также анализ архитектуры храма, его сравнение с восточными храмами огня, выявлен генезис его архитектурно-планировочного устройства. Большое внимание уделяется религиозной жизни не только в храме, но и в Бактрии в целом. Кроме того, в приложении I осуществлен анализ геоморфологических условий и приведена реконструкция палеоэкологической обстановки в районе памятника Тахти-Сангин, проведенный П.П. Керзум и А.П.Керзум¹. Составленный Е.В. Зеймаль² реестр монет, обнаруженных на Тахти-Сангине, представлен в приложении II.

Следует отметить, что в 2002 г. Немецкий археологический институт (DAI) издал сокращенный вариант первого тома на немецком языке³, в котором основное внимание было уделено раскопкам, стратиграфии и архитектуре храма Окса.

Следующие два тома вышли под фамилией Б.А. Литвинского. Второй том «Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. II. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте⁴» увидел свет в 2001 г. Обнаруженные четыре тысячи предметов вооружения, датируемые периодом VI-

---

¹ Керзум П.П., Керзум А.П. Геоморфологические условия и реконструкция палеоэкологической обстановки в районе памятника Тахти-Сангин (на фоне территории Северной Бактрии-Тохаристана // Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М, 2000. С. 375-392.

² Зеймаль Е.В. Монетные находки Тахти-Сангина (реестр) Тохаристана // Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М, 2000. С. 393-404.

³ Litvinsky B.A., Pičikjan I.R. Taxt-i Sangīn. Der Oxus-Tempel: Grabungsbe-fund, Stratigraphie und Architektur. Mainz: Verlag Philip von Zabern, 2002. xii, 124 s., 33 abb, 7 tab., 32 taf. (Archäologie in Iran und Turan, Bd. 4).

⁴ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Изд-ая фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. 528 с.

V вв. до н.э. – II-IV вв. н.э., становятся объектом исследования в данной монографии. Б.А. Литвинский даёт очерк истории отдельных видов оружия и оборонительных доспехов в Бактрии и в Центральной Азии в целом. Ученый рассматривает эволюцию центральноазиатского вооружения в контексте истории переднеазиатского и греческого оружия. Большое внимание уделяется исследованию греческого вооружения в Центральной Азии в эпоху эллинизма. Подобное внимание изучению греческого вооружения объясняется тем, что оружия, в особенности парадных, функциональных боевых и миниатюрных ножен греческих мечей на Тахти-Сангине найдено больше, чем во всем Средиземноморском регионе за 150 лет раскопок¹. Поразителен тот факт, что они были обнаружены на самой дальней периферии античной ойкумены².

Во втором томе также имеются приложения, где Р.М. Юсупов³ приводит размеры, индексы и классификацию черешковых железных наконечников стрел из храма Окса (приложение I). Б.А. Литвинский даёт типологизацию боевых топоров саков Памира (приложение II)⁴, а также вновь возвращается к вопросу об Амударьинском кладе (приложение III)⁵.

Заключительный том монографического исследования «Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство,

---

¹ Пичилян И.Р. Парадные ножны греко-бактрийских мечей // Проблемы античной культуры. Отв. ред. Г.А. Кошеленко. М.: Наука, 1986. С. 266.

² Пичилян И.Р. Храм Окса на Тахти-Сангине (Раскопки 1981 года в Кобаданском районе) // АРТ. 1988. Вып. XXI (1981 г.). С. 276.

³ Юсупов Р.М. Размеры, индексы и классификация черешковых железных наконечников стрел из храма Окса // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 384-417.

⁴ Литвинский Б.А. Боевые топоры саков Памира // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 418-424.

⁵ Литвинский Б.А. Новое о находке клада Окса // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 418-424.

художественное ремесло, музыкальные инструменты»¹ вышел в 2010 г. В нем освещается изучение произведений искусства, музыкальных инструментов и ремесла. Особое внимание Б.А. Литвинский уделяет ювелирным изделиям и орнаментации бытовых предметов и вооружения. Как и в предыдущих томах, третий том содержит приложения. В приложении I² ученый с некоторыми добавлениями приводит ранее опубликованную статью «Искусство и мифологические представления кочевников Памира (середина и вторая половина I тыс. до н.э.)». В приложении II³ Б.А. Литвинский даёт сравнительные материалы по украшениям кушанского времени из памятников Северной Бактрии (могильник Туп-хона и другие памятники. В приложении III⁴ ученый впервые освещает вопрос типологии и хронологии бронзовых зеркал из храма Окса и из других могильников Северной Бактрии. В приложении IV⁵ Л.Н. Новикова на примере материалов Тахти-Сангина проводит анализ техники и технологии изготовления глиняной скульптуры в Сред-

---

¹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Изд-ая фирма «Вост. лит.» РАН, 2010. 664 с.

² Литвинский Б.А. Искусство и мифологические представления кочевников Памира (середина и вторая половина I тыс. до н.э.) // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 469-480.

³ Литвинский Б.А. Сравнительные материалы по украшениям кушанского времени из памятников Северной Бактрии (могильник Туп-хона и другие памятники) // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 481-490.

⁴ Литвинский Б.А. Бронзовые зеркала из храма Окса и из других памятников Северной Бактрии // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 491-503.

⁵ Новикова Л.Н. Техника и технология изготовления глиняной скульптуры в Средней Азии (на материалах Тахти-Сангина // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 504-520.

ней Азии. В приложении V М.С. Шемаханская исследует металлические находки из храма Окса. В приложении VI¹ А.С. Балахванцев обращается к вопросу об атрибуции глиняных голов из Тахти-Сангина.

Таким образом, в основном тематика статей в приложениях всех трех томов освещает различные аспекты исследований на Тахти-Сангине. Тем самым трехтомное монографическое исследование подытожило археологические изыскания Тахтикубадского отряда на городище. Заметим, что керамика Б.А. Литвинским и И.Р. Пичикяном не рассматривалась, за исключением единственного опубликованного четко стратифицированного керамического комплекса из алтарно-башенного сооружения № 2 в северо-западном углу теменоса², а некоторые вопросы, которые были ими подняты, остались открытыми для будущих исследований на памятнике.

На сегодняшний день существует обширная литература по различным вопросам изучения Тахти-Сангина. Она включает в себя как публикации по отдельным находкам или памятнику, так и обобщающие работы, посвященные обнаруженному и раскрытому зданию храма Окса на городище Тахти-Сангин, а также многочисленным находкам³. Памятник и его находки стали объектом дискуссий среди ученых разных сфер научной

---

¹ Балахванцев А.С. К вопросу об атрибуции глиняных голов из Тахти-Сангина // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 521-530.

² Пичикян И.Р., Керзум А.П. Тахти-Сангин. Алтарно-башенное сооружение // Ученые Записки Комиссии по Изучению Памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока (археологические источники). Ред. И.С. Каменецкий. М.: ГРВЛ, 1989. С. 177-194; Керзум А.П. Тахти-Сангин. Керамика алтарно-башенного помещения // Ученые Записки Комиссии по Изучению Памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока (археологические источники). Ред. И.С. Каменецкий. М.: ГРВЛ, 1989. С. 195-208.

³ Основные работы указаны в библиографических разделах в указанной трехтомной монографии.

деятельности: археологии, истории, нумизматики, эпиграфики, архитектуры, искусства, религии, лингвистики и т.д.

Еще раз об Амударьинском кладе

Самыми известными археологическими находками на территории Бактрии являются предметы Амударьинского клада, обнаруженного в 1877 г. в верховьях Амударьи, в районе слияния Вахша с Пянджем. В дальнем зарубежье Амударьинский клад известен как Сокровища Окса по древнегреческому названию реки Амударья. Амударьинский клад хранится в Британском музее и состоит из около 180 золотых и серебряных шедевров ахеменидского искусства, среди которых встречаются также произведения мидийско-луристанского, сакского и греческого искусства, датируемых VI-III вв. до н.э. Кроме того, в состав клада входит более 500 монет ахеменидского, классического греческого, финикийского и эллинистического чеканов. Клад представлен миниатюрными моделями повозок с лошадьми, статуэтками людей и животных, браслетами, кольцами, монетами, кувшинами, подвесками и т. д. Это наиболее известное собрание золотых и серебряных артефактов ахеменидского и греко-бактрийского периодов. Особое внимание в коллекции клада привлекают ювелирные украшения, по которым можно проследить традиции персидского и греко-бактрийского искусства, а также скифского звериного стиля. По мнению Р.Д. Барнетта, который был хранителем Британского музея с 1932 по 1974 гг., клад является сокровищем не только этого музея, но и всей британской нации¹.

В 1879 г. английский нумизмат П.Гарднер² опубликовал статью, в которой описал монеты, в основном эллинистические, являвшиеся частью клада золотых и

---

¹ См.: Barnett R.D. Preface to the third edition // Dalton O.M. The Treasure of the Oxus: With other Examples of Early Oriental Metal-Work. Third Edition. London: The British Museum, 1964. P. VI.

² Gardner P. New coins from Bactria // The Numismatic Chronicle. New Series. London, 1879. Vol. 19. P. 1-12.

серебряных монет, приобретенных начальником железных дорог Индии А. Грантом. О месте и обстоятельствах находки клада ученый со слов А. Гранта пишет: «Несколько месяцев назад, как нам сообщил м-р Александер Грант..., в Бухаре был открыт большой клад золотых и серебряных монет. Место обозначено м-ром Грантом как «в восьми переходах за Оксом, в старой крепости на косе, образованной двумя сливающимися реками»¹.

В 1881 г. появилось сообщение о кладе, состоявшем из уникальных золотых и серебряных артефактов, опубликованного первым руководителем Английской археологической службы в Индии генералом А.Каннингемом². Со времени выхода первых публикаций об Амударьинском кладе прошло более 140 лет, и эта коллекция уникальных шедевров, произведенных руками древних иранцев, продолжает привлекать, как исследователей, так и любителей старины.

Следует отметить, что русские ученые, побывавшие в верховьях Амударьи, отмечали находки ценностей в этих местах. Так, побывавший здесь в 1879 г. Н.А. Маев пишет: «На самом слиянии Вахша с Пянджем находятся развалины очень древнего города Тахти-Куват. Сопровождавшие нас туземцы рассказывали, что в этих развалинах прежде находили разные древние вещи, даже нашли однажды в груде мусора отлитого из золота тигра и разные золотые вещи. Все эти вещи были проданы в Бадахшан индийцам, за дорогую цену»³. Таким образом, приведенные нами сведения П.Гарднера и Н.А Маева свидетельствуют о том, что английские и русские источники,

---

¹ Gardner P. New coins from Bactria // The Numismatic Chronicle. New Series. London, 1879. Vol. 19. P. 1.

² Cunningham A. Relicts from Ancient Persian in Gold, Silver and Copper // JASB. 1881. Vol. 1. P. 151-186; Idem. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper: second notice // JASB. 1883. Vol. 52. P. 64-67; Idem. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper: third notice // JASB. 1883. Vol. 52. P. 258-260.

³ Жуков Ф. Верхнее течение Аму-Дарьи // Туркестанские ведомости. 1880. № 12.

независимо друг от друга сообщали об одном и том же месте, где местные жители находили предметы старины.

Первая полная публикация предметов Амударьинского клада была издана хранителем Британского музея О.М. Далтоном¹ в 1905 г. С тех пор археологи, историки, искусствоведы спорят о месте и времени происхождения клада и о его назначении. На наш взгляд, самую правильную характеристику этим шедеврам мирового искусства дал Б.Я. Ставиский: «Поскольку Амударьинский клад все еще остается самым ярким и, более того, единственным собранием высокохудожественных изделий золотых и серебряных изделий, которые связываются с древней Бактрией, то или иное решение названных вопросов имеет первостепенное значение для характеристики культуры и искусства этой прославленной в древности историко-культурной области Средней Азии и Среднего Востока»².

Мы уже отмечали, что одной из причин, побудившей Б.А. Литвинского проводить археологические раскопки на Тахти-Сангине, является вопрос о местонахождении Амударьинского клада. Мы не будем подробно останавливаться на истории изучения вопроса о месте происхождения клада и его назначении, так как он подробно освещен И.Р. Пичикияном и Б.А.Литвинским³. Приведем лишь несколько точек зрения. После сообщений английских и русских ученых был определен район, где следует искать место находки Амударьинского клада. Исследователями

---

¹ Dalton O.M. The Treasure of the Oxus: With Other Objects from Ancient Persia and India. London: Trustees of the British Museum, 1905. 137 p.

² Ставиский Б.Я. Заметки об Амударьинском кладе // Искусство Востока и античности. М.: ГРВЛ, 1977. С. 42

³ Пичикиян И.Р., Литвинский Б.А. Клад Окса – сокровище зороастрийского храма // Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000. С. 29-36; Литвинский Б.А. Новое о находке клада Окса (Амударьинского клада) // Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 425-429; Он же. Амударьинский клад // Храм Окса (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 33-58.

были выдвинуты предположения, что клад происходит из Тахти-Кубада¹, Калаи-Мир², Кобадiana³, Тахти-Сангина⁴, Хишт-Тепа (провинция Кундуз, северный Афганистан)⁵

Что касается назначения Амударьинского клада, то А.Каннингем предположил, что эти сокровища принадлежали богатой бактрийской семье⁶. Р. Гиршман первым предположил, что Амударьинский клад является частью храмовой

---

¹ Зеймаль Т.И., Зеймаль Е.В. Еще раз о месте находки Амударьинского клада // Изв. АН ТаджССР. Отд. Общ. наук. 1962. Вып. 1 (28). С.45; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: каталог выставки. Л.Искусство, 1979. С. 15-16; Он же. Тахти Кобад или «Тахти Сангин» (снова об Амударьинском клада) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб, 1993. С. 52-56; Bernard P. Le temple de dieu Oxus à Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas? // Studia Iranica. 1994. Issue 23. P. 106-109; Curtis J., Searight A. The Gold Plaques of the Oxus Treasure: Manufacture, Decoration and Meaning // Culture through Objects: Ancient Near Eastern Studies in Honour of P. R. S. Moorey. Ed. By T. Potts, M. Roaf, D. Stain. Oxford: Griffith Institute, 2003. P. 220-223 и др.

² Коровчинский И.Н. Клад Окса: к вопросу о месте и обстоятельствах находки // Проблемы истории, филологии и культуры. Москва-Магнитогорск, 2004. № 4. С. 588-589.

³ Семенов А.А. Памятники старины в русском Туркестане // А.А. Семенов. Избранные сочинения. Сост. Х.Пирумшоев, Н.Ходжаева. Душанбе, 2013. С.17.

⁴ Ставиский Б.Я. Заметки об Амударьинском клада // Искусство Востока и античности. М., 1977. С. 43; Пичикян И.Р. Результаты раскопок на Тахти-Сангине в 1983 г. // АРТ. 1991. Вып. XXIII (1983 г.) С. 188-189; Он же. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ в 1984 г. // АРТ. 1994. Вып. XXIV (1984 г.). С. 265; Пичикян И.Р., Литвинский Б.А. Клад Окса – сокровище зороастрийского храма // Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 30; Литвинский Б.А. Новое о находке клада Окса (Амударьинского клада) // Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 425-429; Он же. Амударьинский клад // Храм Окса (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 33-58.

⁵ Коровчинский И.Н. Клад Окса: к вопросу о месте и обстоятельствах находки // Проблемы истории, филологии и культуры. Москва-Магнитогорск, 2004. № 4. С. 588, 590.

⁶ Cunningham A. Relicts from Ancient Persian in Gold, Silver and Copper // JASB. 1881. Vol. 1. P.153.

сокровищницы, составленной из votивных приношений¹. Существуют также предположение, что Амударьинский клад – это погребальный инвентарь или коллекция ахеменидских шедевров, происходящих из разных мест Кабадианского бекства². Согласно еще одной точке зрения, клад начал формироваться в Иране в последней четверти IV в. до н.э., затем попал в Бактрию, где в него влились новые вещи и монеты, причем последние пополнения мог сделать его позднейший владелец – кочевник, живущий за Амударьей³.

На наш взгляд, Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян представили аргументированные доводы в пользу места находки Амударьинского клада на городище Тахти-Сангин. Так, проведя сравнительный анализ семантики изображения на золотой пластине⁴, найденной в храме Окса в коридоре № 6 в 1983 г. с предметами из Амударьинского клада, а также обнаруженных ранее ножен акинака⁵, рукояти меча с протомой грифона, завершения ритона в виде скульптурной полуфигуры льва⁶, И.Р.Пичикян выдвигает предположение о принадлежности Амударьинского клада к храму Окса. Ученый пишет: «В свете открытия храма Окса обращают на себя внимание ставшие

---

¹ Ghirshman R. *Perse: Proto-Iraniens, Médes, Achéménides*. Paris: Gallimard, 1963. P. 91.

² Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадан) 1950-1951 гг. // МИА. 1953. № 37. С. 254; Muscarella O.W. *Museum Constructions of the Oxus Treasures: Forgeries of the Provenience and Ancient Cultures* // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 2003. Vol. 9. No 3-4. P. 263.

³ См.: Пичикян И.Р., Литвинский Б.А. Клад Окса – сокровище зороастрийского храма // *Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан)*. Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 30.

⁴ Пичикян И.Р. Результаты раскопок на Тахти-Сангине в 1983 г. // АРТ. 1991. Вып. XXIII (1983 г.) С. 184-186;

⁵ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. 1981. № 3. С.87-109.

⁶ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Бактрия: новые находки археологов // *Азия и Африка сегодня*. 1981. № 12. С.57-58.

очевидными и гораздо более информативными факты, ранее не обращавшие на себя внимания:

1. На основании сведений, собранных А. Каннингом, место находки клада Окса в верховьях Амударьи принято всеми советскими и зарубежными учеными. Храм Окса и перекликающиеся с Амударьинским кладом предметы ахеменидского и классическо-греческого искусства открыты там же.

2. Состав вещей клада: votивные предметы, храмовая утварь и посвячительные пластины, – указывают на принадлежность их к выборке из храмовых сокровищ. Все остальные гипотезы... должны быть сняты, так как разновременные votивные пластины с изображением жрецов-мобедов не могли быть коллекционированы.

3. Единственная арамейская надпись на перстне № 105¹ Амударьинского клада с посвящением Вахшу недвусмысленно свидетельствует о ее votивном назначении и принадлежности к предметам, принесенным в храм именно этого божества. Аналогичная надпись в древнегреческой огласовке найдена в храме Окса с посвящением Атросока Оксу (Вахшу).

4. Vотивные пластины², по количеству составляющие четверть Амударьинского клада, также несут определенную информативность. Это храмовые приношения. Подобные пластины и маленькие скульптурные изображения жрецов и жриц с жестами адорации найдены во многих греческих святилищах. Ранее на обращалось внимания, что на них изображены культовые сцены приношения барсома, совершенно аналогич-

---

¹ См.: Dalton O.M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work. Third edition. London: The Trustees of the British Museum, 1964. P. 28, No. 105, pl. XVI, fig. 57; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: каталог выставки. Л.: Искусство, 1979. С. 61, № 105.

² См.: Dalton O.M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work. Third edition. London, 1964. P. 19-26, Nos 48-100, pl. XI, XIV-XV; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: каталог выставки. Л., 1979. С. 51-58, № 48-100.

ные сценам, рельефов храмов нижней террасы Персеполя¹ (рис. 12а) и Дикселеи². Найденные в храме Окса три золотые пластины, последняя с изображением мужчины, ведущего верблюда (рис. 12б), находят аналогии также в дворцовом ахеменидском искусстве Персеполя и царского его некрополя – Накши Рустама.

Все сказанное свидетельствует о несомненной связи клада Окса с комплексом культовых приношений из храма Окса»³.

И.Р. Пичикян отмечает также важную деталь, указывая на то, что Р. Барнет, даже не побывав в этих местах, первым точно локализовал место находки клада Окса «в прямоугольной крепости, упоминаемой М.М. Дьяконовым»⁴, то есть на Каменном городище, в котором нами через десятилетие был открыт храм Окса⁵.

Ранее было отмечено, что в 1991 г. из-за военных событий на юге Таджикистана раскопки на Тахти-Сангине были приостановлены. Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян приступили к тщательному изучению всего собранного материала на Тахти-Сангине. Ученые не оставили без внимания и вопрос о месте находки Амударьинского клада. Они провели анализ всех существующих точек зрения о происхождении предметов Амударьинского клада и сравнили их с находками в храме Окса. Исследователи отмечают следующее: «Основную часть пожертвований в храмы составляют, прежде всего, монеты и украшения из драгоценных металлов, снятые с себя донатора-

---

¹ Schmidt E.F. Persepolis I: Structure. Reliefs. Inscriptions. Chicago-Illinois: The University of Chicago Press, 1953. P. 56.

² Olmstead A.T. History of the Persian Empire. Chicago: University of Chicago Press, 1959. Pl. 52.

³ Пичикян И.Р. Результаты раскопок на Тахти-Сангине в 1983 г. // АРТ. 1991. Вып. XXIII (1983 г.) С. 187-188.

⁴ Barnett R. The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus // Iranica Antiqua. 1968. Vol. 8. P. 34.

⁵ Пичикян И.Р. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮГАЭ в 1984 г. // АРТ. 1994. Вып. XXIV (1984 г.). С. 265;

ми, и храмовая утварь – фиалы и фигурные сосуды. В Кладе Окса и в храме Окса на Тахти-Сангине они представлены в большом количестве»¹.

Наряду с пластинами к разряду votivных относятся и изображения животных, а также миниатюрные модели колесниц из золота (№ 11, 13, 15, 7, 7А, 8, 44-46)² и статуэтка возничего (№ 4)³.

Что же касается оружия, представленного золотой обкладкой ножен акинака, то античные авторы неоднократно указывали на то, что десятина (десятая часть) добычи или военных трофеев постоянно посвящается в храмы. В храме Окса, например, наряду с близкими по времени и форме ножнами было открыто оружие, явно превалирующее над остальной массой приношений.

Оружие в Кладе Окса – золотые обкладки ножен (№ 22)⁴, серебряный умбон щита (№ 24)⁵, золотые украшения (№ 23, 25-36, 39-43, 164, 175, 176)⁶ – не препятствуют отнесению его к разряду обычных культовых приношений, открытых во множестве уже исследованных храмов.

Таким образом, в Кладе Окса нет ни одной вещи, которая опровергла бы его интерпретацию как «выборки» из храмовой сокровищницы. Сокровище Окса могло принадлежать только храму. Об этом, прежде всего, свидетельствует назначе-

---

¹ Пичикян И.Р., Литвинский Б.А. Клад Окса – сокровище зороастрийского храма // Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. I. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 34.

² См.: Dalton O.M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work. Third edition. London: The Trustees of the British Museum, 1964. P. 3-5, 6-7, 18, fig. 20, pl. IV, VI, XIII-XIV, XXI; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: каталог выставки. Л.: Искусство, 1979. С. 36-39, 40-41, 50.

³ См.: Dalton O.M. Idem, p. 2-3, pl. II; Зеймаль Е.В. Там же, с. 36.

⁴ См.: Dalton O.M. Idem, p. 9-10, pl. IX; Зеймаль Е.В. Там же, с. 43-44.

⁵ См.: Dalton O.M. Idem, p. 13, pl. X; Зеймаль Е.В. Там же, с. 44-46.

⁶ См.: Dalton O.M. Idem, p. 11-15, 16-18, 41, pl. XI-XIII, XXI; Зеймаль Е.В. Там же, с. 44, 46-50, 71.

ние золотых пластин с изображением жрецов и посвятительных вотивов.

Многие исследователи, в том числе Р.Гиршман, Р.Барнетт, М.И. Артамонов, Э.Порада, М.Бойс, Ф.Холт, П.Бернар, Ф.Грене, а теперь и Е.В. Зеймаль, Б.Я. Ставиский и Е.Е. Кузьмина признают в Кладе Окса храмовое сокровище.

Из подобного вывода, представляющегося нам справедливым, вытекает, следующее заключение. Если признать Клад Окса зороастрийским храмовым сокровищем, получается, что на месте храма Окса или рядом с ним существовал более ранний зороастрийский храм. Как справедливо отмечает М.Бойс, характеризуя место постройки храма Кухи-Хваджа, культ воды и огня почитался в Иране задолго до прихода греков. И в нашем случае с храмом, посвященном божеству реки Окса, не было лучше места, чем почитать бога Окса в самом верховье – в очень живописном месте – месте рождения реки у слияния двух мощнейших ее притоков – Вахша и Пянджа¹.

Таким образом, Клад Окса рассматривается Б.А. Литвинским и И.Р. Пичикияном с одной стороны, как сокровища храма Окса, а с другой стороны – как часть сокровища зороастрийского храма, найденного вблизи храма Окса.

Детально изучив сообщения русских ученых, особенно Н.А.Маева и Н.Н. Покотило, сравнив их со статьями А.Каннигема и П.Гарднера, Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикиян пришли к заключению, что Амударьинский клад был найден в месте слияния Вахша и Пянджа или же в нескольких километрах ниже, может быть около Тахти-Кобада. Ученые, дают вполне обоснованное разъяснение тому, что предметы и монеты, входящие в состав Сокровища Окса (Амударьинского клада), первоначально находились в качестве храмового сокровища в храме Окса. В ожидании какого-то политического ката-

---

¹ Пичикиян И.Р., Литвинский Б.А. Клад Окса – сокровище зороастрийского храма // Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 34-36.

клизма, может быть нашествия кочевников, жрецы изъяли эти сокровища и тайно закопали в одном или нескольких местах недалеко от берега реки, но вернуть назад эти сокровища в храмовые кладовые им было не суждено. Возможно, захоронение было произведено в восточной части цитадели или рядом, может быть, в другом месте (местах), но также в пределах досягаемости, с учетом максимально высокого весеннего разлива реки¹.

О том, что сокровищница храма Окса была разделена на части и спрятана в разных местах, свидетельствуют предметы клада (VII-II вв. до н.э.), найденного в Афганистане в 1993 г. и вывезенного в г. Пешавар (Пакистан). Клад был приобретен Михо Музеем (Япония). И.Р. Пичикян назвал его Большим кладом Окса, так как он представлен тремя тысячами votivными предметами². У некоторых исследователей возникло сомнение в подлинности этого клада. И.Р. Пичикян исследовал предметы Большого клада Окса из Михо Музея, проведя сравнительный анализ предметов из обоих кладов с находками из храма Окса. Ученый заключает следующее:

В связи с большим количеством пластин, скульптуры, ваз, рельефной пластики, монет и других предметов искусства встает связанный с сокровищами важный вопрос о первоначальном месте хранения, но он гораздо шире, чем датировка основания храма на Оксе. Сокровища с ранней датой непосредственно связаны с вопросом о возникновении зороастрийских храмов. Храм не только обиталище Бога – *Domus dei*, он и хранилище сокровищ, приносимых в дар божеству – таковым было универсальное назначение святилищ во всех религиях мира. Теперь Сокровище Окса – прямое свидетельство в пользу возникновения зороастрийских храмов уже в ахеменидский период в необходимости иметь для хранения больших запасов золо-

---

¹ Литвинский Б.А. Новое о находке клада Окса (Амударьинского клада) // Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 426-427.

² Пичикян И.Р. Возрождение Большого клада Окса. Вторая часть Клада Окса из коллекции Михо Музея // ВДИ. 1998. № 1 (224). С. 96.

та храмовую сокровищницу не должно оставаться сомнений. Наиболее вероятно, что первоначальный храм отличался по планировке от раскопанного нами храма Окса, открытого на том же месте, но построенного позже, во время пребывания Александра на Востоке, по новому плану, который, как показывают храмы в Персеполе и Сузах, обрел каноническую композицию. Однако не остается никаких сомнений в необходимости наличия храма любой планировки, а также непременно мощных стен священного участка, ограждавших его от опасностей ограбления.

Важно заметить, что данная точка зрения обоих ученых была подтверждена исследованиями фортификационных стен на Тахти-Сангине в наше время¹.

И.Р. Пичикян отмечает также, что если рассматривать в хронологической последовательности посвящения, принесенные в храм Окса и представленные в двух частях Клада Окса (ОТ-1 и ОТ-2), то приходишь к выводу о том, что самые замечательные произведения искусства приходится на ахеменидский и доселевкидский периоды. Греко-бактрийский период, охватывающий целое столетие, представлен лишь вотивными монетами и рядовыми вещами, а конец греко-бактрийского – начало юэчжийского – лишь единичными произведениями искусства. Кушанский, точнее великокушанский период в обеих частях Клада Окса не представлен, его присутствие отражено лишь в храме Окса, но только монетами чекана Канишки и Хувишки и керамикой, в более поздние периоды храм прекратил свое функционирование...².

Единичные сопоставления предметов из всех трех комплексов показывают, что они состоят из одинаковых посвященных предметов даже тогда, когда выполнены в разных ма-

---

¹ Худжагелдыев Т.У. Разведочные работы на городище Тахти-Сангин в 2013 г. // АРТ. 2017. Вып. XXXIX. С. 91.

² Пичикян И.Р. Возрождение Большого клада Окса. Вторая часть Клада Окса из коллекции Михо Музея // ВДИ. 1998. № 2 (225). С. 183.

териалах. Наибольшее число аналогий предметы из храма Окса обнаруживают только в обеих частях Клада Окса, и наоборот – эти два комплекса, бесспорно, схожи. Кроме того, они не находят себе аналогий ни по хронологии, ни по votивному назначению предметов вкладах, открытых в Таджикистане, Афганистане или Иране. Вещи из двух частей Клада Окса, если признать, что они были сокрыты в храме Окса, еще более наглядно, чем предметы, действительно там раскопанные археологами, демонстрируют их votивное назначение, так как обе части Клада Окса в своем большинстве состоят из золотых пластин с изображением держащих барсом в руках поклоняющихся огню жрецов и донаторов, приносящих свои дары: прежде всего те же прутья барсома, оружие, животные и цветы.

Клад Окса первоначально был храмовым сокровищем. Золотые пластины из храма Окса, аналогичные пластинам Клада Окса¹, – свидетельство в пользу этой версии. В храме они представлены и «полуфабрикатом», и золотой пластиной с изображением бактрийца, ведущего верблюда, и многочисленными (более 50) мелкими золотыми изделиями, и орнаментированными пластинами, и золотой фольгой, и другими посвященными предметами из золоченого металла и слоновой кости.

Произведения искусства из слоновой кости высокого художественного уровня, относящиеся к ахеменидскому времени и найденные в храме Окса, – ножны и рукояти акинаков, костяное навершие и втулка месопотамского посоха со сценой приношений сосудов (обычно символизирующих водные потоки), нижнее завершение ритона в виде скульптуры льва, рукоять, увенчанная рогатым грифоном², – свидетельствуют об идентичности посвящений, составляющих оба комплекса, как храма Окса, так и Клада Окса³.

---

¹ См.: Catalogue of Treasures of ancient Bactria. Shigaraki: The Miho Museum, 2002. P. 78-86, Nos 64-75.

² См.: Catalogue of Treasures of ancient Bactria. Shigaraki: The Miho Museum, 2002. P. 110-111, Nos 117, 120.

³ Пичилян И.Р. Возрождение Большого клада Окса. Вторая часть Клада Ок-

На этом исследования ученых не закончились. В заключительном томе трилогии о храме Окса Б.А. Литвинский вновь поднял вопрос о принадлежности Амударьинского клада храму Оксу. Ученый провел семантический и анализ золотых пластин, золотых и серебряных статуэток и сосудов, ювелирных украшений золотой колесницы, предметов с рельефными изображениями, одежды мужских фигур, предметов вооружения и различных мелких предметов из Амударьинского клада, сравнив их с находками из храма Окса. К своим исследованиям Б.А. Литвинский подключил результаты химического анализа золотых пластин из Амударьинского клада, проведенного Департаментом научных исследований Британского музея. Ученый приходит к важным выводам о том, что характер одежды, присутствие в кладах золотых пластин, наличие в Бактрии больших запасов аллювиального золота – все это указывает на местное, бактрийское происхождение пластин Клада Окса, составляющих более четверти общего количества предметов Амударьинского клада. Состав клада демонстрирует, что на территории Бактрии встречались и взаимодействовали разные художественные традиции.

Изображения на золотых пластинах Амударьинского клада, а также некоторых других предметах подтвердили идею покойной М.Бойс и позволили конкретизировать некоторые черты бактрийского зороастрийского ритуала. С полным правом можно утверждать, что Амударьинский клад является не только первоклассным источником по искусству, археологии, нумизматике, истории, культурным связям, но и важнейшим документом бактрийского зороастризма¹.

Следует отметить, что известный специалист по вотивным предметам Д.Хуфф, проведя сравнительный анализ пред-

---

са из коллекции Михо Музея // ВДИ. 1998. № 2 (225). С. 183-186.

¹ Литвинский Б.А. Амударьинский клад // Храм Окса (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 55, 57.

метов Амударьинского и Бактрийского кладов, также отмечает явное сходство между ними, указывая на то, что обе коллекции представлены предметами не только ахеменидского периода и, что в них в основном представлены мужчины, а женщины появляются крайне редко¹. Ученый пишет: «В обеих коллекциях время от времени встречаются боевой топор, короткий меч Ахеменидов (акинак), лук и колчан² (горит)³. Два носильщика барсома в коллекции Оксус и, по крайней мере, двое мужчин и одна женщина в коллекции Михо держат кувшины, кувшин с крышкой и ручкой и чашки⁴, которые наводят нас на мысль о ритуальном напитке хаома. Наиболее часто в обеих коллекциях встречаются цветы или бутон, которые держат как мужчины, так и женщины, очень часто на уровне подбородка или носа»⁵.

Таким образом, исследования Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикияна не оставляют никаких сомнений в принадлежности Амударьинского клада храму Окса. Более того, раскопки последних лет дают новый археологический материал, в котором имеются находки посвященного характера, в том числе и предметов из слоновой кости: фрагмент пластины с отверстием и с изображениями полумесяца, лаврового венка и цветка; золотая подвеска с коралловой насадкой, фрагменты пластин, фрагмент вотивной бутероли в виде спирали, фрагменты фольги и нитей; бронзы: пластина в виде крылатого существа с

---

¹ Huff D. Problems of votive offerings in Zoroastrian Iran // AMIT. 2011. Band 43. S. 90.

² Колчан, горит – футляр для лука и стрел.

³ См.: Dalton O.M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work. Third edition. London: The Trustees of the British Museum, 1964. P. 48-49, 21-24, Nos 48, 66-67, 73-75, 84, pl. XIV-XV; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: каталог выставки. Л.: Искусство, 1979. С. 52, 54-56, № 48, 66-67, 73-75, 84; Catalogue of Treasures of ancient Bactria. Shigaraki: The Miho Museum, 2002. P. 82, 86, Nos 68b, 75a-j.

⁴ См.: Dalton O.M. Idem, p. 22. Nos. 69-70, pl. XV; Зеймаль Е.В. Там же, С. 54, № 69-70; Catalogue of Treasures of ancient Bactria. P. 82, 84, Nos. 68l, 70e,i.

⁵ Huff D. Problems of votive offerings in Zoroastrian Iran // AMIT. 2011. Band. 43. S. 90-91.

остатками круглой вставки в центре из золотой фольги и т.д.¹. В связи с этим, мы с уверенностью можем утверждать, что дальнейшие исследования на Тахти-Сангине позволят дополнительно обосновать точку зрения Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна.

Раскопки Тахти-Сангина

Обращаясь к аспектам исследования памятника, мы решили сохранить то направление и последовательность, которым следовали Б.А.Литвинский и И.Р. Пичикян. При этом по каждому направлению исследования мы не будем ограничиваться тем или иным периодом изысканий на Тахти-Сангине, но подробно остановимся на результатах археологических исследований на городище, проведенных с 1998 г. по настоящее время (третий период изучения памятника), так как по объективным причинам, они не были учтены Б.А. Литвинским и И.Р. Пичикяном.

Раскопки Тахтикубадского отряда показали, что Тахти-Сангин состоит из собственно города прямоугольной формы, сельскохозяйственной округи, расположенной с севера и юга и огражденной дополнительными стенами на расстоянии соответственно по 500 м, и некрополя к западу от городища, состоящего из наусов и курганов². Городище построено на правом берегу Амударьи, у слияния Вахша с Пянджем (нулевая отметка), занимая участок третьей террасы Вахша. На протяжении приблизительно 2 км на этой террасе длинной меридиональной полосой тянется древнее городище. С запада оно примыкает к хребту Тешик-Таш и доходит до современного обрыва к пойме. Ширина городища достигает 250-350 м, сам город, по предпо-

---

¹ Дружинина А., Инагаки Х., Худжагелдыев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. 2010. Вып. XXXIV. Рис. 9-10.

² Литвинский Б.А. Пичикян И.Р. Тахти-Сангин – Каменное городище (раскопки 1976-1978 гг.) // Культура и искусство древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. С.196; Пичикян И.Р. Возобновление работ на Каменном городище // АРТ. 1982. Вып. XVI (1976 с.) С. 73-74.

ложению Б.А.Литвинского и И.Р. Пичикяна, был шире. Ученые определили также, что площадь, занятая археологическими остатками, равна примерно 70-75 га, полагая, но территория древнего города должна была быть больше¹. Вместе с тем примерная и частичная структура городища Тахти-Сангин отражена на топографических планах, снятых в 1983 и 1990 гг., но они изданы без комментариев².

Тахтисангинский отряд под руководством А.П. Дружининой устанавливает четко обозначенные границы города. Так, по итогам археологических исследований отряда были установлены следующие границы древнего города: северной и южной границей Тахти-Сангина являются древние стены, западной естественной – скальные хребты, а восточной – частично укрепленная полоса древнего берега реки Амударья³. Исследования Тахтисангиновского отряда подтвердили предположение Б.А.Литвинского и И.Р. Пичикяна о том, что площадь древнего города была больше. Так, А.П. Дружинина определила общую площадь городища в 105 га, из которых 83 га занимает жилой сектор (3000x100-450 м). Кроме того, было установлено, что более 20 га приходится на округу, которая примыкает к территории городища с севера, простираясь на 1000 м вдоль реки на север до слияния рек Вахша и Пянджа. Тем самым, протяженность города увеличилась с двух до трех километров, а ширина – до 450 м⁴, что подтвердило также предположение Б.А. Лит-

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 48.

² Там же, табл. 2-5, 9, 11.

³ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 224; Она же. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 324. Рис. 1; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIO Museum. 2016. Vol. 16. P. 576, fig. 3.

⁴ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 224; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i

винского и И.Р. Пичикяна о том, что ширина городища должна быть шире.

После раскопок на памятнике в 1976-1978 гг. Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян отмечали, что типологически Тахти-Сангин следует отнести к небольшим, хорошо защищенным крепостям¹. Ученые объяснили это тем, что древний сай давал естественное заполнение рва водой (глубина – 3 м). Таким образом, крепость, защищенная с запада горным хребтом, с востока – Амударьей, с севера и юга двойным рядом оборонительных стен, была неприступна с суши благодаря стратегически продуманному выбору места. Кроме того, пешеходный перевал сквозь ущелье Тешик-Таша с запада исключал эффективность осады. В восточной половине крепости расположена площадь, вымощенная сырцовыми кирпичами 50x50 см. В западной половине, в целом значительно более возвышенной, находятся дворцово-храмовые постройки (разница более 3 м), здесь выделяются четыре холма: центральный, северо-западный, северный и южный)². Однако в своей итоговой трехтомной монографии ученые отмечают, что Тахти-Сангин – это город³.

Следует также отметить, что топографическое исследование местности Тахтикубадским отрядом показало, что к северу, западу и востоку от храма крупных сооружений не сохранилось. Они могут быть открыты лишь к югу от храма⁴. Исследования Тахтисангинского отряда показали, что городище Тахти-Сангин состоит из цитадели, южнее и севернее которой

Sangin and Its Vicinity. P. 57, 60, fig.3.

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Тахти-Сангин – Каменное городище (раскопки 1976-1978 гг.) // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С.196; Пичикян И.Р. Возобновление работ на Каменном городище // АРТ. 1982. Вып. XVI (1976 с.) С. 74.

² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Тахти-Сангин – Каменное городище (раскопки 1976-1978 гг.) // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С.196.

³ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 48

⁴ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 50.

идут жилые районы, которые выделены в отдельные сектора. Каждый сектор отделен от другого стенами идущими в направлении восток-запад, либо сухим руслом ручья, либо оврагом. Таким образом, было установлено пять секторов жилой части городища, четыре из которых находятся к югу от храма, а один – к северу¹, который не был выявлен ранее.

Следует отметить, что если Тахтисангинский отряд проводил раскопки как на цитадели, так и на территории самого городища, то исследования Тахтикубадского отряда были сконцентрированы в основном на цитадели. В первый же полевой сезон, проведенный на цитадели городища в 1976 г., был заложен раскоп, доведенный до материка². И.Р. Пичикян отмечает, что несмотря на то, что не удалось вскрыть ни одного помещения целиком, тем не менее, представляется возможным трактовать открытые остатки, как принадлежащие культовому сооружению³. Ученый описывает цитадель следующим образом: «Если смотреть сверху на цитадель Тахти-Сангина окруженную высокими каменными стенами (размер – 238-167 м), то центральную ее часть занимает большой квадрат со сторонами около 100 м, состоящий из трех прямоугольников (рис. 9). Большой квадрат, выделяющийся холмами на топографии цитадели, – обрамление храма из мощных сырцовых стен со сторонами около 100 м, толщиной около 7 м, сложенных, как и храм, из крупноформатного кирпича 50x50x14 см. Основное место в этом квадрате занимает углубление – восточный прямоугольник (60x20,5 м); это площадь, окруженная с востока, севера и юга мощными стенами толщиной 7 м, фланкированная по углам фасада монолитными башнями (12 м в стороне). Вто-

---

¹ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 324, рис.2, № 157-237; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 57, fig.3.

² Пичикян И.Р. Возобновление работ на Каменном городище // АРТ. 1982. Вып. XVI (1976 с.) С. 74, рис. 1.

³ Пичикян И.Р. Там же, с. 75-76.

рой прямоугольник – это также углубленный в рельефе местности айван и два небольших всхолмления, оказавшиеся после раскопок квадратами со стороной 17 м, в которых помещались комплексы атешгахов с примыкающими к ним Г-образными узкими помещениями. За ними следует третий квадрат – первоначально с ложбиной в центре и двумя высокими всхолмлениями на севере и юге; раскопки выявили здесь центральный зал, обрамленный двумя опоясывающими его Г-образными обводными коридорами. Этот последний квадрат имеет в стороне 32 м; он связан со стенами комплексов атешгахов впереплет и построен одновременно с ними¹».

В период с 1976 по 1991 гг. археологи, проводя раскопки на цитадели городища Тахти-Сангин, раскрыли здание храма, двор храма, парадный вход во двор храма (пропилеи), северный угол стены храмовой ограды. На территории городища, к югу от цитадели был обнаружен плохо сохранившийся дом, а к северу от цитадели два некрополя. Строительный материал раскрытых сооружений: сырцовый кирпич (50х50х12-14 см, 33-35х33-35х11-14 см), пахсовые блоки, глина, алебастр, обработанные каменные архитектурные детали: базы, блоки, плиты известняка. Полностью вскрытое монументальное сооружение, вошло, как мы отмечали, в научную литературу под названием храм Окса.

Об этом грандиозном сооружении И.Р. Пичикян пишет: «Исследование храма Окса привело к ряду очень важных открытий. Из всех храмов огня, обнаруженных не только в Средней и Центральной Азии, но также и на территории ахеменидского Ирана, храм Окса – наиболее полный и целостный комплекс. Его отличает прекрасная архитектурная сохранность и богатство нетронутого археологического заполнения. Хорошая сохранность позволила выявить функциональное назначение каждого помещения во внутренней структуре храмов огня и

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 51.

реконструировать процесс происходящих в них общественно-религиозных церемоний. Благодаря целостной и археологически наиболее достоверной планировке храма Окса удалось уточнить неясные моменты в композиции храмов огня, известных по раскопкам конца прошлого и начала нашего века, которые вследствие незавершенности, археологических работ, плохой сохранности сооружений, но чаще – из-за недостаточно правильного представления археологов о характере исследуемых памятников считались недостоверными или дефективными»¹.

Мы не будем останавливаться на подробном анализе процесса раскопок Тахтикубдского отряда в храме Окса, так как их результаты отражены в отчетах, опубликованных в сборнике «Археологические работы в Таджикистане», издаваемым Институтом истории, археологии и этнографии им.А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана, а также в многочисленных публикациях, как в Таджикистане, так и за рубежом. Ограничимся кратким описанием результатов археологических изысканий на цитадели.

К концу 1980-х гг. ученые уже имели окончательное представление об архитектурных особенностях раскопанного ими монументального сооружения, расположенного на цитадели городища Тахти-Сангин. Так, в результате раскопок выяснилось, что Храм Окса состоит из следующих архитектурных элементов: четырехколонного центрального (белого) зала, обводных коридоров, атешгахов (южный и северный), колонного айвана² и большой площади – теменоса.

---

¹ Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. М., 1991. С. 144-145.

² Айван – открытый портик, во всех известных храмах огня варьировал по числу колонн от 2 до 8, при этом колонны в последнем случае стояли по 4 в каждом из двух рядов. Известны два подобных примера: это храм огня в Персеполе и храм Окса на Тахти-Сангине. См.: Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С.113.

Согласно традиции, ученые начинают рассматривать зооастрийские храмы с центрального зала. И.Р. Пичикян считает, что эта традиция – ошибочна, так как наиболее важным атрибутирующим признаком для определения функционирования святилища служат примыкающие к айвану, как во всех храмах огня, фланкирующие его башни с помещающимися в них атешгахами¹, обращенными в сторону айвана своими входами². Так как центральный зал в храме Окса был основополагающим в области стратиграфии и датировки памятника, а также связан с обводными коридорами – сокровищницами, давшими вместе с главным залом основную массу находок, И.Р. Пичикян начал рассматривать храм с центрального зала согласно установившейся традиции. Хотя согласно отчетам, в 1976 г. раскопки в храме были начаты с коридора № 1³, а центральный зал раскапывался в 1977-1979 гг.⁴

Ученый даёт краткое описание раскопанных помещений храма Окса. Так, ядром храма является *центральный четырех-*

---

¹ Атешгах – алтарные помещения, где постоянно горит огонь.

² Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. С. 145; Литвинский Б.А., Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 53.

³ Пичикян И.Р., Войтов В.И., Дубровин А.Ф., Арабов С.Ф., Колпаков А.А. Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище // АО 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 571; Пичикян И.Р. Возобновление работ на Каменном городище // АРТ. 1982. Вып. XVI (1976 г.) С. 74-78.

⁴ Пичикян И.Р. Фависса центрального здания Каменного городища // АО 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 582; Он же. Фависса центрального здания Каменного городища // АО 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 476-477; Он же. Датировка ионийской капители из храма Окса // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикской археологической экспедиции. М.: Наука, 1983. С. 63-65; Он же. Открытие культового комплекса на Каменном городище в 1978 г. // АРТ. 1984. Вып. XVIII (1978 г.). С. 102-115; Он же. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. С. 145-150; Он же. Раскопки Каменного городища в 1977 г. / И.Р. Пичикян // АРТ. 1983. Вып. XVII (1979 г.). С. 95-110.

колонный зал со сторонами близкими к 12 м, общей площадью около 144 м², обрамленный мощными стенами толщиной 3,4 м и на востоке до 4 м, высотой 5-5,5 м¹. Главный вход в четырехколонный зал обращен на восток (рис. 4). Перед ним расположен *восьмиколонный айван*. Два других монументальных проёма (шириной и глубиной около 3 м), обращенных на север и юг, ведут из центрального зала в Г-образные по форме *обводные коридоры*, состоящие из двух отрезков, расположенных под прямым углом, – короткого (12 м) и длинного (20,5 м). Южный дверной проём № 1 ведет из центрального зала в коридор № 1. Он представляет собой длинное помещение (ок. 3x12 м), которое через проем № 2 (3,4x20,5 м), расположенным перпендикулярно коридору № 1 и заходящим за центральный зал с западной стороны. Таким образом, коридорообразные помещения № 1 и 2 составляют один Г-образный коридор, охватывающий центральный четырехколонный зал с юга и запада. Второй Г-образный коридор также составлен из двух отрезков: северного № 3 (3,4x12 м) и западного № 6 (3,4x26 м).

Центральный зал и два охватывающих его обводных коридора образуют в плане по внешнему периметру квадрат со сторонами, близкими 32 м. К квадрату с востока примыкает смежный с ним вытянутый (и слегка заходящий на него) прямоугольник, составленный из трех почти идентичных по величине квадратов со сторонами 17 м, в целом – 51x17 м. Центральным квадратом этого прямоугольника был *восьмиколонный айван*, а примыкающие к нему северный и южные квадраты – комплексами *приайванных помещений*. Внутренняя планировка квадратов абсолютно зеркальна по отношению друг к другу: в каждом из квадратов размещено по коридору – № 4 и 5 (3x9,5 м), *приалтарному* – № 6 и 8 (5,5x2,5 м) и *алтарному* – № 5 и 7 (5,4-5,5x5,2x5,3 м) *помещениям*². Последние совершенно

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 53.

² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Там же, табл. 20.

достоверно атрибутируются (по прокалившимся стенам, наличию центрального, насквозь прокаленного сырцового *жертвенника* и дополнительных четырех *угловых алтариков*, а также по засыпи, состоящей из золы и угольков) как *атеишахи* – помещения для вечного, постоянно поддерживаемого огня.

Все помещения соединены между собой узкими (1,2 м) дверными проёмами: айван с *алтарным помещением*, алтарное с приалтарным, а приалтарное – с коридорами № 4 (на юге) и № 5 (соответственно в северном комплексе приайванных помещений). Помимо этого, каждое приалтарное помещение было снабжено выходом на священную площадь перед храмом – *теменос*. В тесных алтарных помещениях не могло находиться более 4-5 человек, в особенности при постоянно поддерживаемом на центральном алтаре-жертвеннике огне. На крайних флангах фасада расположены *башнеобразные сооружения* с внутренними помещениями (примерно 3х3 м). Башни не несли оборонных функций: их выходы обращены не внутрь храма, а наружу, к площади. При общей ширине плана по фасаду – 51 м, его длина, составленная из нескольких отрезков (32+9,5+3,5+6 м), равна его ширине¹.

Важно отметить, что в помещениях храма Окса были вскрыты культовые конструкции, с наличием огромного количества культового и посвячительного инвентаря, что стало весомой доказательной базой для определения функциональной и религиозной принадлежности храма Окса. К культовым сооружениям относятся:

- *ботрос* – яма для сброса культовых приношений, посвященных божеству. 6 ботросов были открыты в центральном зале², 1 ботрос – в коридоре № 1¹;

---

¹ Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. М., 1991. С. 146-147; Пичикян И.Р. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1988 года. Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия) // АРТ. 2008. Вып. XXXII. С. 227-228.

² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь.

- *фависса* – место для сброса посвященного инвентаря. Одна фависса в виде перегородки обнаружена в дверном проеме № 1 в центральном зале², вторая, в виде загородки – в восточной части коридора № 3³;

- *ритуальная площадка* – место для проведения ритуальных обрядов. Две подобные площадки находились в центральном зале⁴;

- *культовый заклад* (сброс) – место для сброса посвященных предметов. Один культовый заклад обнаружен в коридоре № 1, четыре – в коридоре № 2⁵.

Кроме того, в храме обнаружены *золые ямы* – место для заполнения золой. В восточной части центрального зала находилось двадцать больших овальных, цилиндрических и эллипсоидных ям, заполненных рыхлой золой пепельно-серого цвета⁶

Таким образом, согласно результатам исследований Тахтикубадского отряда и из краткого описания архитектурного сложения храма Окса, приведенного И.Р. Пичикияном, следует, что такое грандиозное сооружение могло быть построено высококлассными древними мастерами, знающими законы строительства.

Заметим, что Тахтикубадским отрядом с внешних сторон храм раскрыт не полностью, о чем свидетельствует И.Р.Пичикиян⁷. Кроме того, общая площадь цитадели городища

С.58-71, табл. 18.

¹ Литвинский Б.А., Пичикиян И.Р. Там же, с. 73-75, табл. 22.

² Литвинский Б.А., Пичикиян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 67-69, табл. 19, внизу.

³ Там же, с. 90-91.

⁴ Там же, с. 65-66.

⁵ Там же, с. 76-88, 95-96.

⁶ Литвинский Б.А., Пичикиян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 63-64, табл. 19, вверху.

⁷ Пичикиян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. С. 147.

Тахти-Сангин, на территории которой расположен храм Окса, составляет 46 тыс. м², из которых только 10 тыс. м² подверглось археологическим раскопкам¹. Таким образом, была поставлена задача для будущих исследований. Так, Тахтисангинский отряд под руководством А.П. Дружининой продолжил археологические раскопки на цитадели городища.

Сектор Е² находится на самом изученном участке городища Тахти-Сангин – на цитадели, размеры которой составляют 240 м по линии восток-запад и от 170 до 210 м по линии юг-север. Цитадель находится на расстоянии 1,85 км от южной стены и 1,1 км от северной стены городища³. Следует отметить, что Тахтисангинский отряд впервые приступил к изучению восточной части цитадели⁴, обрывистый край которой имеет высоту до 10 м. Восточный участок цитадели за линией военных укреплений имеет фигурную форму с несколькими выступами в сторону древней линии реки. А.П. Дружинина считает, что эти фигурные очертания часто приводили к заблуждению о размерах и форме цитадели. Она объясняет наличие округлых контуров цитадели следующим образом. Во-первых, цитадель могла быть построена с учетом особенностей рельефа конуса, на котором она стоит, то есть первоначальные выступы конуса

---

¹ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 340.

² Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 340-344, рис. 6, объекты № 737-740, а также раскопы S, O, N, T, Z-1; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 71-76, fig. 11, building object № 737-740, trenches S, O, N, T, Z-1.

³ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 227; Она же. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 340; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 71.

⁴ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 227; Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 340.

выноса были включены без изменений в рельеф цитадели. Во-вторых, ученый отмечает важный факт, что оформление цитадели как целого элемента города могло происходить в несколько этапов. При этом к более древней восточной части были присоединены распланированные и выровненные центральная и западная части. А.П. Дружинина полагает, что именно северо-восточный угол цитадели мог являться местом первоначальной небольшой цитадели округлой формы, о которой упоминал М.М. Дьяконов¹.

Несмотря на сильные следы разрушения в восточной части цитадели, археологам удалось зафиксировать строительные структуры в виде каменных кладок стен, идущих в направлении север-юг².

Особое внимание было уделено территории, примыкающей ко входу во двор храма (пропилеям). Следует также отметить, что Тахтисангинский отряд впервые приступил к выяснению вопроса о связи священного храмового участка с рекой. На трех участках цитадели, отрядом была выявлена дорога шириной до 10 м, которая шла в направлении запад-восток, начинаясь от стены пропилона (входа) храма и улицы, идущей от него на восток, и заканчиваясь, по всей вероятности, на линии округлого открытого участка на восточной стороне цитадели, где сохранилось древнее деление на два отрезка: северный и южный³. Между ними зафиксирован участок без остатков оборонительной стены, где в районе военного

---

¹ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахтисангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 340; Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 72-73.

² Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахтисангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 341, рис. 6. Объекты № 737-741; Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 72.

³ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахтисангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 341, рис. 6. Объект № 740; Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 74

ограждения в 2000 г были обнаружены фрагменты каменных блоков, которые, по предположению А.П. Дружининой, были остатками ступенек ведущих непосредственно к реке¹.

Кроме того, на трех участках цитадели были раскопаны отрезки различных улиц, самая широкая из которых (10 м) шла в направлении запад-восток, начинаясь от стены пропилона храма Окса и заканчиваясь на восточной стороне цитадели, подходя непосредственно к реке².

Благодаря раскопкам Тахтисангиновского отряда, удалось также восстановить многие архитектурные элементы внешнего оформления площади храма и проследить развитие этого оформления в эллинистический период³. Так, основные работы на цитадели отряд проводил в южной части площади перед храмом. Заметим, что исследования проводились на объектах, не изученных Тахтикубадским отрядом. В результате раскопок выяснилось, что цитадель городища содержит, как минимум, два парадных здания: храм Окса с теменосом и прилегающими к нему сооружениями⁴, обнесенными обводной стеной, и расположенное южнее него парадное здание, которое, по предположению А.П. Дружининой, могло быть как дворцовым комплексом, так и административным центром города⁵.

---

¹ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 227; Она же. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 341; Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 72.

² Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 341; Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 72.

³ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени. С.228.

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 342, рис.5, Tempel; Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 75. Fig. 11, trench Tempel.

⁵ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-

В целом, Тахтисангиновским отрядом на цитадели было заложено четыре раскопа. Раскоп Южный¹ (12x12 м) расположен на южной части цитадели, в 25 м севернее оплыва южной стены цитадели, в 50 м западнее линии военного ограждения, и в 30 м южнее площади храма Окса. А.П. Дружинина отмечает, что большую часть раскопа занимали стены большого монументального здания². Большое разнообразие форм столовой керамики высокого качества изготовления, а также мощные стены из сырцового кирпича (35x37-35x12 и 33x33x12, большие размеры и внешний вид каминообразных сооружений позволили ученой прийти к такому выводу³. По типологическим особенностям, а также по цвету теста и ангоба, обнаруженная в раскопе, керамика датирована греко-бактрийским временем. При этом, в слое над материком и до пола 1 было найдено 7 фрагментов керамики, которые могли быть отнесены как к позднеахеменидскому, так и к раннеэллинистическому времени⁴.

Раскоп Восточный⁵ заложен на восточной половине цитадели, в 30 м от военного ограждения и в 2 м восточнее баз

Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 342, рис.5, раскоп Süd; Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 75. Fig. 11, trench Süd.

¹ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 342, рис.5, раскоп Süd; Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 75. Fig. 11, trench Süd.

² Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 231-233.

³ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 343; Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 75.

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 343; Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 75.

⁵ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 343-344, рис. 6, объект Ost; Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 75. Fig. 11, trench Ost.

пропилона храма Окса. А.П. Дружинина отмечает, что одним из самых важных строительных элементов, обнаруженных в данном раскопе, является улица, которая начиналась на восточном фасаде, выявленной здесь же ограды пропилона в виде стены из каменных блоков. Она шла в направлении запад-восток. Вдоль улицы расчищены части строений с каменными цоколями, соответствующими постэллинистическому и кушанскому периоду¹. Кроме того, археологи зафиксировали многочисленные сооружения из камня, фрагменты архитектурных каменных деталей, вынесенных из храма после окончания его функционирования или во время его перестройки.

Раскоп Северный² расположен в северной части цитадели³, где обнаружены остатки домов на трех парцеллах⁴: А, В, С. Интерес представляет парцелла А, в которой раскрыт дом А трех строительных периодов. Дом А первого строительного периода представляет собой сооружение с центральным большим помещением, которое имело массивный каменный цоколь. В центре помещения находились квадратные каменные базы для колонн (*in situ* сохранилась только северная), перед входом каменный блок порога с двумя дюбельными отверстиями для двустворчатой двери и остатки суфы у северной стены⁵. Сооружение располагает двумя дворами: восточным – с остатка-

---

¹ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 344; Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 75.

² Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 344, рис. 6, объект Z 1; Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 75-76. Fig. 11, trench Nord. Fig. 12.

³ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 233.

⁴ Парцелла – небольшой участок земли, образованный в результате его разбиения на более мелкие участки – парцеллы.

⁵ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 344, рис. 11; Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 76.

ми печи для выпечки хлеба, и южным – с остатками мастерской. А.П. Дружинина отмечает, что многочисленные керамические комплексы дают возможность датировать как отдельные периоды существования дома А, так и различные уровни уличного покрытия¹.

Кроме того, Тахтисангинский отряд проводил раскопки в здании самого храма. В ходе новых исследований на территории здания храма Окса было установлено, что стратиграфическая картина этого объекта является более сложной и атешгахи были раскопаны в 80-е гг. только частично и не до конца². В 2000 г. А.П. Дружиной было принято решение приступить к повторному исследованию помещения № 5 – южного атешгаха храма, в котором ранее раскапывался только его северо-восточный угол. Раскопки проводились в центральной части помещения, которая в течение двух полевых сезонов была разобрана послойно, промыта и полностью исследована³. Подобным образом в 2003-2004, 2006 гг. был исследован и северный атешгах (помещение № 7)⁴. Важно отметить, что в ходе раскопок в обоих атешгахах был установлен начальный – первый строительный период помещений, который связан с наличием на выравненной поверхности площадки из щебня с песком, такой же, на

---

¹ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 344; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 76.

² Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 228.

³ Дружинина А.П. Там же, с. 228-231.

⁴ Дружинина А.П. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 86-88; Дружинина А.П., Инагаки Х. Результаты исследований городища Тахти-Сангин в 2006 г. // АРТ. 2005. Вып. XXXII. С. 46-47; Drujinina A.P., Inagaki H., Hudjageldiev T. Rott F. Excavation at Takht-i Sangin city. Territory of Oxus Temple, in 2006 // Bulletin of Mixo Museum. 2009. Vol. 9. P. 59.

которой стоят все стены здания храма¹. Кроме того, в помещениях зафиксированы остатки зольных пятен с большим количеством угля и зольных наслоений². В обоих атешгахах археологи обнаружили также кости животных³. Таким образом, наличие зольных наслоений, пятен и костей животных свидетельствует о культовом назначении помещений № 5 и № 7.

Предположение Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна о том, что на цитадели городища, возможно, существуют остатки более раннего храма ахеменидского периода⁴, а также обнаруженный в 1975 г. на территории Тахти-Сангина могильник позднебронзовой культуры⁵ послужили причиной проведения новых исследований с целью выяснения стратиграфии отложений под городищем. Результаты оказались неожиданными. В 2000-2001 гг. в центральной части айванного помещения храма, на глубине 2,4 от пола был обнаружен культурный слой неолитической стоянки⁶, датированной 4460-3630 гг. до н.э.¹. В

---

¹ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 228; Она же. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 87-88.

² Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени. С. 229; Она же. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году. С. 87-88; Дружинина А.П., Инагаки Х. Результаты исследований городища Тахти-Сангин в 2006 г. С. 46-47.

³ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени. С. 229-230; Дружинина А.П., Инагаки Х. Результаты исследований городища Тахти-Сангин в 2006 г. С. 47.

⁴ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000. С. 368.

⁵ Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника «Тигровая Балка»). Душанбе: Дониш, 1989. С. 14; Она же. Новый могильник вахшской культуры // АРТ. 1991. Вып. XXIII (1983). С. 165-176.

⁶ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Открытие неолитической стоянки под зданием храма Окса на городище Тахти-Сангин (Южный Таджикистан) // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 31; Худжагелдыев Т.У. Исследование неолитической стоянки Тахти-Сангин в 2004 г. // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 53.

слое находился кремневый инвентарь. Такая же стратиграфическая картина наблюдалась в 2010 г. в разрезе стен раскопов № 17 и № 18². Подъемный материал, относящийся к эпохе неолита, был также собран на территории городища, к северу от цитадели³. Т.У. Худжагелдыев отмечает, что открытая на цитадели городища Тахти-Сангин неолитическая стоянка с кремневым инвентарем и ненарушенным залеганием культуро-содержащего слоя, обнаружена впервые в верховьях Амударьи, вне зоны распространения лессов⁴. Таким образом, новые археологические изыскания на городище Тахти-Сангин показали, что его территория была заселена еще в эпоху неолита, а не бронзы, как показали предыдущие исследования.

Наряду с исследованиями в храме Окса было заложено 8 раскопов на площади перед его зданием⁵. Интерес представляют раскопы № 17 и № 18 на южной половине площади⁶, распо-

---

¹ Гёредорф Й. Датировка пробы по C14 со стоянок Тахти_Сангин и Люлякутал // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 160.

² Худжагелдыев Т.У. Подъемный материал неолитического времени в окрестностях Тахти-Сангина (2010 г.) // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 82-83.

³ Худжагелдыев Т.У. Разведка неолитических памятников на территории античных городищ Тахти-Сангин и Тахти-Кубад на юге Таджикистана /// АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 161; Он же. Исследование неолитической стоянки Тахти-Сангин в 2004 г. // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 53-76.

⁴ Худжагелдыев Т.У. Разведка неолитических памятников на территории античных городищ Тахти-Сангин и Тахти-Кубад на юге Таджикистана /// АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 169.

⁵ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Инагаки Х. Отчет о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2010 гг. Работы на площади храма Окса в раскопах № 17 и № 18 // АРТ. 2016. Вып. XXXVIII. С. 301, прим.1.

⁶ Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013 Вып. XXXVI (2010 г.) С.149-153, 157-159; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Инагаки Х. Отчет о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2010 гг. Работы на площади храма Окса в раскопах № 17 и № 18 // АРТ. 2016. Вып. XXXVIII. (2012 г.) С. 280-316; Бороффка Н., Мэй Ц.Ц. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение китайской, греческой и скифо-сарматской традиции металлообработки // ВДИ. 2011. № 4. С. 49.

ложенной к востоку от храма, где были найдены уникальные находки. Так, в процессе раскопок в 2004-2007 гг. была раскрыта бронзолитейная мастерская, в которой, изготавливались крупные бронзовые предметы, в том числе, статуи и котлы для посвящения в святилища¹. Об этом свидетельствуют найденные глиняные формы: фрагменты не менее семи глиняных форм, предназначенных для отливки котлов и один фрагмент литейной формы для статуй. Его назначение было определено А.П. Дружининой по внешнему виду и профилю, а также по остаткам металла на внешней поверхности обнаруженного сохранившегося фрагмента литейной формы для изготовления кисти руки методом потери восковой модели. По размерам пальцев и длине ладони ученая предположила, что эта форма использовалась для отливки руки для статуи с реконструируемой высотой (максимально до 1,7 м)². Помимо литейных форм

---

¹Drujinina A. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // АМІТ. 2008. № 40. S.125-128, abb. 6; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм № 17 и № 18 / А.П. Дружинина, Т.У. Худжагелдыев // АРТ. 2009. Вып. XXXIII (2007 г.). С.114-116, рис. 3-4; Druzhinina A.P., Khudzhageldiev T.U., Inagaki H. P. Report of the Excavations in Takhti- Sangin Settlement Site in 2007 // Bulletin of Miho Museum. 2010. Vol. 9. P. 68-72, fig. 3; Бороффка Н. Мэй Ц.Ц. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки // ВДИ. 2011. № 4(270). С. 50-54, 56-60, рис. 11; Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. Вып. 4 (279). 2011. С. 111; Болелов С.Б. Заметки о бактрийской керамике (к вопросу о датировке литейной формы бронзового котла из храма Окса, Тахти-Сангин) // Российская археология. 2014. № 4. С. 66; Демиденко С.В. Котлы типа «Тахти-Сангин – Бармашино»: к проблеме взаимопроникновения традиций металлообработки в Центральной Азии // Российская археология. 2014. № 4. С. 80-83, рис. 4.

² Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Инагаки Х. Отчет о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2010 гг. Работы на площади храма Окса в раскопах № 17 и № 18 // АРТ. 2016. Вып. XXXVIII. (2012 г.) С. 288, рис. 7.

археологи обнаружили также остатки производства (фрагменты тиглей, шлаки)¹.

Важным аргументом для подтверждения функционирования на Тахти-Сангине бронзолитейной мастерской является обнаруженный еще в 1981 г. Тахтикубадским отрядом предвратный алтарь², сложенный из десяти каменных блоков, стоящий у западной стены айвана примыкающей к восточной стороне центрального зала храма. И.Р. Пичикян считает, что этот прямоугольный алтарь, стороны которого имели длину 1,5 м у его основания, – наиболее древний из всех открытых в айване алтарей, а по форме он напоминает алтарик, посвященный Атросоком храму Окса³. Следует отметить, что алтарь был разрушен, археологи его собрали и частично отреставрировали. А.П. Дружинина полагает, что этот алтарь является постамен-

---

¹ Дружинина А.П., Инагаки Х. Результаты исследований городища Тахти-Сангин в 2006 году // АРТ. 2008. Вып. XXXII. С. 46; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Ротт Ф. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2006 году // АРТ. 2008. Вып. XXXII. С. 56-59; Drujinina A.P., Inagaki H., Hudjageldiev T. Rott F. Excavationa at Takht-i Sangin city. Territory of Oxus Temple, in 2006 // Bulletin of Mixo Museum. 2009. Vol. 9. P. 66, 68, 72; Бороффка Н. Мэй Ц.Ц. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки // ВДИ. 2011. № 4(270). С. 51-54.

² Пичикян И.Р. Храм Окса на Тахти-Сангине (раскопки 1981 г. в Кобаданском районе) // АРТ. 1988. Вып. XXI (1981 г.). С. 269; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 115; Litvinsky B.A., Pičikjan I.R. Taxt-i Sangīn. Der Oxus-Tempel: Grabungsbefund, Stratigraphie und Architektur. Mainz: Verlag Philip von Zabern, 2002. S. 53; Дружинина А., Ходжаева Н.Д. Синтез культур местного и пришлого населения в период античности и эллинизма // Этногенез и этническая история таджикского народа. В 2-х томах. Том 1. Душанбе: Дониш, 2021. С. 602, рис. 2.2.

³ Пичикян И.Р. Храм Окса на Тахти-Сангине (раскопки 1981 г. в Кобаданском районе). С. 269; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан) Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 115; Litvinsky B.A., Pičikjan I.R. Taxt-i Sangīn. Der Oxus-Tempel: Grabungsbefund, Stratigraphie und Architektur. Mainz: Verlag Philip von Zabern. S. 53.

том для статуи, обращая внимание, во-первых, на его высоту – 1,10 м. Во-вторых, свое предположение она объясняет тем, что в 2002 г. Тахтисангинским отрядом были обнаружены еще два фрагмента от верхнего блока этого алтаря. Археологи провели его реконструкцию и зафиксировали на нем два почти равных по размерам дюбельных отверстия, в которых могли крепиться две ноги статуи¹. Таким образом, постамент и глиняная литейная форма для отливки руки для статуи, упомянутая выше, являются подтверждением функционирования бронзолитейной мастерской на Тахти-Сангине.

Важно отметить, что наличие бронзолитейной мастерской на памятнике и обнаруженные глиняные формы для изготовления статуй и котлов, которые, согласно реконструкции, имеют “негреческий” профиль, свидетельствуют не только о высокой степени литейного производства в древней Бактрии, но и о преемственности традиций. Приведем в пример датируемые V-III вв. до н.э. изображения голов и передних частей туловищ козорогов (рис. 13б) и зебу (13а)² из Семиганча в 40 км восточнее г. Душанбе (Северная Бактрия), которые являются частями бронзовых пустотелых скульптур, применявшихся в ахеменидский период в качестве деталей трона.

В южной части теменоса был также обнаружен и раскопан колодец № 3³ со ступенчатым спуском⁴. После окончания

---

¹ Дружинина А.П., Ходжаева Н.Д. Синтез культур местного и пришлого населения в период античности и эллинизма // Этногенез и этническая история таджикского народа. В 2-х томах. Том 1. Душанбе, 2021. С. 602.

² Национальный музей древностей Таджикистана. Альбом. Под общ. ред. Р.М. Масова и С.Г. Бобомуллоева. Автор-составитель М.А. Бубнова. Душанбе, 2005. С. 84, рис. 2, 4; *Tadjikistan au pays des fleuves d'or*. Paris: Musée national des arts asiatiques – Guimet, 2021. P. 62. Cat. 28-29.

³ Тахтикубадским отрядом И.Р. Пичикияна были раскопаны два колодца.

⁴ Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С.149-153, 157-159, фото 4-5; Она же. Отчет о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2010 гг. Работы на площади храма Окса в раскопах № 17 и № 18 // АРТ. 2013. Вып. XXXVIII. С.280-301, фото 1-3.

использования колодца, он был перекрыт особым способом. Сверху на нем была сооружена жертвенная площадка, на которой совершались культовые действия¹. О том, что колодец носил культовый характер свидетельствует наличие ступенчатого спуска, жертвенная площадка и посвященные сосуды².

Что касается раскопок за пределами цитадели, то, как было отмечено выше, изыскания Тахтикубадского отряда на территории самого городища носили разведывательный и частично исследовательский характер. Тахтисангинский отряд, проводя исследования в 1998-2010 гг., определил на территории городища следующие жилые сектора:

Сектор А³ южной половины городища расположен вдоль подножья хребта и занимает территорию 550x80 м⁴. На юге этот сектор отделен каменной стеной длиной до 80 м и шириной до 3,20-3,50 м⁵. Здания зафиксированы в основном в северо-восточной части сектора. По обнаруженным фрагментам керамики было установлено, что это жилые дома, которые опустели в кушанский и поздний периоды. Жилой квартал датируется греко-бактрийским периодом⁶. Исследования в секторе А дали основание А.П. Дружининой предположить, что южная граница городища Тахти-Сангин располагается в этом секторе⁷.

---

¹ Там же, с. 157-159.

² О культовом характере колодца № 3 см. подробно в следующей главе.

³ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени. С. 226; Она же. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 325-328; Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 57-61, fig. 4, № 157-237).

⁴ Drujinina A. Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 57.

⁵ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени С. 224; Она же. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 325; Drujinina A. Ibid. P. 57.

⁶ Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 61.

⁷ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 328.

Сектор В¹ с юга ограничен высохшим руслом сезонного ручья, на севере – оврагом, идущим на восток от подножия хребта до современной дороги. Его площадь составляет 200-300х600 м². Помимо жилых строений, на его территории, в основном на дороге, найдены каменные микроколонки³, датированные греко-бактрийским периодом⁴. Археологические исследования показали, что сектор В был жилым районом с многочисленными зданиями большой площади, расположенными в основном в его центральной и северной частях. А.П. Дружинина полагает, что в южной части сектора могли находиться производственные сооружения, о чем свидетельствует гончарная печь, найденная в южной части сектора⁵.

Сектор С⁶ площадью 250х290 м отделен от сектора В оврагом, на севере между секторами С и D стоит фортификационная стена⁷. А.П. Дружинина отмечает, что в 1980-е гг. в

---

¹ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени. С. 226; Она же. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 328-332, рис. 3, № 238-455; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 61-65, fig. 5, № 238-455.

² Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 328; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 61.

³ Drujinina A. Ibid, fig. 4.3.

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С.328; Drujinina A. Ibid, p. 61.

⁵ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 332; Drujinina A. Ibid, p. 65.

⁶ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени. С. 226; Она же. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 332-334, рис. 4, № 456-558; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 65-66, fig. 6, № 456-558.

⁷ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 332-33; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 65.

этом секторе были обнаружены 37 каменных скоплений различного диаметра и высоты¹, которые были документально зафиксированы². Предварительный анализ большого количества стен указывает на то, что сектор С был также жилой частью городища Тахти-Сангин и имел особый характер. По фрагменту венчика пифоса (хума) с пальцевыми вдавлениями и известняковой микроколонкой датируется эллинистическим периодом³.

Сектор D⁴ площадью 400x300 м очерчен разрушенным валом, а на севере – южной стеной цитадели рвом для отвода воды от сезонных ручьев⁵. По мнению А.П. Дружининой, сектор D южной части Тахти-Сангина является одной из самых перспективных частей городища⁶. Именно этот сектор был определен как наиболее заселенная часть всего городища. Ученый отмечает, что в 1980-е гг. отряд И.Р. Пичикяна при составлении топографической карты⁷ зафиксировал остатки многочисленных строительных конструкций, увиденных с высоты горы и остатки одного из них были раскопаны в 1990 г.⁸. По

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. Табл. 3.

² Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 65.

³ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 334; Drujinina A. Ibid, p. 66

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 335-344, рис. 5, № 1-13; Drujinina A. Ibid. P. 66-71, fig. 6, № 1-13, Southern City, trenches – SS.

⁵ Drujinina A. Ibid, p. 66, 68.

⁶ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени. С. 226; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 66.

⁷ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. Табл. 6.

⁸ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 335; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 70.

найденной керамике внутри дома, объект датируется эллинистическим периодом.¹

На территории сектора были заложены четыре раскопа, первым из которых был заложённый Тахтикубадским отрядом в 1990 г. По предварительным результатам раскопок, опубликованных в 2004 г. отмечено, что здесь были найдены остатки жилых строений, соответствующих трем жилым периодам эллинистического времени². Тахтисангинский отряд заложил еще три раскопа. Первый раскоп (Город Юг № 1)³ в 30 м к югу от стены цитадели исследован до уровня материка на отметке – 0,8 м ниже уровня материка⁴. По собранной керамике он датируется греко-бактрийским периодом⁵.

Второй раскоп (Город Юг № 2)⁶ был заложён у южной стены цитадели, к востоку от первого раскопа⁷. Было установлено, что жилые строения первого строительного периода, да-

---

¹ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 336.

² Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 226

³ Дружинина А.П. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 92-100; Она же. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 336, рис. 5, SS1; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 71, fig. 6, SS 1.

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 336.

⁵ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 336-337; Drujinina A. Ibid. p. 71.

⁶ Дружинина А.П., Инагаки Х. Результаты исследований городища Тахти-Сангин в 2006 г. // АРТ. 2008. Вып. XXXII (2006 г.). С. 47-47; Дружинина А.П. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 году // АРТ. 2010. Вып. XXXIV. С. 201-203; Она же. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 336-338, рис. 5, SS2; Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 143-146; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 70.

⁷ Drujinina A. Ibid, p. 71.

тируемые по керамике и анализу С¹⁴ III в. до н.э.¹, представляют собой жилища заглубленного типа – полуземлянки, пол и стены которых были хорошо обработаны глиняной обмазкой. В таком доме во втором раскопе обнаружены помимо керамического комплекса фрагменты каменных сосудов, круглой каменной подставки и микроколонны. После заложения стратегической траншеи, было также выяснено, что рвом перестали пользоваться в кушанский период².

Раскопанный во втором раскопе дом состоял из трех больших помещений, которые являлись парадными комнатами, оформленными каминообразными сооружениями возле восточной стены³. К парадной комнате № 2 примыкал двор, который как отмечает А.П. Дружинина, не имел парадного внешнего оформления, что позволяет впервые говорить о том, что этот дом (Р) являлся жилым сооружением, а не культовым зданием. Кроме того, в западной стене помещения между раскрытым двором и помещением № 2 зафиксирован дверной проём с каменным порогом⁴, в котором аккуратно выбиты дюбильные отверстия для двустворчатой двери. Ученая также отмечает, что данный объект впервые позволил полностью исследовать внутренний интерьер и хозяйственный инвентарь бактрийского дома эллинистического времени⁵.

---

¹ Дружинина А.П. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 году. С. 203.

² Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 226-227; Она же. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 338; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 72.

³ Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С.144.

⁴ Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году. С. 146, фото 1.2.

⁵ Дружинина А.П. Там же, с. 146.

Третий раскоп (Город Юг № 3)¹ был заложен на расстоянии 150 м к северу от городской стены в южной части сектора D. Помимо строительных конструкций были обнаружены керамика эллинистического и греко-бактрийского периодов. Был найден также цилиндрически-конический сосуд, датируемый ахеменидским или раннеэллинистическим периодом. Кроме того, в одном из домов были обнаружены остатки штукатурки, обугленные кости животных, фрагменты обожженной глиняной плитки, кусочки древесного угля, маленькие глиняные черепки. По обнаруженной керамике, дом датируется греко-бактрийским периодом. Однако, под стеной дома найдена яма или остатки какого-то подземного сооружения, заглубленного в материковый слой, содержащий керамику позднеахеменидского или раннеэллинистического периода².

Пятый сектор – сектор G³ был определен Тахтисангинским отрядом на территории к северу от цитадели городища⁴. Его площадь составляет 250x550 м. В эту площадь входит также участок, примыкающий к сектору с севера⁵. На юге он граничит с северной стеной цитадели, на севере огражден разрушенной стеной. Следует отметить, что во время обхода тер-

---

¹ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 338-340, рис. 5, SS3; Drujinina A. Ibid, p. 71, fig. 10.6, SS 3.

² Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 339; Ibid, p. 71.

³ Дружинина А.П. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 91; Она же. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 347-354, рис. 7 №100-153, 562-711, 743-744; Она же. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 146-148; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takhti-Sangin and Its Vicinity. P. 79-87, fig. 13, № 100-153, 562-711, 743-744.

⁴ В статье «Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.)», А.П. Дружинина определяет данный сектор под буквой «F».

⁵ Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 146

ритории сектора G были собраны фрагменты керамики на участке до 1 км на север. По анализу подъемного материала А.П. Дружинина сделала предварительное заключение о том, что северный участок, примыкающий к северной основной части города, был заселен в эллинистический период¹. Заметим, что на расстоянии примерно 350 м от стены от стены Север 2, был обнаружен маленький фрагмент керамики, по технике производства похожий на керамику ахеменидского времени². При обходе в 120 м от цитадели была обнаружена насыпь, которая по предположению А.П. Дружининой является остатками укрепленной башни, используемой в качестве сторожевого и наблюдательного пункта за рекой³. По мнению ученого, она функционировала также в эллинистический период.

На территории к северу от цитадели были проведены археологические исследования в трех шурфах и двух раскопах. Раскоп Город Север № 1⁴ был заложен на расстоянии 500 м севернее цитадели. Под дерновым слоем в каменном цоколе были обнаружены фрагменты керамики, по которым данное сооружение датируется не позднее греко-бактрийского периода⁵. Под цоколем археологи наткнулись на ямное сооружение, отличающееся по технике строительства от домов-землянок в раскопах Город Юг № 1 и № 2. Согласно строительным признакам, А.П. Дружинина предполагает, что это строение в материковой глине могло быть построенно раньше, чем дом-землянка греко-бактрийского времени в раскопе Город Юг № 2⁶.

---

¹ Дружинина А.П. Там же, с. 147.

² Там же, с. 144.

³ Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 80.

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 347-348; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 79-80, fig. 13, 1.

⁵ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 347; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 79.

⁶ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 348; Drujinina A. Structure of the Ur-

Совершенно неожиданные результаты дали два шурфа, заложенные в восточной части сектора у стены 562. Только здесь археологам удалось выделить материал раннеэллинистического времени, который дал возможность впервые говорить о существовании раннеэллинистического поселения именно в этом секторе городища¹.

Разведывательный шурф Город Север № 2² был заложен на востоке сектора, рядом с современной дорогой. Характеризуется сложной стратиграфической картиной. На раскопе зафиксированы плохо сохранившиеся остатки нижней части заглубленного в материковую глину сооружения или ямы. Керамика, обнаруженная в последних четырех слоях объекта аналогична керамике периодов Ай-Ханум IV-VI и датируется греко-бактрийским периодом³. Следует отметить, что среди нескольких фрагментов керамики, находящихся в остатках нижней части заглубленного в материковую глину сооружения или ямы (на отметке 2,10 м ниже современной дневной поверхности), А.П. Дружинина отмечает наличие целого фрагмента красноглиняной миски⁴, совершенно идентичной по профилю и размерам миске из слоя Кобадан I, датированной М.М. Дьяконовым ахеменидским периодом⁵.

---

ban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 80.

¹ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 233.

² Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 348-349; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 80, fig. 13.1, 14.1.

³ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 348-349; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 80.

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 348; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 80.

⁵ Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадан) 1950-1951 гг. // МИА. 1953. № 37. Рис. 19, слева внизу.

Разведывательный шурф Город Север № 3¹ был заложен территории некрополя кушанского времени на расстоянии 210 м от северной стены цитадели и около 90 м западнее современной дороги. Верхний жилой уровень представлен остатками жилого сооружения из камней в виде стены. По обнаруженному рядом со стеной кувшину А.П. Дружинина датирует этот культурный слой греко-бактрийским периодом². При раскопках на этом объекте была обнаружена неожиданная находка, которая привела ученых в некоторое замешательство. Так, рядом с упомянутым кувшином греко-бактрийского времени находился неолитический концевой скребок из кремня³. А.П. Дружинина отмечает, что очень гладкие «обмытые» камни, из которых сооружена упомянутая выше стена, идентична камням в стратиграфическом раскопе Х-2 на территории цитадели, где были открыты неолитические слои городища⁴.

Разведывательный шурф Город Север № 4⁵ расположен в 40 м западнее от линии военного ограждения. На глубине 35 см от дневной поверхности была обнаружена конструкция из

---

¹ Худжагелдыев Т.У. Разведка неолитических памятников на территории античных городищ Тахти-Сангин и Тахти-Кубад на юге Таджикистана // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 161-162; Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 349; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 76, fig. 13.1, 4.

² Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 349; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 76.

³ Худжагелдыев Т.У. Разведка неолитических памятников на территории античных городищ Тахти-Сангин и Тахти-Кубад на юге Таджикистана // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 161-162; Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 349; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 76.

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 349; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 80.

⁵ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 349-350; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 80,83.

глины ступенчатой формы. На глубине 45 см расчищен следующий культурный слой, содержащий большое количество керамических фрагментов и костей (в основном крупного рогатого скота и лошадей). В северо-восточном углу на этом же уровне были расчищены остатки пахсовой стены. После полной расчистки раскопа стало ясно, что поверхность из чистой глины вместе с остатками стены составляла часть заглубленного жилища, вырубленного в материковой глине¹. А.П. Дружинина полагает, что конструкции, вырубленные в материковой глине в раскопах Город Север № 1, 2, 4, представляют собой остатки самого раннего поселения, расположенного возле реки в более низком месте и близко к реке².

Раскоп Город Север № 5³ находится в 200 м севернее цитадели. На этом участке археологи расчистили остатки несколько десятков зданий и стен. А.П. Дружинина отмечает, что часть одного из помещений сооружения № 137 были расчищены А.П. Керзумом в 1990 г.⁴ Раскопки показали, что практически все сооружения имели каменный цоколь. Центр раскопа пересекала стена (№ 745)⁵, построенная из камней, пахсы и

---

¹ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 349-350; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 80.

² Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 349-350; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 80.

³ Дружинина А.П. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 г. // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 91; Drujinina A.P. Boroffka N.R. First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004 // Bulletin of Mixo Museum. 2006. Vol. 3. P. 51-61, fig. 1; Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 350-354; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P.83-84, 87, fig. 13.1; 14, 2, 3).

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 351; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P.84.

⁵ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 350, рис.7, раскоп SN5; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P.83

сырцовых блоков (50x80 см)¹. Разобрав стену, археологи установили, что здесь располагалось, как минимум, два здания. Среди находок, обнаруженных в этих зданиях, следует отметить комплекс греко-бактрийской керамики, которая, по мнению А.П. Дружининой, соответствует керамике Айханум IV.² Керамика греко-бактрийского времени была найдена и на других объектах раскопа. Ученый обратила внимание на оплывший вал № 705-711, который является остатками первой северной стены городища, имеющей начало у подножья хребта, и идет почти до современной дороги. В стене имеется разрыв, который, как считает А.П. Дружинина, не связан с современными разрушениями, предполагая, что это место, где были древние ворота или проход³.

Следует отметить, что кроме установленных жилых секторов – южных (А, В, С, D) и северного (G), Тахтисангинским отрядом под руководством А.П. Дружининой был определен сектор F⁴. Это сектор находится западнее цитадели. А.П. Дружинина отмечает, что некоторые сооружения на этом участке уже раскопаны отрядом И.Р. Пичикяна и были названы науса-

---

¹ Дружинина А.П. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 г. // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 91; Она же. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 350; Drujinina A.P. Boroffka N.R. First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004 // Bulletin of Mixo Museum. 2006. Vol. 3. P. 51; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P.83.

² Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 350; Drujinina A.P. Boroffka N.R. First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004 // Bulletin of Mixo Museum. 2006. Vol. 3. P. 61; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P.83.

³ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 353-355; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P.83.

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 344-346, рис.6, № 15-99; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 76, 79. Fig. 11, 15-99.

ми, а сам участок определен им как кушанский некрополь¹. Ученый сожалеет, что точное количество раскрытых сооружений неизвестно и, что описание объектов осталось неопубликованным². В ходе исследования этого участка городища Тахти-Сангинским отрядом были зафиксированы многочисленные сооружения с каменными цоколями и места скопления камней. А.П. Дружинина полагает, что многие каменные сооружения этого сектора могли быть первоначально в определенные периоды эллинистического времени жилыми. Ученый считает, что расположение сектора напротив начала дороги из городища в сторону перевала, а также напротив открытых скальных площадок на склоне хребта западнее цитадели, рядом с предполагаемым для эллинистического времени бактрийским некрополем³, может указывать на определенный род деятельности населения, жившего здесь. Например, на его связь с проведением погребальных церемоний⁴. По мнению ученого, керамика, собранная вокруг некоторых разрушенных сооружений данного сектора, также свидетельствует об их жилым характером⁵.

На городище Тахти-Сангин отрядом А.П. Дружининой был определен еще один сектор – сектор Н⁶, расположенный

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 48-49, табл.7

² Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 344-345; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 78.

³ См. далее.

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 346; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 81.

⁵ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 346; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 81.

⁶ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 354-356, рис8, № 723-737; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 87-88, fig. 3.1; 14.4, № 723-737.

между двумя северными стенами (500x150 м), характеризуется в основном наличием скоплений камней. У подножья хребта до современной грунтовой дороги была зафиксирована часть второй северной стены № 737 в виде оплывшего вала. Она находится на расстоянии 500м севернее первой стены № 705¹. Следует отметить, что между стенами № 705 и № 737 были отмечены небольшие скопления камней, которые по внешнему виду похожи на такие же скопления в секторе С. А.П. Дружинина предполагает, что подобные конструкции имеются и на территории секторов G и H и, что их не удалось выявить из-за растительности и многочисленных камней, лежащих на поверхности. Ученая отмечает также, что разная ориентация и разная техника строительства стен и сооружений не исключает возможности датировать их одним временем².

В 2009 г. археологи провели осмотр и исследование участка длиной 1 км севернее северной стены сектора H. Среди подъемного материала А.П. Дружинина выделяет мелкие фрагменты керамики, которые по цвету теста могут быть отнесены к ахеменидскому и к греко-бактрийскому периодам³. Было установлено также наличие отдельных каменных кладок и скоплений. Была также проведена шурфовка трех участков севернее городища. Исследование на этой части городища позволили А.П. Дружининой определить ее датировку как греко-бактрийское время⁴. Отрядом был обследован карьер для до-

---

¹ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 354; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 87.

² Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 354; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 87.

³ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 354; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 88.

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 354; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 88.

бычи глины, которая по мнению А.П. Дружининой могла использоваться для изготовления сырцовых кирпичей при строительстве храма, его ограды и других парадных сооружений на цитадели¹. На расстоянии 1 км от второй северной стены городища № 737 археологи обнаружили и исследовали большую каменоломню на склоне хребта. Ученая предполагает, что она могла являться поставщиком мелкозернистого мраморовидного известняка для многочисленных архитектурных деталей и элементов, обнаруженных во время раскопок на городище². Кроме того, на расстоянии 700 м и 1100 м северо-западнее второй скверной стены городища были обнаружены два могильника. Один из них, который не раскопан, находится на средней части хребта. Второй могильник расположен севернее карьера для добычи глины и западнее современной дороги. По следам раскопок А.П. Дружинина предполагает, что это Амударьинский могильник, исследованный Л.Т. Пьянковой³.

По обнаруженной на территории сектора Н керамике и изогнутым стенам, которые являются характерной особенностью строительного искусства II в. до н.э., А.П. Дружинина предварительно заключает, что северный участок длиной более 1 км, примыкающий к северной части городища, был жилым только в эллинистический период⁴.

Кроме перечисленных секторов, Тахтисангиновским отрядом проводились также исследования в районе предполагае-

---

¹ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахтисангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 354; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 84.

² Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахтисангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 355; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 84.

³ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахтисангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 355; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 84.

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахтисангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 355-356; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 84.

мого бактрийского некрополя, расположенного западнее цитадели¹. Так, археологи зафиксировали наличие остатков строительных конструкций на вершине горы, а также скальные, почти горизонтальные площадки с углублениями вытянутой овальной формы (длина до 1,7 м). А.П. Дружининой было принято решение собрать грунт с этих площадок и боковых выступов хребта для проведения анализов и определения либо исключения местонахождения здесь бактрийского некрополя, от которого могли остаться только мельчайшие фрагменты зубов, выставленных по зороастрийскому обычаю умерших². Результаты анализа до настоящего времени не опубликованы. В седловине этого же хребта археологи обнаружили каменный цоколь стены, идущий вдоль участка древней дороги и в непосредственной близости от плоских скальных участков предполагаемого некрополя³.

Таким образом, топографические и археологические исследования Тахтисангинского отряда подтвердили точку зрения Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикияна о том, что Тахти-Сангин – это древний город⁴. А.П. Дружинина выдвигает еще одно предположение, отмечая, что в связи последними исследовани-

---

¹ Дружинина А., Инагаки Х., Худжагелдыев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. 2010. XXXIV. С. 203; Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 356; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 88, fig. 3.4.

² Дружинина А., Инагаки Х., Худжагелдыев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. С. 203; Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 356; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 84.

³ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи (2002-2009 гг.). С. 356; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 84.

⁴ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени. С. 234; Drujinina A. Ibid, p. 57.

ями Ф.Грене¹ и других французских ученых по исторической географии древней Бактрии, в особенности локализации городов, мы имеем возможность представить первые археологические подтверждения того, что городище Тахти-Сангин могло являться городом Оксианой античных источников². Первое предположение о том, что город Оксиана на карте греческого географа Птолемея можно отождествить с городищем Тахти-Сангин, было выдвинуто Ф. Грене и К. Рапеном³. При этом К.Рапен отмечает, что на самом городище пока не были найдены слои греко-бактрийского времени. В своих выводах ученый опирался на итоги работ Тахтикубадского отряда, руководимого И.Р. Пичикияном. О том, что Тахти-Сангин с большей долей вероятности отождествляется с античным городом Оксианой, отмечают также Н.Бороффка и Ц.Ц. Мэй⁴.

---

¹ Grenet F., Rapin C. Alexander, Aï Khanum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328 // Alexander's Legacy in the East. Studies in Honor of Paul Bernard. Eds. O. Vopearachchi, C. Alman Bromberg, F. Grenet / Bulletin of the Asia Institute, New Serie. 1998. № 12. P. 85; Idem. Nouvelle donnée sur la localisation des cinq *Yabghus* des Yuezhi. L'arrière plan politique de l'itinéraire des marchands de Maës Titianos // Journal Asiatique. 2006. №. 294. 2. P. 332-333.

² Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени. С. 234; Drujinina A. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // АМИТ. 2008. No 40. S. 122.

³ Rapin C. L'incompréhensible Asie centrale de la carte de Ptolémée. Propositions pour un décodage // Alexander's Legacy in the East: Studies in Honor of Paul Bernard. Éd. O. Vopearachchi, C.A. Bromberg, F. Grenet / Bulletin of the Asia Institute. 1998 (2001). Vol. 12. P. 211, 215; Rapin C. L'Afghanistan et l'Asie central dans le géographie mythique des historiens d'Alexandre et dans la toponyme des géographes gréco-romain // Afghanistan. Ancien carrefour entre l'est et l'ouest. Actes du Colloque international au Musée archéologique de Henri-Prades-Lattes du 5 au 7mai 2003. Éd. O. Vopearachchi, M.-F. Boussac, C. Landes. Turnhout: Brepols, 2005. P. 144,155.

⁴ Бороффка Н. Мэй Ц.Ц. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки // ВДИ. 2011. № 4(270). С. 49-50.

О том, что Тахти-Сангин – это древний город А.П. Дружинина приводит аргументированные выводы в своих итоговых публикациях. Ученая пишет: «Для того, чтобы рассмотреть вопрос о формировании городского центра на территории городища Тахти-Сангин, необходимо выделить для одного или нескольких исторических периодов как границы такового, так и его действующую административную часть. Центральным участком городища Тахти-Сангин является его цитадель, на которой находится храм Окса. На цитадели на сегодняшний день обнаружены слои и находки пяти исторических периодов: ахеменидского, эллинистического, раннекушанского, позднекушанского и кушано-сасанидского. Исходя из данных, полученных при раскопках цитадели в 1976-2009 гг., можно уверенно утверждать только то, что первоначально здесь было проведено строительство храма и его первой обводной стены из кирпичей со средним размером 50x50x14-16 см. Именно в штукатурке, покрывающей кирпичи, и в конструкциях из этих кирпичей на территории храма найдены многочисленные фрагменты красноглиняной керамики ахеменидского времени (из них 12 пофилированных), которые являются безусловно, для храма Окса *terminus post quem*, то есть указанием на время, после которого храм был построен.

Территория вокруг цитадели с остатками различных строительных элементов имеет площадь около 80 га. Результаты исследований в 11 раскопах и собранная на поверхности керамика указывают, прежде всего, на то, что широкое заселение этих 80 га происходило только в эллинистическое время, в частности, в греко-бактрийский период. Отсутствие на городище жилых слоев кушанского времени было доказано полностью в ходе этих же раскопок. Кроме того, удалось установить тот факт, что участки южнее (раскоп Город Юг № 3) и севернее (раскоп Город Север № 2) цитадели городища уже были заселены в раннеэллинистический период, то есть в конце IV в. до н.э. Для датировки заселения этих участков в ахеменидское время необходимо продолжить поиск связанных с этим време-

нем жилых конструкций. Таким образом, на основании полученных результатов раскопок и сбора материала можно сделать вывод о том, что широкое заселение данного участка на берегу Амударьи проходило в рамках только одного исторического периода – в греко-бактрийский период¹». А.П. Дружинина отмечает также, что в эллинистическое время строительство обводной стены, определяющей границы города, являлось первым мероприятием, проводимым во время основания города. На Тахти-Сангине обнаружены две линии обводных стен. К внешним линиям обводных стен можно отнести стену № 157, которая очерчивает южную границу города и стену № 737, которая являлась его внешней северной границей. Вторая линия стен представлена на южной половине города мощной стеной № 526-557, а на севере – стеной № 711².

По мнению ученой, город Тахти-Сангин начал расширяться после того, как было закончено строительство внешних стен на севере и на юге. Был завершен также архитектурный облик незастроенной площади перед входом в храм Окса. Так, в ходе раскопок была расчищена улица ведущая на восток к реке и к площади, вымощенной мелким камнем, которая была или рыночной, или использовалась для собраний. А.П. Дружинина предполагает, что в греко-бактрийский период эта площадь соединяла два здания: храм Окса и большое здание, угол которого был раскопан в 2002-2003 гг. в раскопе «Цитадель Юг». Монументальная кирпичная стена шириной 3 м не связана с оградой храма. Обнаруженные в одном из помещений огромное каминообразное сооружение, столовая и

---

¹ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 356-357; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 88, 96.

² Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 357; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 105.

церемониальная посуда также дают А.П.Дружининой основание предположить, что это здание было административным, откуда греко-бактрийские власти контролировали как культовую жизнь, так и существующие торговые пути¹.

А.П. Дружинина дает свое объяснение почему Тахти-Сангин был построен именно в этом месте. Ученая отмечает, что основанию города в этом районе способствовало его выгодное положение на торговых путях. Так, в нескольких километрах южнее города располагалась переправа через Амударью, ведущая из Кундуза в Кобадиянский оазис. Старая караванная дорога и до сегодняшнего дня очень хорошо прослеживается от крепости Тахти-Кувад по южному склону хребта в урочище Тахти-Сангин. Из Кобадиянского оазиса дорога идет вдоль Кафирнигана в Гиссарскую долину и дальше на северо-восток в Китай. Через переправу на Амударье и через территорию города можно было добраться до переправы через Вахш на месте слияния рек Вахша и Пянджа или двигаться по старой дороге вдоль правого берега Вахша на север, в сторону Вахшской долины. Здесь также могли соединяться водные дороги, использование которых для эллинистического времени может быть вполне реальным.

К городу примыкали небольшие укрепленные поселения или крепости (Тахти-Кубад и Вахшское городище на правом берегу р. Вахш), отдельно стоящие усадьбы (между городищами Тахти-Кувад и Тахти-Сангин отмечены остатки подобных строений), а также сельскохозяйственные угодья в долине р. Кафирниган на территории современного селения Тешик-Тош. Таким образом, новый город стоял не только на большом торговом узле и мог обладать речным портом, но и занимал выгодную стратегическую позицию, держа под контролем весь участок от места слияния двух рек – Вахша и Пянджа до реки Кундуз².

---

¹ Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 105.

² Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-

Следует отметить, что исследования таджикско-французской археологической экспедиции на городище Тахти-Сангин в 2014 и 2017 гг. и археологического отряда Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша НАНТ в 2020 и 2022 также подтвердили точку зрения Б.А. Литвинского, И.Р. Пичикяна и А.П. Дружининой о том, что Тахти-Сангин – это древний город. Так, проведенные раскопки таджикско-французской экспедиции к западу от цитадели позволили констатировать, что в греко-бактрийский период территория вокруг цитадели была интенсивно застроена жилыми постройками¹. Кроме того, М.Желен полагает, что в селевкидский период (312-250) Тахти-Сангин был крепостью, а в греко-бактрийский – городом².

Раскопки археологического отряда Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша НАНТ выявили несколько горизонтов обживания кушанской эпохи на территории городища к востоку от храма Окса³, то есть от цитадели. Там же в основании заложенного раскопа была обнаружена стена греко-бактрийского периода. Тем самым, помимо четырех жилых районов к югу от цитадели, одного – к северу, появились еще два – восточный и западный.

Не менее важными являются выводы А.П. Дружининой о причинах изменения внешнего входа на храмовую территорию и трансформации подходов служителей храма и жителей города к скоплению мусора и значимости участка, примыкающего к храмовой ограде? По результатам, полученным после раскопок в 1998-1999 гг., ученая предлагает остановиться на

Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 358-359; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 96-97.

¹ Желан М. Тахти Сангин, 2017 г. Предварительный отчет (в сотрудничестве с П.-М. Блан) // АРТ. 2022. Вып. 42. С.153-154, 157-158, рис. 3-5.

² Gelin M., Drujinina A. Le site de Takht-i Sangin // Tadjikistan au pays des fleuves d'or. Paris: Musée national des arts asiatiques-Guimet, Éditions Snoeck, Gand, 2021. P. 79.

³ Автор благодарит Т.У.Худжагелдыева за предоставленные сведения о результатах раскопок на Тахти-Сангине в 2020 г.

некоторых новых данных, которые, по её мнению, помогли бы по-другому подойти к этой проблеме:

1. Разница в структуре помойных слоев над и под улицей;

2. Такая же разница в структуре и цвете помойных слоев на северном участке, где был открыт жилой дом с мастерской, поддающиеся датировке не только керамикой, но и монетой Сотер Мегаса из слоя разрушения, который представляет собой «нечистые» помойные слои – начала кушанского периода;

3. Конструкция блочно-каменной стены, профилировка западной её части и техника обработки каменных блоков могут быть очень четко сравнимы по всем параметрам с каменными алтарями на территории храмового участка и датироваемые Б.А.Литвинским и И.Р. Пичикияном не позднее II в. до н.э.

4. Фрагменты каменной чаши с остатками надписи на древнегреческом языке, которая может сравниваться с посвящением на алтарике из коридора 2, датированного исследователями первой половиной II в. до н.э.¹

Ученая отмечает, что полученный материал возвращает нас ко II в. до н.э., который для Бактрии связан не только с падением Греко-Бактрийского государства и сильными политическими потрясениями, а, прежде всего, с приходом нового кочевого населения².

Далее, рассуждая по этому вопросу, А.П. Дружинина пишет: «Допустить, что город и храм городища Тахти-Сангин не разделили судьбу других разрушенных городов на территории Бактрии, невозможно. Не только новые раскопки на территории жилой части южнее цитадели в 1999 году дают для этого утверждения самый разнообразный материал, но и многолетняя дискуссия о принадлежности Клада Окса (Амударьинского

---

¹ Дружинина А. Раскопки на городище Тахти-Сангин. Предварительный отчет 1998-1999 года о работах на восточном участке цитадели // АРТ. 2000. Вып. XXVII. С. 249.

² Дружинина А. Раскопки на городище Тахти-Сангин. Предварительный отчет 1998-1999 года о работах на восточном участке цитадели. С. 249-250.

клада) – храму Окса, итог которой так подробно и интересно подвел Борис Анатольевич Литвинский¹. Если предположить, что золотые изделия клада Окса все же принадлежали храму Окса и были спрятаны в момент угрозы нападения кочевников, возникает вопрос, почему они не были возвращены в храм, существовавший и позднее (пол 2 – юэджийский период²)? Ответ может быть самым простым и заключаться в том, что храм и сам город, по всей вероятности, был покинут, как это было с храмом Диоскуров на Дильбержине в Балхском оазисе, который был покинут, разрушен, но затем вновь отстроен новыми хозяевами для нового культа. Археологическими доказательствами такого предположения для храма Окса могут выступать:

- пустые ямы-ботросы в центральном зале, в которых ранее могли храниться особо ценные подношения³ (хотя более вероятным местом все же кажутся ботросы в коридорах, при расчистке которых также отмечены следы разорения);
- смена состава подношений в храм с различных изделий и произведений искусства на монеты и оружие⁴;
- также радикальные перестройки и изменения на участке подхода к храму.

Многочисленные постройки неаккуратно сложенных сооружений в районе входа в храм (стена 1, дом С, дом Д, дом Е), могли быть связаны с притоком населения, перемещенного военными действиями и селившегося в пределах цитадели, а также с упадком значимости храма в это время⁵. С этим же может быть связано и появление прямо на улице, перед храмом

---

¹ См.: Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки, Архитектура. Религиозная жизнь. С.13-36.

² Там же, с. 54.

³ Там же, с.60-61.

⁴ Там же, с. 182.

⁵ Дружинина А.П. Раскопки на городище Тахти-Сангин. Предварительный отчет 1998-1999 года о работах на восточном участке цитадели // АРТ. 2000. Вып. XXVII. С. 250.

слоя помоев и мусора. Остаётся еще один пункт, который также стоит в прямой зависимости с изменением образа жизни населения города. Мог ли храм, существующий в кушанское время в стенах храма Окса эллинистического периода, даже в перестроенном виде, оставаться храмом с прежним культом. Могло ли случиться при соблюдении старого порядка ведения культовой службы то, что случилось с каменной чашей с именем божества. Проигнорировав это, фрагменты чаши употребили как простой строительный материал, выложив ими дно водостока. Могли ли улицу, которая, скорее всего, должна была бы употребляться как процессуальная улица от реки к храму или, наоборот, от храма к реке, заливать помоями и забрасывать костями, как обычную улицу.

Можно было бы привести еще целый ряд подобных размышлений, которые ждут своего подтверждения или опровержения ходом новых раскопок на городище Тахти-Сангин. Одно хотелось бы сказать более определенно, что описанные изменения в отношении к храму, неминуемо стоят в прямой зависимости с изменениями образа жизни на городище. Это становится более понятным, если предположить, что функционирующий в кушанский период храм Окса был перепосвящен другим божествам или божеству новых хозяев. Культ династии Кушан, чьи храмы со статуями или алтарями огня известны по многочисленным раскопкам на территории Бактрии, мог бы также вписаться в стены бывшего храма Окса с его постамен-тами на площади и алтарями в атешгахах»¹. Таким образом, можно предположить, что в кушанский период у храма появляются «новые хозяева».

Заметим, что исследование жилых домов и помещений на цитадели позволили А.П. Дружининой сделать определенные выводы об архитектурно-строительных нормах. Так, ученая впервые обратила внимание на дверные проемы и ка-

---

¹ Дружинина А.П. Там же, с. 250-251.

менные пороги, на которых стояли деревянные двери¹. Она отмечает, что во всех домах городища блок порога выполнен очень аккуратно, что, в свою очередь, показывает не только широкое развитие данного ремесла в Бактрии, но и высокие требования к стандартизации строительства в это время². Следует добавить, что это свидетельствует также о существовании высокой культуры жилищного строительства в древней Бактрии. Кроме того, Тахтисангиновскому отряду удалось впервые полностью исследовать внутренний интерьер и хозяйственный инвентарь бактрийского дома эллинистического времени.

Следует отметить, что совместный таджикско-французский археологический отряд Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша и Национального центра научных исследований (UMR 7041, CNRS) внес определенный вклад в изучение Тахти-Сангина. Так, оборонительные стены античной эпохи на городище практически не исследованы. Т.У. Худжагелдыев³ отмечает, что они были всего лишь зафиксированы на плане городища в результате топографической съемки памятника, проведенной Тахтисангиновским отрядом⁴. Таджикско-французским отрядом на Тахти-Сангине зафиксированы несомненные остатки пяти рубежей оборонительных стен

---

¹ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 232-233; Она же. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 92; Она же. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи в (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV (2009 г.). С. 338; Она же. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 г. // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 146.

² Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 г. // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 146.

³ Худжагелдыев Т.У. Разведочные работы на городище Тахти-Сангин в 2013 г. // АРТ. 2017. Вып. XXXIX. С. 88.

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округи в (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV (2009 г.). С. 358.

– три севернее храма и две – южнее¹. Все стены в плане практически параллельны друг другу и имеют направление запад-восток². Ученый отмечает также, что наблюдения показывают, что современные мощные эрозийные процессы на городище за пределами храма могут обнажить останцы не обнаруженных ранее древних построек³.

Что касается техники кладки оборонительных стен, то основным строительным материалом были рваный камень из известняка хребта Актау, глина и суглинок из поймы Амударьи. Существенное различие размеров камней в структуре кладки двух параллельных рядов указывает на технику панцирной кладки, активно применявшейся при строительстве фортификационных сооружений в античное время. Эта техника была связана с потребностью увеличения оборонной мощи стен за счет расширения их в ширину и увеличения в высоту. «Панцирная техника» (техника эмплектон) – это двухпанцирная кладка из камней с забутовкой пространства между рядами земель с камнями, или глинистым раствором с каменным заполнителем⁴.

Важно отметить некоторые выводы Т.У. Худжагелдыева. Так, ученый пишет: «С точки зрения фортификации подобные стены являются сооружениями оборонительного характера, предназначенные для защиты городища от набегов врагов. Центральную часть городища, с храмом и жилыми домами, отделяли более крупные, судя по размерам современного состояния развалов, оборонительные стены (С1 и Ю1). Эти две стены были построены более мощными относительно других в силу того, что они замыкали подступы к главному объекту на городище – храму. Сейчас они представляют собой распластанные валы. По сохранившимся остаткам стен в разрезе современной дороги, проходящей через городище, можно отме-

---

¹ Худжагелдыев Т.У. Разведочные работы на городище Тахти-Сангин в 2013 г. С. 88, рис. 1.

² Худжагелдыев Т.У. Там же, с. 88.

³ Там же, с. 89.

⁴ Там же, с. 89.

тить, что основания стен сложены из крупных и средних неотесанных камней известняка. Отличие размеров этих двух стен от других, более мелких, свидетельствует, возможно, об их более раннем возрасте, построенных еще на начальном этапе функционирования храма, когда наряду с военной необходимостью строительства оборонительных стен существовала, очевидно, и экономическая составляющая, связанная с устройством пункта пропуска для взимания пошлин, осмотра и учета ввозимых и вывозимых товаров. В практике строительства фортификационных сооружений это отмечалось ранее¹. Строительство же передовых, более удаленных от храма и, судя по объему развала останцев, более мелких оборонительных стен (Ю2 и С3) было предопределено, скорее всего, позже, и было связано с поспешной необходимостью усиления эшелона обороны вследствие резко возросшей военной активности кочевников, когда не хватало времени усложнять или усовершенствовать элементы фортификации стен. Тем самым, можно заключить, что стимулированию развития фортификации на Тахти-Сангине послужила сложившаяся в III – первой половине II вв. до н.э. военно-политическая ситуация на территории Бактрии»².

Во время разведочных работ на территории городища не менее интересным оказался и подъемный материал. Вновь были обнаружены находки неолитического времени. Первая – медиальный фрагмент пластинки с конвергентными краями и трапециевидная в сечении³. Вторая – размельчитель-терочник⁴. Т.У. Худжагелдыев связывает обе находки с неолитической стоянкой, хорошо сохранившийся культурный слой которой был ранее обнаружен на глубине 2,5 м ниже пола колонного

---

¹ См.: Массон В.М. Фортификация и общество в исторической перспективе // Фортификация в древности и средневековье. СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1995. С. 6.

² Худжагелдыев Т.У. Разведочные работы на городище Тахти-Сангин в 2013 г. // АРТ. 2017. Вып. XXXIX. С. 91.

³ Худжагелдыев Т.У. Там же, с. 92, рис. 4.2.

⁴ Там же, с. 92., рис. 4.1.

зала храма Окса, датируемой 4250-3790 лет до н.э. Суммируя выводы предыдущих исследований с новыми находками ученый приходит к заключению, что для верховья Амударьи время существования неолитической стоянки определяется в пределах 6000-4700 лет назад¹.

Кроме того, при пеших обходах территории городища в 2013 г. с поверхности были подняты три медные монеты Кушанского периода. Первая монета царя Вима Кадвиза (I в.н.э.)² была найдена севернее храма. Вторая монета подражание Васудеве (III-IV вв. н.э.)³ обнаружена восточнее храма. Третья мелкая монета подражание Васудевы посткушанского периода (IV в.н.э.)⁴ выявлена восточнее храма. Таким образом, совместные таджикско-французские изыскания на Тахти-Сангине положили начало исследованию важного компонента города – фортификации.

В целом анализ археологических раскопок на Тахти-Сангине в 1998-2022 гг. показал, что были достигнуты большие успехи в изучении памятника. Археологам удалось значительно продвинуться в изучении самого города и определить его четкие границы. Были раскопаны жилые кварталы, оборонительные стены. Продолжив раскопки на территории цитадели городища, археологи раскопали остатки административного здания, а также улицу и бронзолитейную мастерскую. Возобновленные исследования на памятнике и полученный археологический материал показали, что Тахти-Сангин – памятник, который должен быть подвергнут крупномасштабным комплексным многолетним исследованиям.

---

¹ Там же, с. 92.

² Худжагелдыев Т.У. Разведочные работы на городище Тахти-Сангин в 2013 г. С. 93, рис. 4.3.

³ Там же, с. 93, рис. 4.4.

⁴ Там же, с. 93, рис. 4.5.

Находки

Археологам хорошо известно, что значит поймать удачу на раскопках. Это очень редкое, но закономерное вознаграждение ученому за многолетний, тяжелый и осознанный труд, подчиненный целенаправленному научному поиску. Как правило, не всем археологам везет и удачу «ловят» лишь избранные. К числу поймавших удачу археологов относятся И.Р. Пичикян и А.П. Дружинина – руководители археологических отрядов, проводивших раскопки на Тахти-Сангине. Большую часть своей научной деятельности они посвятили изучению одного из самых грандиозных памятников Центральной Азии. Результаты их многолетних археологических исследований на Тахти-Сангине – велики, и полученные материалы будут востребованы как в ближайшем, так и далеком будущем специалистами разных направлений изучения прошлого как таджикского народа, так и всего центральноазиатского региона.

На сегодняшний день в результате археологических работ на Тахти-Сангине собран значительный объем находок, превышающий 10 тысяч целых и фрагментированных экземпляров, датируемых от VI в. до н.э. до III в.н.э., среди них – сотни произведений искусства из золота, серебра, бронзы, железа, слоновой кости, обожженной глины, гипса, камня и стекла. Особенно много предметов вооружения: наконечников стрел, дротиков и копий, мечей, кинжалов, деталей защитных доспехов, в том числе бронзовых шлемов и т.д. Золотыми были украшения, венки, нити и обкладки. Серебряными и бронзовыми были не только некоторые украшения, но и фрагменты статуй. Огромен и разнообразен перечень предметов из слоновой кости. Это и различные культовые изделия, и votивные рукоятки, и ножны кинжалов (мечей), и косметические украшения, и различные произведения искусства. Изделия из слоновой кости украшались гравированными рисунками, рельефными и горельефными изображениями, а также оформлялись в виде скульптурных изображений. Следует также отметить несколько со-

тен монет, обнаруженных в разных помещениях храма Окса и на территории самого городища.

Кроме того, храм украшали статуи на специальных постаментах, драгоценные, полудрагоценные и поделочные камни применялись для изготовления постаментов малых скульптур и произведений искусства.

Основная часть находок, чей репертуар чрезвычайно обширен, концентрировалась в храме Окса, среди них – более одной тысячи посвячительных предметов¹ – вотивов², которые помещались в ботросах, а также в культовых оградках и фависсах. Когда они были заполнены, то и сами коридоры храма превращались в огромные хранилища сокровищ.

В данном параграфе мы не будем останавливаться на находках полученных Тахтикубадским отрядом (1975-1991 гг.), так как значительная их часть опубликована и детально исследована Б.А. Литвинским во втором и третьем томах «Храма Окса³». Сфокусируем внимание на находках, полученных в результате археологических раскопок Тахтисангиновского (1998-2010 гг.) отряда Института истории археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ, таджикско-французской археологической экспедиции Института истории археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ и Французского национального центра

---

¹ Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. М., 1991. С. 160; Пичикян И.Р. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1988 года. Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия) // АРТ. 2008. Вып. XXXII. С. 230.

² Вотив, вотивное приношение (лат. votivus – торжественно обещанный, посвященный богам) – посвячительный дар божеству, приносимый из благодарности или по обету малый или большой предмет (например, вотивный камень, пластина, сосуд, табличка, статуэтка и др.) в зависимости от состоятельности посвященного.

³ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М.: Изд-ая фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. 528 с.; Он же. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Вост. лит., 2010. 664 с.

научных исследований (CNRS) (2014, 2017 гг.) и археологического отряда Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ (2020, 2022 гг.). Они дали не менее важные артефакты, позволившие ответить на некоторые вопросы, связанные с материальной и духовной культурой не только населения Тахти-Сангина, но и древней Бактрии в целом. Прежде всего, предлагаем остановиться на наиболее значимых и интересных находках Тахтисангиновского отряда, которые, несомненно, являются не только большой удачей отряда и его руководителя – А.П. Дружининой, но и настоящим открытием.

Прежде чем остановиться на наиболее значимых и интересных находках стоит отметить, что за двенадцать лет (1998-2010) археологических изысканий на Тахти-Сангине археологами было найдено огромное количество находок, среди которых как хорошо сохранившиеся артефакты, так и фрагменты. Как и прежде, археологи продолжают находить предметы из золота, серебра, бронзы, железа, стекла, камня, слоновой кости. Стоит отметить, что среди находок не мало предметов из золота: подвески, фольга, пластины, бусины, трубочки, нити¹, которые, вероятнее всего, носили посвященный характер.

Наиболее ярким примером, показывающим место Тахти-Сангина в истории и культуре Центральной Азии, является эпиграфический материал – важный первоисточник по изучению истории древней Бактрии. Таковыми являются надписи на древнегреческом языке, обнаруженные на памятнике. Заметим, что во время раскопок Тахтикубадского отряда была найдена всего одна надпись, которая гласит: «По обету посвятил Атросок Оксу» (рис. 10), расположенная на постаменте с фигурой Силена Марсия², датируемая первой полови-

---

¹ Дружинина А., Инагаки Х., Худжагелдыев Т.У. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. 2010. Вып. XXXIV (2008 г.). Рис. 9.1-10; Она же. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 г. // АРТ. 2013. Вып. XXXVI (2010 г.). Рис. 6.

² Litvinsky B.A., Pichikjan I.R. Découvertes dans un sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane septentrionale // RA. 1981. № 2. 195-216; Литвинский Б.А., Пи-

ной II в. до н.э.¹, и являющаяся одной из самых значительных находок.

Тяжелый, опасный и упорный труд археологов Тахти-сангиновского отряда был заслуженно вознагражден четырьмя посвятельными надписями, пополнившими копилку памятников греко-бактрийской эпиграфики. Так, в 1999 г. при разборе восточной части водостока из больших необработанных камней на территории, примыкающей ко входу во двор храма (пропилеи), были обнаружены 5 фрагментов чаши, изготовленной из известняка белого цвета, имевшей хорошо обработанную внутреннюю и внешнюю поверхность². На одном из фрагментов венчика диаметром 82 см располагалась надпись из греческих букв, состоящая из двух слов (рис. 14). Первое слово надписи – ΥΟΞΟΙ, второе – ΟΞ³. Возможно, что первое слово

чилян И.Р. Тахти-Сангин – Каменное городище // АРТ. 1986. Вып. XIX (1979 г.). С. 117; Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичилян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 94; Литвинский Б.А. Храм Окса в Северной Бактрии. Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 184-204; Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et Asie centrale // Corp. Incr. Iran. Part II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian Periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I: Inscriptions in Non-Iranian Languages. Ed. by International Committee. London: SOAS, 2012. P. 196-198.

¹ Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичилян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 102.

² Дружинина А.П. Раскопки на городище Тахти-Сангин. Предварительный отчет 1998-1999 года о работах на восточном участке цитадели // АРТ. 2000. Вып. XXVII. С. 243.

³ Дружинина А.П. Раскопки на городище Тахти-Сангин. Предварительный отчет 1998-1999 года о работах на восточном участке цитадели // АРТ. 2000. Вып. XXVII. С. 243, 259; Drujinina A. Die Ausgrabungen in Tacht-i Sangin im Oxos-Tempelbereich (Süd Tadschikistan). Vorbericht der Kampagnen 1998-1999 // АМТ. 2001. 33. S. 263, 264 fig. 5; 265 fig. 6; Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. № 4. С. 125-128, рис. 10-11; Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale // Corp. Incr. Iran. Part. II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I: Inscriptions in Non-Iranian Languages. Ed. by an International Committee. Lon-

имело впереди еще одну букву “омикрон”, которая плохо сохранилась на чаше. Таким образом, в надписи прочитывается два раза имя Окса. В первом случае как попытка передачи греческими буквами бактрийского имени Окс-Вахш (по-бактрийски ОАХϕΟ), а во втором – его греческого имени¹. Ф. Грене интерпретирует надпись как «Богу Оксу»². В храме были обнаружены и многие другие фрагменты таких чаш, которые обозначаются термином периррхантерион³. Они обычно стояли в эллинистическое время перед входом в храм или рядом с алтарями. Эти чаши в храме Окса могли использоваться для ритуальных омовений и возлияний⁴. А.И. Иванчик датирует надпись на венчике второй половиной II в. до н.э. и полагает, что эта первая известная попытка письменной фиксации бактрийского языка. Ученый отмечает: «Видимо, речь идет об экспериментировании в двуязычной греко-бактрийской среде, где значение греческого языка постепенно уменьшалось. В этих условиях некий бактриец, посвятивший в храм каменное блюдо или входивший в храмовый персонал, решил написать на нем имя бога Окса не только по-гречески («Оксу» или «Ок-

---

don: SOAS, 2012. P. 198-199.

¹ Ivantchik A.I. Neue griechische Inschriften aus Tacht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftlichkeit // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern. 2013. С. 137-139.

² Grenet F. The cult of the Oxus: reconsideration // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2-5 ноября 2004 года). Отв. ред. В.П.Никонов. СПб.: Институт материальной культуры РАН, 2005. С. 377.

³ Drujinina A., Lindström G. Kultgefäße im Oxus-Tempel – zur Frage der Kultkontinuität im unruhigen 2. Jh. v. Chr. // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern. 2013. С. 177-179. (AIT. Vol. 14).

⁴ Дружинина А., Ходжаева Н.Д. Синтез культур местного и пришлого населения в период античности и эллинизма // Этногенез и этническая история таджикского народа. В 2-х томах. Том 1. Душанбе: Дониш, 2021. С. 601.

са») , как это было общепринято, но и попытался греческими буквами передать его звучание на своем родном языке. Эта своеобразная билингва возникла, разумеется, лишь как результат окказионального экспериментирования, но по-видимому, благодаря подобным экспериментам через какое-то неизвестное нам время и возникла бактрийская письменность, взявшая за основу греческое письмо»¹.

Остальные надписи были обнаружены на территории площади (теменос), расположенной к востоку от храма. В его южной части в раскопах № 17 и № 18 была раскрыта бронзолитейная мастерская, в которой, среди прочего, изготавливались бронзовые котлы для посвящения в святилища². Тахтисангинским отрядом были выявлены фрагменты не менее семи литейных форм, по меньшей мере на трех из них были надписи на древнегреческом языке. Данные литейные формы являются первыми в Центральной Азии, уникальными не только благо-

---

¹ Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. Вып. 4 (279). 2011. С. 128.

² Drujinina A. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // AMIT. 2008. No 40. S.125-128, abb. 6; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм № 17 и № 18 / А.П. Дружинина, Т.У. Худжагелдыев // АРТ. 2009. Вып. XXXIII (2007 г.). С.114-116, рис. 3-4; Druzhinina A.P., Khudzhageldiev T.U., Inagaki H. P. Report of the Excavations in Takhti- Sangin Settlement Site in 2007 // Bulletin of Miho Museum. 2010. Vol. 9. P. 68-72, fig. 3; Бороффка Н. Мэй Ц.Ц. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки // ВДИ. 2011. № 4(270). С. 50-54, 56-60, рис. 11; Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности. С. 111; Болелов С.Б. Заметки о бактрийской керамике (к вопросу о датировке литейной формы бронзового котла из храма Окса, Тахти-Сангин) // Российская археология. 2014. № 4. С. 66; Демиденко С.В. Котлы типа «Тахти-Сангин – Бармашино»: к проблеме взаимопроникновения традиций металлообработки в Центральной Азии // Российская археология. 2014. № 4. С. 80-83, рис. 4.

даря надписям на них, но и потому что, они предназначались для отливки котлов весьма примечательного типа¹.

Надписи располагались на венчиках – верхних частях глиняных литейных форм для отливки больших бронзовых котлов. Первая надпись была обнаружена в 2004 г. в раскопе № 18 на южной части площади храма Окса, где находилась временная литейная мастерская. В раскопе были расчищены контуры ямы, где были обнаружены остатки литейного производства в виде развала глиняной литейной формы № 1. Из 11 зафиксированных фрагментов 9 фрагментов содержали отрывков надписи на греческом языке (26 букв). Греческие буквы имеют высоту 3,3 см и глубину до 0,5 см². В начале надписи стоят греческое имя посвяtitеля и имя его отца, а в середине надписи – название посвящаемого объекта – котла или сосуда, а также часть имени Окса³. Вторая надпись состоит из трех фрагментов. Два из этих фрагментов были обнаружены в 2006 г.⁴, а один – в 2007 г.¹. Два из них читаются как ΝΔΑΜΕΙΡΟΥ,

---

¹ Бороффка Н. Мэй Ц.Ц. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки. С. 54.

² А.П. Дружинина Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 91. Drujinina A.P., Boroffka N.R. First preliminary report on excavations at Takht-i Sangin in 2004 // Bulletin of Miox Museum. 2006. Vol. 6. P. 69, fig.8-9.

³ Вексина М. Лингвистический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки сосуда // АРТ. 2009. Вып. XXXIII. С.227; Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности. С. 117; Ivantchik A. I. Neue grichische Inschriften aus Tacht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftligket // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Hrsg. von G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach // АИТ. 2013. Vol. 14. S. 125-142.

⁴ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Ротт Ф. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2006 г. // АРТ. 2008. Вып. XXXII. С. 62, рис.12; Drujinina A.P., Inagaki H., Hudjageldiev T. Rott F. Excavation at Takht-i Sangin city. Territory of Oxus Temple, in 2006 // Bulletin of Miox Museum. 2009. Vol. 9. P. 79, fig. 28.

второй – $\mu\epsilon\rho\omicron$, что по-мнению П.Б. Лурье, соответствует имени иранского божества Митры². Передача в бактрийском языке имени Митры как $\mu\epsilon\rho\omicron$ также засвидетельствована наравне с другими формами при написании этого имени греческими буквами³.

Третья надпись (рис. 15), обнаруженная в 2007 г., сохранилась полностью в верхней части внутри литейной формы.⁴ Её высота около 40 см, диаметр по венчику составляет 1,1 м (реконструируемый диаметр венчика котла 1,0 м). Надпись, длина которой 3,19 м, располагалась на бордюре, который после отливки должен был соответствовать плоскому, отогнутому наружу, венчику котла, ширина бордюра от 7,6 до 8,5 см⁵. Исследователи расходятся во мнении о датировке надписи (от второй четверти II в. до н.э. до второй половины I н.э.⁶), но все

---

¹ Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности. С. 120-121, рис.7.

² Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности. С. 120, сн. 30.

³ Там же, с. 120.

⁴ Дружинина А.П. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году // АРТ. 2005. Вып. XXX. 90-91, 102, рис.1; Drujinina A. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // AMIT. 2008. No 40. S.121-135; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм № 17 и № 18 // АРТ. 2009. Вып. XXXIII. С. 116-119, рис. 6-7; Druzhinina A.P., Khudzhageldiev T.U., Inagaki H. Report of the Excavations in Takhti- Sangin Settlement Site in 2007 // Bulletin of Miho Museum. 2010. Vol. 9. P. 71-76, fig. 3-5.

⁵ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм № 17 и № 18. С. 117, рис.6-7; Druzhinina A.P., Khudzhageldiev T.U., Inagaki H. P. Report of the Excavations in Takhti- Sangin Settlement Site in 2007 // Bulletin of Miho Museum. 2010. Vol. 9. P. 72, fig. 3.

⁶ Drujinina A. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel // AMIT. 2008. No 40. S. 132, 133, 135; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм № 17 и № 18// АРТ. 2009. Вып. XXXIII. С. 122; Вексина М. Лингвистический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки

дают почти одинаковый по смыслу перевод: «Иромоис, сын Немиска, держатель печати, посвятил Оксу котел из семи талантов (бронзы) согласно обещанию¹».

Несмотря на то, что перечисленные нами надписи были найдены на территории храма Окса, и все они написаны на древнегреческом языке, стоит обратить внимание на один артефакт, обнаруженный в 2022 г. В этот полевой сезон археологический отряд Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ под руководством Т.У. Худжагелдыева проводил исследования на территории городища к востоку от храма. Как отмечалось, в ходе раскопок было выявлено несколько горизонтов обживания кушанского периода. Среди находок обнаружен кусок известкового камня, на котором имеется фрагмент надписи греческим письмом². По предположе-

---

сосуда// АРТ. 2010. Вып. XXXIV. С. 236; Wood R. Cultural convergence in Bactria: the votives from the Temple of the Oxus at Takht-i Sangin // From Pella to Gandhara: Hybridisation and Identity in the Art and Architecture of the Hellenistic East. Eds. A. Kouremenos, S. Chandrasekaran, R. Rossi. Oxford: Archaeopress, 2011. P. 148. (BAR International Series 2221); Бороффка Н. Мэй Ц.Ц. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение китайской, греческой и скифо-сакской традиций металлообработки // ВДИ. 2011. № 4(270). С. 56; Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. Вып. 4. 2011. С. 123; Veksina M. Zur Datierung der neuen Weihinschrift aus dem Oxos-Tempel // ZPI. 2012. Bd. 181. S. 111; Ivantchik A. I. Neue grichische Inschriften aus Tacht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftligket // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Hrsg. von G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach // АИТ. 2013. Vol. 14. S.135; Балахванцев А.С. Новая надпись из Тахти-Сангина и некоторые проблемы восточного эллинизма // Российская археология. 2014. № 4. С. 93.

¹ Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности. // ВДИ. Вып. 4. 2011. С. 117. Ivantchik A. I. Neue grichische Inschriften aus Tacht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftligket // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Hrsg. von G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach // АИТ. 2013. Vol. 14. S. 130.

² Информация представлена Т.У. Худжагелдыевым.

нию П.Б. Лурье на этом фрагменте – бактрийское слово, значение которого пока не определено¹. Таким образом, в эпитафическом материале из Тахти-Сангина впервые появляется надпись на бактрийском языке.

Нельзя не обратить внимание еще на еще одну находку, на которой имеется фрагмент надписи. В 2010 г. в верхнем слое колодца № 3 на площади храма Окса был обнаружен фрагмент остракона² или сосуда с остатками надписи³. А.П. Дружинина отмечает, что подобные надписи были обнаружены в Ай Хануме на кувшинах, датированных II в. до н.э. или третьей четвертью II в. до н.э.⁴.

Помимо эпитафического материала стоит обратить внимание на другие находки, обнаруженные на Тахти-Сангине в третий период исследования памятника. При этом хотелось бы отметить, что в этот период впервые были найдены уникальные находки за пределами цитадели, в жилой части города. Так, в 2003 г. в южной половине городища (участок Юг-2) в северной части сооружения № 368 было раскопано помещение, где найдены фрагменты керамических сосудов, гипсовых и каменных чаш, фрагменты украшений⁵. В западной половине помещения археологи обратили внимание на лежащую в перевернутом состоянии крышку сосуда (рис. 11)⁶. Крышка изго-

---

¹ Устное сообщение П.Б.Лурье.

² Остракон – черепок глиняного сосуда.

³ Дружинина А. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI (2010 г.). С. 160, рис. 5.

⁴ Там же, с. 160.

⁵ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX (2003 г.). С. 225.

⁶ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени. С. 225, рис. 2; Она же. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории древней Бактрии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 3 (19). С. 98, рис. 2.

товлена из серо-черного сланца, хорошо сохранилась, за исключением отбитых по всему периметру краев. Она имеет круглую форму (максимальный диаметр сохранившейся части 19 см) с достаточно заметным прогибом. Ручка крышки почти цилиндрической формы высотой около 2 см, диаметром 3,1-3,5 см. Внутренняя и внешняя поверхности предмета отполированы неодинаково: внутренняя имеет следы от инструмента и шероховатости, внешняя более гладкая¹. Ручка была вырезана вместе с крышкой и з одного куска камня. Внешняя поверхность крышки оформлена инкрустацией из тонких каменных пластин и резьбой. Борт крышки имеет два узких и одно широкое орнаментальное поле. Узкое внешнее поле образует инкрустация из посаженных встык маленьких прямоугольных пластинок светло-желтого стеатита, сохранившихся только в виде мелких осколков. Узкое внутренне поле инкрустировано чередующимися треугольниками из красной яшмы, светло-желтого стеатита и синего ляпис-лазурита. Пластины были вложены в специально углубленные в камне дорожки.

Кроме орнаментальных полей, на участке между ручкой крышки и орнаментальной полосой из треугольников прорезаны три концентрических желобка. Узкими полями обрамлено широкое поле с зооморфным фризом, запечатлевшим по две пары лошадей и газелей. Каждая пара животных показана в профиль, фигуры повернуты к друг другу и разделены орнаментальным элементом: газели – крестом, лошади – вытянутым прямоугольником². Фигуры животных разделены розетками, крестами и вытянутыми прямоугольниками³. А.П. Дружинина

---

¹ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени. С. 225.

² Дружинина А.П. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории древней Бактрии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 3 (19). Рис. 5.

³ Дружинина А.П. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории древней Бактрии. С. 99-100.

отмечает, что такое сложное сочетание на каменных сосудах встречаются впервые¹. Ученая обращает также внимание на то, что изображения выполнены в технике линейной резьбы очень аккуратно и профессионально. Хорошо проработаны мелкие детали – хвосты, верхние части конечностей всех животных, а также копыта и гривы лошадей. Одно изображение газели мастерски «посажено» на трещину в камне. Фигуры животных отличаются друг от друга по манере исполнения².

Проведя исследование, А.П. Дружинина приходит к выводу о том, что крышка из Тахти-Сангина является составной частью сосуда, точнее каменного сосуда с крышкой³. Исследователи относят такие сосуды к пиксидам, которые служили для хранения мазей, пряностей или украшений и изготовлялись из различных материалов⁴. Такие сосуды использовались женщинами в древней Греции. А.-П. Франкфор сравнил, обнаруженные сосуды-пиксиды в Бактрии с древнегреческими пиксидами, отмечает, что бактрийские формы сосудов-пиксид не повторяли греческие образцы, а имели свои местные корни не только по форме, но и по технике украшения изделий, которая известна в Бактрии с эпохи бронзы⁵. Что касается датировки, то

---

¹ Дружинина А.П. Там же, с. 99.

² Там же, с. 100.

³ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени. С. 225-226; Она же. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории древней. С. 101-102.

⁴ Francfort H.-P. Les modèles gréco-bactriens de quelques reliquaries et pallettes à fards "gréco-buddique" // Arts Asiatiques. 1976. Tome XXXII. P. 91; Idem. Fouilles d'Aï Khanum III. Le sanctuaire du temple à niches indentées // Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris: Diffusion de Boccard, 1984. XXVII. P. 21-22; Der neue Pauly // Enzyklopädie der Antike. Stuttgart; Weimar: Verlag J.B. Metzler, 1998. Bd. 10. S. 671.

⁵ Francfort H.-P. Les modèles gréco-bactriens de quelques reliquaries et pallettes à fards "gréco-buddique" // Arts Asiatiques. 1976. Tome XXXII. P. 92; Idem. Fouilles d'Aï Khanum III. Le sanctuaire du temple à niches indentées // Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan. Paris: Diffusion de Boccard, 1984. XXVII. P. 24.

по керамике, найденной вместе с крышкой, А.П. Дружинина относит ее к III-II вв. до н.э.¹.

Таким образом, крышка от каменного сосуда свидетельствует о высоком уровне искусства резьбы по камню у мастеров из Тахти-Сангина. Высокая техника изготовления и украшение крышки от сосуда-пиксиды являются еще одним ярким примером, показывающим место Тахти-Сангина в культуре не только древней Бактрии, но и центральноазиатского региона в целом. Тем самым она пополнила многочисленную коллекцию шедевров искусства, обнаруженных Тахтикубадским отрядом И.Р. Пичикяна.

Среди находок из Тахти-Сангина следует выделить нумизматический материал, который, как известно, является важным источником по изучению истории идеологии, религии, искусства, палеографии, торговых связей как внутри страны, так и международных. Монетные находки являются также важным материалом для определения датировки различных памятников. На Тахти-Сангине Тахтикубадским отрядом были обнаружены селевкидские, греко-бактрийские, индийские, кушанские и посткушанские монеты. В основном все монеты находились в составе четырех кладов, которые были найдены в ботросах², что свидетельствует о том, что эти клады были приношением храму.

В третьем периоде изучения Тахти-Сангина археологи также находили монетные находки греко-бактрийского и кушанского периодов. Среди них следует выделить первый, прекрасно сохранившийся и редкий экземпляр серебряной монеты царя Гелиокла, обнаруженной Тахтисангиновским отрядом³.

---

¹ Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени. С. 226; Она же. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории древней. С. 104.

² Довуди Д. Монетные находки на Тахти-Сангине и их научное значение // Муаррих/Историк. 2021. № 4 (28). С. 95.

³ Дружинина А. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI (2010 г.). С. 160-161, фото 10.

Диаметр монеты 2,2 см, на аверсе изображение бюста царя Гелиокла в диадеме, профиль вправо. Царь одет в плащ-хламис, который носили обычно путешественники или воины. На реверсе была изображена фигура Зевса, который стоит фронтально и одет в гиматион¹. Он держит в правой руке пучок молний, а левая рука поднята и опирается на скипетр. С левой стороны надпись на греческом языке: «Басилеос Дикаиоу Хелиоклеус – (монета) справедливого царя Гелиокла. На реверсе внизу под надписью имеется также монограмма в виде буквы «дельта»².

А.П. Дружинина отмечает, что общепризнанной датой правления царя Гелиокла являются 145-130 гг. до н.э. Однако в связи с находкой новой монеты в раскопе № 18 в храме Окса, вновь поднимается вопрос не только о номиналах его монет, но и о времени его правления. Особенно если учесть дискуссию о том, что царь Гелиокл мог править и раньше указанного выше времени³.

Заметим, что на данный момент самой древней и большей серебряной монетой, найденной на Тахти-Сангине, является драхма Александра Македонского, обнаруженная в южной половине сектора D в 150 м севернее городской стены № 526⁴. По имеющимся сведениям, она была найдена российскими пограничниками в ходе поисков металлоискателем и вывезена в Ташкент⁵. На аверсе монеты изображен профиль Геракла с

---

¹ Гиматион – у древних греков накидка в виде прямоугольного куска ткани, надеваемая поверх хитона (подобие рубашки).

² Дружинина А. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году. С. 161.

³ Там же, с. 161.

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи // АРТ. 2012. Вып. XXXV (2009 г.). С. 323-324, 338; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 71; Довуди Д. Монетные находки на Тахти-Сангине и их научное значение. С. 95.

⁵ Довуди Д. Монетные находки на Тахти-Сангине и их научное значение. С. 95.

львиной шкурой на голове, а на реверсе Зевс на стуле с орлом в правой протянутой вперед руке¹.

Среди находок из Тахти-Сангина следует также отметить две амфоровидные подвески с коралловой сердцевинкой, жемчужиной и золотыми ручками в виде дельфино-драконов (рис, 16а)². Первую подвеску нашли в 2007 году в яме (объект V), обнаруженной в 2006 году, при расчистке полов площади в северо-восточной части раскопа Храм № 18³. Вторую подвеску заметили в 2008 г. в той же яме (слой XII)⁴. А.П. Дружинина отмечает, что подобные подвески уже были найдены ранее на территории Бешкентской долины⁵ в захоронениях начала кушанского периода. Подвески из Тахти-Сангина отличаются от них как более высоким качеством изготовления, так и более тщательной проработкой деталей псевдоживотных на ручках, что может говорить в пользу ее более ранней датировки по сравнению с подвесками из Бешкентской долины⁶. Проведен-

---

¹ Бирюков Д.В. Драхмы от Александра // Нумизматика Центральной Азии. Ташкент, 2001. Вып. V. С. 96-97.

² Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм № 17 и № 18 // АРТ. 2009. Вып. XXXIII (2007 г.). С. 111, рис.13.5; Дружинина А., Инагаки Х., Худжагелдыев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. 2009. Вып. XXXIV (2008 г.). С. 197, рис. 9.1-3); Druzhinina A.P., Khudzhageldyev T.U., Inagaki H. The results of archaeological excavations at Takht-i Sangin in 2008 // Bulletin of Miho Museum. 2011. Vol. 3. P. 20, fig. 9.1a; Tadjikistan au pays des fleuves d'or. Paris: Musée national des arts asiatiques – Guimet, 2021. Cat. 56

³ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм № 17 и № 18. С. 111.

⁴ Дружинина А., Инагаки Х., Худжагелдыев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. С. 197.

⁵ Бешкентская долина расположена в Шахритусском районе Хатлонской области Республики Таджикистан.

⁶ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм № 17 и № 18 // АРТ. 2009. Вып. XXXIII (2007 г.). С. 111.

ные в Японии анализы C^{14} проб, взятых из слоев ямы, где находились подвески показали датировку всего II и первой половины I вв. до н.э.¹ По качеству изготовления и дизайну подвески из Тахти-Сангина можно отнести к ювелирным изделиям, которые отражают высокий уровень бактрийского искусства.

Необходимо отметить один момент в изучении Тахти-Сангина, который остался вне поле зрения Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна. Речь идет об анализе керамического комплекса, полученного на памятнике. В предыдущей главе мы упоминали о единственном опубликованном А.П. Керзумом четко стратифицированном керамическом комплексе из алтарно-башенного сооружения № 2 в северо-западном углу теменоса².

В третий период исследований на городище Тахти-Сангин, как и прежде, среди находок присутствует огромное количество керамики. Одним из важных моментов раскопок Тахтисангиновского отряда на памятнике являются впервые обнаруженные фрагменты ахеменидской керамики³.

Следует отметить, что А.П. Дружинина провела анализ керамических комплексов, обнаруженных в 1976-1991 гг. на Тахти-Сангине Тахтикубадским отрядом И.Р. Пичикяна и в

---

¹ Дружинина А., Инагаки Х., Худжагелдыев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. 2009. Вып. XXXIV (2008 г.). С. 199; Кувабара Я. Результаты радиоуглеродного анализа (C^{14}) образцов из раскопов на городище Тахти-Сангин // АРТ. 2010. Вып. XXXIV. С. 219-220; Druzhinina A.P., Khudzhageldyev T.U., Inagaki H. The results of archaeological excavations at Takht-i Sangin in 2008 // Bulletin of Miho Museum. 2011. Vol. 3. P. 25.

² Керзум А.П. Тахти-Сангин. Керамика алтарно-башенного помещения // Ученые Записки Комиссии по Изучению Памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока (археологические источники). Ред. И.С. Каменецкий. М.: ГРВЛ, 1989. С. 195-208.

³ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 339, 343, 348, 354; Она же. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 г. // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 147; Druzhinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 71, 75, 80, 88, 91, fig. 16.

1998-2010 гг. Тахтисангиновским отрядом. Проведенное исследование керамических комплексов позволило ученому определить стратиграфию памятника. Так, в период раскопок 1998-2010 гг. А.П. Дружининой удалось обобщить одиннадцать периодов функционирования города Тахти-Сангина – Тахти-Сангин I-XI. Принимая во внимание керамические комплексы из раскопок 1976-1991 гг., семь из них Тахти-Сангин I-VII она относит ко второй половине I тыс. до н.э.¹ Ученый дает подробное описание характерных особенностей керамики для периодов Тахти-Сангин I-VII:

Тахти-Сангин I представлен фрагментами столовых сосудов с цилиндро-коническим туловом и плоским дном. Фрагменты имеют красные, плотно обожженные осколки, красную поверхность и без примесей в изломе². Эта керамика обнаружена в глиняном растворе между кирпичами, в штукатурке стен, между сырцовыми кирпичами надстроек пола в коридоре 9 храма Окса и на поверхности цитадели к востоку от храма, а также в современном колодце в 200 м к северу от цитадели³. По внешним признакам фрагментов и аналогиям в керамике комплекса Яз III и др. А.П. Дружинина датирует этот комплекс керамики концом V - началом IV вв. до н.э.⁴, то есть ахеменидским периодом.

Тахти-Сангин II представлен фрагментами керамики емкостей для хранения, обнаруженными в помещении дома в раскопах Город Север № 4⁵ и в северном атешгахе храма Окса¹.

---

¹ Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 88-91.

² Drujinina A. Ibid, fig. 16

³ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 339, 343, 348, 354; Она же. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 г. // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 147; Drujinina A. Ibid, p. 71, 75, 80, 88, 91, fig. 16

⁴ Ibid, p. 88, 91.

⁵ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 349-350; Drujinina A. Ibid, p.76, 79.

По цвету керамика Тахти-Сангин II почти такая как в Тахти-Сангин I, но отличается по светлому, почти беловатому или розовато-беловатому оттенку внешней поверхности². Внешняя поверхность заглажена руками и по качеству керамика плохой техники изготовления. По внешним характеристикам и аналогиям, а именно по большой чаше типа Кобадан I, ученый датирует этот комплекс второй половиной или концом IV в. до н.э.³

Тахти-Сангин III представлен фрагментами стакано-видных сосудов и мисок с закругленным наружным краем, плотно обожженным, терракотового цвета корпусом и светло-терракотовой наружной поверхностью не очень хорошего качества изготовления⁴. Этот период представлен керамическим комплексом из помещений дома в раскопе Город Юг № 2⁵ Важными факторами датировки этого керамического комплекса началом III в. до н.э. для А.П. Дружининой послужили такие особенности, как светло-терракотовый цвет фрагментов тарелок с клювовидным устьем и чашечек с заостренным венчиком⁶.

Тахти-Сангин IV по аналогии с керамикой из Ай Ханума датируется А.П. Дружининой серединой III в. до н.э.⁷ Керамический комплекс представлен керамикой из раскопов Го-

---

¹ Дружинина А.П. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 87; Drujinina A.P., Inagaki H., Hudjageldiev T. Rott F. Excavations at Takht-i Sangin city. Territory of Oxus Temple, in 2006 // Bulletin of Mixo Museum. 2009. Vol. 9. P. 59.

² Drujinina A. Ibid, fig. 17, 1-7.

³ Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 91.

⁴ Drujinina A. Ibid, fig. 17, 8-18.

⁵ Дружинина А.П., Инагаки Х. Результаты исследований городища Тахти-Сангин в 2006 г. // АРТ. 2008. Вып. XXXII (2006 г.). С. 47-47; Она же. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 338, рис. 5, SS2; Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 143-146; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 70.

⁶ Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 91.

⁷ Drujinina A. Ibid, p. 91.

род Юг № 2 N¹ и Город Север № 1, 4 и 5². Ученый отмечает, что этот период связан со временем изготовления еще более простых форм, внешне имеющих некоторую связь с керамикой ахеменидского периода. Она подчеркивает также, что этот период характеризуется многочисленными технологическими изменениями чаще всего сосуды окрашены в светлотерракотовый цвет, однако из-за изменений в процессах обжига и расширения печей многие фрагменты керамики были также окрашены в желтый цвет, а с середины периода – в серый. Глина также очень плотная и хорошо промывается. Обжиг глины зафиксирован только для кухонной утвари, тогда как простые формы были характерны только для больших сосудов³.

Тахти-Сангин V представлен комплексом столовых и складских сосудов хорошего качества изготовления с битым черепком терракотового и серого цвета и более частым использованием красного и серого ангоба⁴. Комплекс был собран на этажах четырех комнат дома Р в раскопе Город Юг 2 N⁵ и в раскопах Город Север 1 и 5⁶. А.П. Дружинина отмечает, что

---

¹ Дружинина А.П. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 году // АРТ. 2010. Вып. XXXIV. С. 202; Drujinina A. Ibid, fig. 18, B.

² Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 347, 349-350; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 79-80, 84. fig. 18, A, D.

³ Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 91.

⁴ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.). С. 350; Drujinina A.P. Boroffka N.R. First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004 // Bulletin of Mixo Museum. 2006. Vol. 3. P. 61; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P.83, fig. 19-20.

⁵ Дружинина А.П. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 92, 94, 96; Она же. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С.145-146.

⁶ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 347; Dru-

радиоуглеродный анализ (C^{14}) образцов из раскопа Город Юг 2N даёт датировку между 324 и 205 годами до н.э.¹ что по сопоставлению с керамикой из Ай Ханума относит этот комплекс ко второй половине III в. до н.э.²

Тахти-Сангин VI представлен керамическим комплексом из слоев XIX и XXI раскопа Храм 18 на площади храма Окса характеризующимся разнообразием форм, цвета черепков и ангоба³. А.П. Дружинина отмечает, что в этот период появляются многочисленные сложные и разнообразные формы, сильно увеличиваются размеры столовой посуды и сосудов для хранения, в то время как простые формы, как правило, отличались низким качеством изготовления. Широко распространены ангобы в различных сочетаниях⁴. Ученая констатирует, что этот комплекс соответствует керамическому материалу верхнего периода строительства в раскопах Город Север № 1 и № 2. Комплекс датируется первой половиной II в. до н.э.⁵

---

jinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 75-76, fig. 13, 1.

Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 350; Drujinina A.P. Boroffka N.R. First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004 // Bulletin of Mixo Museum. 2006. Vol. 3. P. 61; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P.83.

¹ Дружинина А.П., Инагаки Х., Худжагелдыев Т.У. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. / А.П. Дружинина, Х. Инагаки, Т.У. Худжагелдыев // АРТ. 2010. Вып. XXXIV. С. 203; Кувабара Я. Результаты радиоуглеродного анализа (C^{14}) образцов из раскопов на городище Тахти-Сангин // АРТ. 2010. Вып. XXXIV. С. 217.

² Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 92.

³ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Инагаки Х. Отчет о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2010 гг. Работы на площади Храма Окса в раскопах № 17 и № 18 // АРТ. 2016. Вып. XXXVIII. С. 294-298; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 92, fig. 12. 1,2; 21-22.

⁴ Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 92.

⁵ Кувабара Я. Результаты радиоуглеродного анализа (C^{14}) образцов из раскопов на городище Тахти-Сангин // АРТ. 2010. Вып. XXXIV. С. 217; Drujinina A. Ibid, p. 92.

Тахти-Сангин VII представлен керамическим комплексом из слоев VI-XIII раскопа Храм №18 на площади храма Окса¹ и керамическим комплексом из дома А на цитадели². По аналогиям в керамике из Ай Ханума А.П. Дружинина относит этот период к третьей четверти (или второй половине) II в. до н.э.³

Таким образом, А.П. Дружинина, осуществив анализ керамики из Тахти-Сангина, впервые стратифицировала керамические комплексы со всех раскопов памятника.

Среди находок на Тахти-Сангине следует также отметить впервые обнаруженный комплекс жертвенных костей в раскопах Храм № 16⁴, № 17⁵ и № 18⁶, который внес

---

¹ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм № 17 и № 18 // АРТ. 2009. Вып. XXXIII (2007 г.). С. 112-113, 120-121; Дружинина А.П., Инагаки Х., Худжагелдыев Т.У. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. 2010. Вып. XXXIV. С. 194-199.

² Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 233; Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.). С. 344, рис. 11; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 76, fig. 23-25.

³ Drujinina A. Ibid, p. 92.

⁴ Дружинина А.П., Инагаки Х. Результаты исследований городища Тахти-Сангин в 2006 г. // АРТ. 2008. Вып. XXXII (2006 г.). С. 47; Drujinina A.P., Inagaki H., Hudjageldiev T. Rott F. Excavations at Takht-i Sangin city. Territory of Oxus Temple in 2006 // Bulletin of Mixo Museum. 2009. Vol. 9. P. 59.

⁵ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Ротт Ф. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2006 г. // АРТ. 2008. Вып. XXXII. С. 58-59; Drujinina A.P., Inagaki H., Hudjageldiev T. Rott F. Excavations at Takht-i Sangin city. Territory of Oxus Temple in 2006 // Bulletin of Mixo Museum. 2009. Vol. 9. P. 65-66.

⁶ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Ротт Ф. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2006 г. // АРТ. 2008. Вып. XXXII. С. 58-59; Дружинина А.П., Инагаки Х., Худжагелдыев Т.У. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. 2010. Вып. XXXIV. С.194; Дружинина А.П., Инагаки Х., Худжагел-

некоторую ясность в определение религиозной принадлежности Храма Окса.

Подводя обзор важных и интересных находок, обнаруженных на памятнике Тахтисангиновским отрядом, хотелось бы обратить внимание на то, что по инициативе А.П. Дружининой в 2002 г. в Национальный музей древностей Таджикистана был перевезен крупный (2,7x2,8) монументальный алтарь (рис. 17.), стоявший перед башней № 1 на площади, и открытый в 1984 г. Тахтикубадским отрядом И.Р. Пичикияна¹. Алтарь сложен из больших известняковых блоков, на верхней поверхности которых выбиты греческие буквы – метки каменотесов с соблюдением последовательности букв древнегреческого алфавита (от теты до кси). И.Р. Пичикян отмечает, что это уникальная на территории СССР находка – наиболее хорошо сохранившийся и самый крупный каменный алтарь эллинистического периода не только на территории Центральной и Средней Азии, но и в греческих городах Северного Причерноморья².

Впечатляющие габариты алтаря говорят о том, какой это был тяжелый труд. Археологи разобрали алтарь по блокам и в 2003 г. Р. Курбанов и С.Габель собрали его в фойе Музея. Теперь каменный алтарь из Тахти-Сангина с выбитыми на нем буквами древнегреческого алфавита является одной из достопримечательностей Национального музея древностей Таджикистана.

Итак, мы провели краткий анализ самых значимых находок на Тахти-Сангине в период с 1998 по 2022 гг. Стоит отметить, что после возобновления археологических исследований на памятнике прошло двадцать пять лет. За это время появились многочисленные публикации, посвященные

дыев Т.У. Отчет о раскопках на городище Тахти-Санги н в 2009 -2010 гг. // АРТ. 2016. Вып. XXXVIII. С. 298.

¹ Пичикян И.Р. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ в 1984 г. // АРТ. 1993. Вып. XXIV (1984 г.). С. 256, 261, рис. 1.

² Пичикян И.Р. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ в 1984 г. С. 256.

анализу материала, собранного не только Тахтикубадским отрядом, но и материалу, собранному отрядами, работавшими на Тахти-Сангине в третий период. Публикации касались различных аспектов исследования. Предлагаем краткий обзор вышедших за последнее время публикаций по Тахти-Сангину.

Прежде всего следует отметить, что отчеты об археологических исследованиях на памятнике, проведенных Тахтисангинским отрядом Института истории археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ, таджикско-французской археологической экспедиции Института истории археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ и Французского национального центра научных исследований (CNRS)¹ опубликованы в виде статей в ежегодном научном сборнике «Археологические работы в Таджикистане»², издаваемом Институтом истории, археологии и этнографии НАНТ. В статьях описана методика раскопок, приводятся полученные результаты, даются анализ обнаруженных находок и аналогии к ним, а также их датировка. Все отчеты сопровождаются иллюстрациями. Научная ценность данных отчетов состоит в том, что в научный оборот вводится новый археологический материал из Тахти-Сангина, который становится доступным не только для отечественных, но и для зарубежных ученых. Отчеты о раскопках на Тахти-Сангине опубликованы также в ежегодном научном журнале «Bulletin of МНО Museum»³, издаваемом Музеем Михо (Сига, Япония).

В своем обзоре аспектов исследования на Тахти-Сангине хотелось бы отметить, что результаты возобновленных исследований на памятнике вызывали и продолжают вызывать интерес у ученых различных сфер научной деятельности. Так дискуссионными продолжают

---

¹Отчеты археологического отряда Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ о раскопках на Тахти-Сангине в 2020 и 2022 гг. еще не опубликованы.

² Отчеты, опубликованные в данном сборнике, использованы при анализе раскопок и находок на Тахти-Сангине.

³ Отчеты, изданные в данном журнале, также использованы при анализе раскопок и находок на памятнике.

оставаться вопросы о типологии храма Окса, его архитектурных особенностях, функциональном назначении и религиозной принадлежности. К ним обращались П. Бернар¹, П. Франкфор², Ф. Грене³, К. Рапен⁴, Р. Р. Маирс⁵, М. Шенкар⁶, И. Н. Коровчинский⁷, А. Дружинина и Г. Линдстром⁸ и др.

---

¹ Bernard P. Le sanctuaire du dieu Oxus à Takht-i Sangin au Tadjikstan, ou l'esprit de l'escalier // De Samarcande à Istanbul: étapes orientales, Hommages à Pierre Chuvin 2. Ed. V. Schiltz. Paris: CNRS Éditions, 2015. P. 53-70.

² Francfort, H.-P., Ai Khanoum "temple à niches indentées" (temple with indented niches) » and Takht-i Sangin "Oxus temple" in historical cultural perspective: a hypothesis about the cult // Parthica, 2012. Issue 14. P. 109-136; Idem. Bases de colonne campaniforme d'Asie centrale // L'Orient est son Jardin. Hommage à Rémy Boucharlat, (Acta Iranica, S. Gondet et E. Haerinck (Dir.). Leuven, Paris, Bristol, Peeters, 2018. P. 167-178.

³ Grenet F. The cult of the Oxus: reconsideration // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2-5 ноября 2004 года). Отв. ред. В. П. Никоноров. СПб.: Институт материальной культуры РАН, 2005. С. 377-378; Idem. Histoire et cultures de l'Asie centrale Le fait urbain en Asie centrale. préislamique: approche diachronique, approche synchronique, I // Cours et travaux du Collège de France. Résumés 2013-2014. Annuaire 114e année. 2015. P. 524-525.

⁴ Rapin C., Khasanov M. Les traditions architecturales de l'époque achéménide à l'époque hellénistique / C. Rapin, M. Khasanov // Asie centrale. Transferts culturels le long de la Route de la soie. M. Espagne, S. Gorshenina, F. Grenet, et S. Mustafayev (dir.) – Paris : Vendémiaire, 2016. – P. 62-95.

⁵ Mairs R.R. Ethnic Identity in the Hellenistic Far East // Dissertation submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. Cambridge, 2006. P. 91-156.

⁶ Shenkar M. Temple architecture in the Iranian world in the Hellenistic period // From Pella to Gandhara: Hybridisation and Identity in the Art and Architecture of the Hellenistic East. Ed. A. Kouremenos, S. Chandrasekaran, R. Rossi. Oxford: BAR, 2011. P. 117-139

⁷ Коровчинский И. Н. Монументальные алтари храма Окса и его культы // Вестник МГОУ. Серия "История и политические науки". 2012. № 5. С. 46-50; Он же. Типология эллинистических бактрийских храмов и культ огня // Новое прошлое / The New Past. 2017. № 4. С. 49-73.

⁸ Drujinina A., Lindström G. Kultgefäße im Oxos-Tempel – Zur Frage der Kult

Большой интерес памятник вызвал у специалистов в области эпиграфики. Как только обнаруженные надписи в литейной мастерской на площади храма (теменос) и на территории, примыкающей ко входу во двор храма (пропилеи) были опубликованы, среди ученых возникла полемика по вопросам их перевода, датировки, лексики, синтаксиса и орфографии, а также времени создания бактрийского письма¹.

Обнаруженные на Тахти-Сангине формы котлов с почитательными надписями стали объектом исследования спе-

---

Kontinuität im unruhigen. 2Jh. V Chr. // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Wissenschaftliches Kolloquium. 30.09 – 02.10.2009. Mannheim. G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach (Hrsg.). Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern. 2013. S. 171-186. (AIT. Vol. 14).

¹ Вексина М. Лингвистический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки сосуда // АРТ. 2009. Вып. XXXIII. С. 226-240; Иванчик А.И. К вопросу о языковой ситуации в эллинистической Бактрии: новые данные из Тахт-и Сангина // Древность: исторические знания и специфика источника. Вып. IV. Отв. ред. А.С. Балахванцев. М.: ИВ РАН, 2009. С.43; Он же. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. Вып. 4. 2011. С. 110-131; Лурье П.Б. Согдийские бусы на «Крыше мира» // Восток (Oriens). 2012. № 1. С. 23-28; Veksina M. Zur Datierung der neuen Weihinschrift aus dem Oxos-Tempel // ZPI. 2012. Bd. 181. S. 108-116; Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale // Corp. Incr. Iran. Part. II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I: Inscriptions in Non-Iranian Languages. Ed. by an International Committee. London: SOAS, 2012. P. 198-199; Ivantchik A. New Greek Inscriptions from Takht-i Sangin and the Question as to the Emergence of the Bactrian Written Language // Bulletin of the Miho Museum. 2011. P. 59-77; Ivantchik A.I. Neue griechische Inschriften aus Tacht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftlichkeit // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Hrsg. von G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach // AIT. 2013. Vol. 14. S. 125-142; Болелов С.Б. Заметки о бактрийской керамике (к вопросу о датировке литейной формы бронзового котла из храма Окса, Тахти-Сангин) // Российская археология. 2014. № 4. С. 64-74; Балахванцев А.С. Новая надпись из Тахти-Сангина и некоторые проблемы восточного эллинизма // Российская археология. 2014. № 4. С. 89-96; Попов А.А. Культура эллинистической Бактрии и находки надписей в конце XX – начале XXI в. // Вестник СПбГИК. 2020. № 4 (45) С. 81.

циалистов по металлическим изделиям. Так, Н. Бороффка и Цзян Цзун Мэй¹ на основе металлургического анализа формы для отливки котла, обнаруженной в 2004 г., и изучения самой формы, сопоставили ее с аналогичными металлическими изделиями из других памятников. Ученые провели также изучение вопроса взаимодействия между греко-бактрийской, скифо-сакской и китайской культурами в области бронзолитейного мастерства. Аналогичное исследование провел С.В. Демиденко².

Среди последних публикаций особо следует отметить статью А.-П. Франкфора «Sur quelques vestiges et indices nouveaux de l'hellenisme dans les arts entre la Bactriane et le Gandhāra (130 av. J.-C.-100 apr. J.-C. environ)»³, в которой ученый на основании новых исследований отмечает, что после падения Греко-Бактрийского царства эллинистическая культура продолжает оказывать существенное влияние на культурную жизнь населения Кушанского государства, и даже на северо-западе Индии. Находки из Тахти-Сангина послужили важным материалом при написании данной статьи.

Отрадно заметить, что артефакты из Тахти-Сангина являются объектом исследования отечественных ученых. Среди них стоит выделить диссертационную работу О.И. Каландаровой⁴, которая провела анализ семантики ювелирных украшений, обнаруженных на памятнике как Тахтикубадским, так и Тахтисангиновским отрядами. Кроме того, Тахти-Сангин фи-

---

¹ Бороффка Н., Мэй Ц.Ц. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение китайской, греческой и скифо-сарматской традиции металлообработки // ВДИ. 2011. № 4 (270). С. 49-76.

² Демиденко С.В. Котлы типа «Тахти-Сангин – Бармашино»: к проблеме взаимопроникновения традиций металлообработки в Центральной Азии // Российская археология. 2014. № 4. С. 75-88.

³ Н.-П. Francfort Sur quelques vestiges et indices nouveaux de l'hellenisme dans les arts entre la Bactriane et le Gandhāra (130 av. J.-C.-100 apr. J.-C. environ) // Journal des Savants 2020, 1 (janvier-juin). P. 3-114.

⁴ Каландарова О.И. Семантика ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Душанбе, 2020. С. 18-19, 142, 152, 168, 175-176, 185, 191.

гурирует в исследованиях по исторической географии древней Центральной Азии¹.

Памятник является также объектом астроархеологических исследований, согласно которым обосновывается причина возведение храма в месте впадения Вахша в Пяндж и образования Амударья².

Большой интерес у ученых продолжают вызывать находки, обнаруженные Тахтикубадским отрядом. Так, ряд

---

¹ Grenet F., Rapin C. Alexander, Aï Khanum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328 // Alexander's Legacy in the East. Studies in Honor of Paul Bernard. Eds. O. Vopearachchi, C. Alman Bromberg, F. Grenet / Bulletin of the Asia Institute, New Serie. 1998. № 12. P. 85; Idem. Nouvelle donnée sur la localisation des cinq *Yabghus* des Yuezhi. L'arrière plan politique de l'itinéraire des marchands de Maës Titianos // Journal Asiatique. 2006. №. 294. 2. P. 332-333; Rapin C. L'incompréhensible Asie centrale de la carte de Ptolémée. Propositions pour un décodage // Alexander's Legacy in the East: Studies in Honor of Paul Bernard. Éd. O. Vopearachchi, C.A. Bromberg, F. Grenet / Bulletin of the Asia Institute. 1998 (2001). Vol. 12. P. 211, 215; Rapin C. L'Afghanistan et l'Asie central dans le géographie mythique des historiens d'Alexandre et dans la toponyme des géographes gréco-romain // Afghanistan. Ancien carrefour entre l'est et l'ouest. Actes du Colloque international au Musée archéologique de Henri-Prades-Lattes du 5 au 7mai 2003. Éd. O. Vopearachchi, M.-F. Boussac, C. Landes. Turnhout: Brepols, 2005. P. 144,155; Ходжаева Н.Д. Храм Окса и локализация авестийской Вахви-Датии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2013. № 1 (53). С. 114-120; Morales F.A., Reghin S.C. Long before Aï-Khanoum: Historiographical representation of Hellenistic Bactria in Barthold Niubur's Vörtrage Über Geschichte // Herödoto, Inifesp, Guarulhos. 2019. Vol. 4 n.1. P. 122-138. Режим доступа: DOI: 10.34024/herodoto.2019.v4.10091 (Дата доступа: 14/06/2023).

² Голод А.А. Гипотеза о месте выбора возведения храма Окса // Мероси Ниёгон/Наследие предков. 2012. № 15. С. 139-159; Он же. Храм Окса на городище Тахти-Сангин – эллинистическая обсерватория // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Йола, 2010. Вып. 5. С. 81-88; Он же. Храм Окса на городище Тахти-Сангин в Южном Таджикистане. Гипотеза о выборе места возведения храма // Восток (Oriens). 213. № 5. С. 100-113; Он же. Гипотеза о выборе места возведения храма Окса (Астроархеологическое исследование храма Окса) // Bulletin of MIHO Museum. 2021. Vol. 21. P. 71-100; Ходжаева Н.Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. Душанбе: Дониш, 2017. С. 113-130.

публикаций посвящен вотивным приношениям из храма Окса¹, оружейным предметам² музыкальным инструментам³.

Нельзя не отметить также статьи о Тахти-Сангине, опубликованные в каталогах двух выставок – в Мангейме

---

¹Wood R. Cultural convergence in Bactria: The votives from the temple of the Oxus at Takht-i Sangin // *From Pella to Gandhara: Hybridisation and Identity in the Art and Architecture of the Hellenistic East*. Ed. A. Kouremenos, S. Chandrasekaran, R. Rossi. Oxford: BAR, 2011. P. 141-151; Huff D. Problems of votive offerings in Zoroastrian Iran // *AMIT*. 2011. Band 43. P. 88-111; Lindström G. Votivdeponierungen im Oxos-Tempel (Baktrien) – Tradierung griechischer Kultpraxis? // *Rituelle Deponierungen in Heiligtümern der Hellenistisch-Römischen Welt. Internationale Tagung Mainz 28-30. April 2008*. Mainz: Generaldirektion Kulturelles Erbe Direktion Landesarchäologie, 2013. S. 97-114; Idem. Der Oxos-Tempel. Räumliche Aspekte und Kultkontinuität im Spiegel der Votivepraxis // *Raum, Gabe und Erinnerung. Weihgaben und Heiligtümer in prähistorischen und antiken Gesellschaften*. S. Hunsen, D. Neumann, T. Vachta (eds.). Berlin: Edition Topoi, 2016. S. 281-310 (Berlin Studies of the Ancient World 38).

² Litvinskij B. A., Pičikjan I. R. Handles and Ceremonial Scabbards of Greek Swords from the Temple of the Oxus in Northern Bactria // *EW*. 1999. Vol. 49/1-4. P. 47-104; Коровчинский И. Н. Резьба на ножнах из Тахти-Сангина в свете сравнительной индоевропейской мифологии // *Индоевропейская история в свете новых исследований: сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова*. М., 2010. С. 312–318; Дедюлькин А.В. Детали из слоновой кости от эллинистического парадного оружия из храма Окса // *Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ)*. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д.и.н. А.М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д.и.н. И.Н. Хлопина (10-12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург) СПб.: ИИМК РАН, 2020. С. 174-176.

³ Hagel S., Lindström G., Sutkowska O. Tacht-i Sangin, Tadschikistan. Griechische Musikinstrumente (auloi) aus dem Oxos-Tempel. Die Arbeiten des Jahres 2022 // *e-Forschungsberichte des Deutschen Archäologischen Instituts*. 2023-1. § 1-18. S. 96-105. Режим доступа: <http://doi.org/10.34780/d76j-t688> (Дата доступа: 17/016/2023); Линдстром Г., Хагель Ш., Сутковска О. Греческие музыкальные инструменты (авлосы) из храма Окса на городище Тахти-Сангин // *Муаррих/Историк*. 2023. № 1(33). С. 142-151.

(Германия)¹ и Париже (Франция)², где экспонировались находки из Тахти-Сангина.

Подводя итоги результатов археологических раскопок на Тахти-Сангине Тахтисангиновского (1998-2010 гг.) отряда, таджикско-французской археологической экспедиции (2014, 2017 гг.) и археологического отряда Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ (2020, 2022 гг.), отраженные в отчетах и многочисленных научных публикациях, а также их сравнительный анализ с исследованиями Тахтикубадского отряда (1975-1991гг.), мы пришли к следующим выводам:

1. Археологические исследования на памятнике дают нам основание утверждать, что Тахти-Сангин – это город, общая площадь, которого в эллинистический период составляла около 105 га (3000м x 100-450м). На юге и севере Тахти-Сангин огражден оборонительной стеной, на западе имеет естественную границу в виде скальных хребтов, на востоке – частично укрепленная полоса древнего берега Амударьи. В структуру города входили цитадель, на которой расположен храм и административные здания, со всех сторон света цитадель окружали жилые районы (83 га) с многочисленными постройками. Кроме того, Тахти-Сангин имел некрополь и округу площадью 20 га, примыкающую к городу с севера и простиравшейся на 1000 м вдоль линии Вахша на север в сторону слияния его с рекой Пяндж;

2. Что касается периодов существования города Тахти-Сангина, то на цитадели на сегодняшний день обнаружены слои и находки пяти исторических периодов: ахеменидского, эллинистического, греко-бактрийского, раннекушанско-

---

¹ Lindström G. der Oxos-Tempel in Tacht-i Sangin // S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach (eds.) Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt: Asiens Kulturen im Wandel, Mannheim: Schnell & Steiner, 2009. P. 350-371.

² Gelin M., Drujinina A. Le site de Takht-i Sangin // Tadjikistan au pays des fleuves d'or. Paris: Musée national des arts asiatiques-Guimet, Éditions Snoeck, Gand, 2021. P. 78-106.

го, позднекушанского и кушано-сасанидского. В жилой части города зафиксированы эллинистический, греко-бактрийский и кушанский периоды.

3. Расположенный на территории Тахти-Сангина храм Окса – шедевр строительного искусства древних бактрийцев, который не имеет аналогов в Центральной Азии. Новые находки с памятника наряду с восхитительными произведениями искусства прошлых лет свидетельствуют о многогранности местных мастеров и их высоком профессионализме, которые продолжили многовековые традиции своих предшественников. Все это свидетельствует о большой значимости Тахти-Сангина в истории и культуре Центральной Азии.

К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ХРАМА ОКСА

Религиозные представления населения Бактрии

С глубокой древности центральноазиатский регион являлся одним из очагов мировой цивилизации. На его территории находились древнейшие государства Бактрия, Маргиана, Согд и Хорезм. Самым загадочным из них является Бактрия (авест. Vāxδī; бактр. βαχλο; др.-перс. Vaxtri-; др.-греч. Βακτριανή; перс. بلخ, باختر; тадж. Балх, Бохтар), сыгравшая важную роль в истории цивилизации Востока. Впервые название этого государственного образования упоминается в «Авесте»¹, священной книге зороастризма – религии древних иранцев, в том числе и предков таджиков. В первой главе «Видевдата» или так называемой «Географической поэме», Бактрия фигурирует в перечне арийских стран как «Бахди прекрасная с высоко поднятыми знаменами» («Видевдат» 1.6). О народе бахлика - bāhlika-, проживающем в одноименной области на северо-западе Индийского субконтинента, говорится в ведическом ис-

---

¹ Автор статьи использует современную транслитерацию текста «Авесты» в TITUS TEXT COLLECTION, в основу которой вошли издания Авесты К. Гельднера: Avesta die heiligen Bücher der Parsen. 3 bands. Hrsg. Von Karl F. Geldner. – Stuttgart: Kohlhammer, 1886 – 1895. Bd. I. Yasna. 239 s., Bd. II. Vispered and Horda Avesta. 277 s., Bd. III. Der Vendidad. – 139 s., Н. Вестергаарда: Zendavesta or the Religious Books of the Zoroastrians. Ed. and transl., with a dictionary, grammar by N.L. Westergaard. Copenhagen, 1852-1854. и др. Электронная версия подготовлена С. Фритц (1985-1988); исправления и дополнения Ж.Джиппер, Х. Кумамото, М.Ваан и др., а также русский и таджикский переводы: Авеста русских переводах (1861-1996). Сост., общ. ред. примеч., справочный раздел И.В. Рака. СПб.: «Журнал Нева, «Летний Сад», 1998. 480 с.; Авесто: Кухантарин сурудхо ва матнҳои эрони. Гузориш ва пажухиши Ч. Дустихон. Душанбеб 2001. 792 с.

точнике «Атхарваведа» (AV. V. 22. 5. 7. 9.)¹ датируемом 1000 г. до н.э.

Бактрия упоминается также в известном эпиграфическом памятнике – надписях Ахеменидских царей. Так, в Бехистунской (DB I. 6. 12-17)² и Персепольской (DPe 5-18)³ надписях Дария I (522-486 гг. до н.э.), а также Антидэвовской надписи Ксеркса I (486-465 гг. до н.э.) приводится список всех стран Ахеменидской державы, где отмечена и Бактрия (XPh 5.21)⁴. Бактриец изображен на барельефах дворца Ападана в Персеполе (V в. до н.э.)⁵, где запечатлены 23 делегации из разных уголков Ахеменидской империи, принесших дары царю по случаю Навруза (рис. 12.)

Античные авторы характеризуют Бактрию как «страну тысячи городов». Так, Страбон пишет, что Эвкратид I⁶ (ок. 171-145 гг. до н.э.) утверждал, что ему подвластны тысячи городов (Страбон XV. I. 3)⁷. Юстин отмечает, что Бактрия была одним из могущественнейших государств с тысячью городов (Just,

---

¹ Atharva-veda. Transl. by M. Bloomfield. Oxford: Oxford Univ. Press, 1897. 796 p. (SBE, vol. 42).

² The Bisitun Inscription of Darius the Great: Babylonian Version // Corp. Inscr. Iran. Pt I. Inscription of Ancient Iran. Vol. II: Texts I. Ed. by an International Committee. London: Percy Lund Phries, 1978 (Babylonian Text, including the Babylon fragments, Eng. transl. by E. Voigtlander).

³ Кухарчик Ю. Древнеперсидские надписи Дария I и Ксеркса из Персеполя (текст, комменарии, перевод) // Электронный научный журнал SCRIPTORIUM: история древнего мира и средних веков. № 6 (2010). Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/91500> (Дата доступа: 21.06.2023).

⁴ Herzfeld E.E. A New Inscription of Xerxes from Persepolis // SAOC. 1932. No 5. 14 p.; Основы иранского языкознания. Кн. 1: Древнеиранские языки / Коллектив авторов. М.: Наука, 1979. С. 10.

⁵ Schmidt E.F. Persepolis I: Structure. Reliefs. Inscriptions. Chicago-Illinois: The University of Chicago Press, 1953. P. 48, pl. 41.

⁶ Греко-бактрийский царь.

⁷ Страбон. География в 17-ти кн. Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1964. 943 с.

XLI. 1. 8)¹. Вполне вероятно, что одним из таких городов и был Тахти-Сангин.

Согласно последним исследованиям по исторической географии Центральной Азии в древности Окс / Амударья, на правом берегу которого расположен Тахти-Сангин, считался границей между Согдианой (на западе и севере) и Бактрии (восточнее и южнее соответственно)².

В Бактрии, как и в Маргиане, Согде, Хорезме и других историко-культурных областях древней Центральной Азии, проживали предки современных таджиков. Религиозные представления населения Бактрии формировались в течение длительного периода и включают в себя несколько пластов. Сложную картину этих религиозных представлений можно воссоздать на основе комплексного подхода, в основу которого входит сравнительный анализ письменных источников (зороастрийских, античных, мусульманских), эпиграфического, археологического и этнографического материала, включая данные топонимии и палеогеографии.

Особую роль при изучении духовной жизни населения древней Бактрии играют исследования археологических памятников, которые дают фактологический материал, свидетельствующий и об их религиозных воззрениях. Одним из таких памятников является Тахти-Сангин с расположенным на его территории храмом Окса.

---

¹ Justinus. Epitome of Pompeius Trogus' "Philippic histories" on Hellenistic history. A history of the world, with an emphasis. Электронный ресурс: www.attalus.org/info/justinus.html

² Rapin C. L'Afghanistan et l'Asie central dans le géographie mythique des historiens d'Alexandreeet dan la toponyme des géographes gréco-romain // Afghanistan. Ancien carrefour entre l'est et l'ouest. Actes du Colloque international au Musée archéologique de Henri-Prades-Lattes du 5 au 7mai 2003. Eds. O. Boppearachchi, M.-F. Boussac, C. Landes. Turnhout: Brepols, 2005. P. 146; Idem. On the Way to Roxane. The Route of Alexander the Great in Bactria and Sogdiana (328-327 BC) // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum Antiken Zentralasien. Hrsg. von G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach // AIT. 2013. Vol. 14. S. 49-51.

О религиозной принадлежности храма Окса, был ли он зороастрийским или эллинистическим и был ли посвящен боже-
ству Окса до сих пор спорят ученые¹. Предлагаем свое видение

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000. С. 303-366; Drège J.-P, Grenet F. Un Temple de l'Oxus près de Takht-i Sangin, d'après un témoignage chinois du VIIIe s. / J.-P. Drège, F. Grenet // *Studia Iranica*. 1987. – Т. 16/1. – P. 117-121; Bernard P. L'Asie Centrale et L'Empire Séleucide // *Topoi. Orient-Occident*. Lyon: Maison de la Méditerranée, 1992. 4/2. P. 81-102; 1994. 4/2. P. 473-511; Idem. La temple du dieu Oxus a Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas? // *Studia Iranica*, 1994. Т. 23. P. 81-121; Idem. Le sanctuaire du dieu Oxus à Takht-i Sangin au Tadjikistan, ou l'esprit de l'escalier / P. Bernard // *De Samarcande à Istanbul: étapes orientales, Hommages à Pierre Chuvin* 2. Ed. V. Schiltz. – Paris: CNRS Éditions, 2015. – P. 53-70; Shervin-White S., Kuhrt A. From Samarkand to Sardis // *A New Approach to the Seleucid Empire*. Berkeley: University of California Press, 1993. 261 p.; Briant P. The Seleucid Kingdom, the Achaemenid Empire and the History of the Near East in the First Millennium B.C. // *Religion and Religious Practice in the Seleucid Kingdom*. Aarhus: Aarhus University Press, 1990. P. 40-65; Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. III. Leiden – New York-Kobenhavn-Köln, 1991. P. 173-181; Koch H. Feuerempel oder Verwaltungszentrale? Überlegung zu den Grabungen in Takht-e Sangin am Oxus // *AMI*. Bd. 1993. S. 175-186; Grenet F. Un temple de l'Oxus près de Takht-i Sangin, d'après un témoignage chinois du VIIIe siècle // *Studia Iranica*. 1987. Tome 16, fasc. 1. P. 117-121; Idem. The cult of the Oxus: reconsideration // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2-5 ноября 2004 года). Отв. ред. В.П.Никонов. СПб., 2005. С. 377-378; Francfort H.-P. Ai Khanoum “temple with indented niches” and Takht-i Sangin “Oxus temple” in historical cultural perspective: a hypothesis about the cults // *Parthica*. 2012. Issue 14. P. 109-136; Коровчинский И.Н. Монументальные алтари храма Окса и его культы // *Вестник МГОУ. Серия “История и политические науки”*. 2012. № 5. С. 46-50; Shenkar M. Intangible Spirits and Graven Images: The Iconography Deities in Pre-Islamic Iranian World. Leiden-Boston: Brill, 2014. P. 128-131 (*Magical and Religious Literature of Late Antiquity*. Vol. 4); Lindström G. Der Oxos-Tempel. Räumliche Aspekte und Kultkontinuität im Spiegel der Votivepraxis / G. Lindström // *Raum, Gabe und Erinnerung. Weihgaben und Heiligtümer in prähistorischen und antiken Gesellschaften*. S. Hunsen, D. Neumann, T. Vachta (eds.). Berlin, 2016. S. 288-291; *Ibid*. Southern Tajikistan // *The Graeco-Bactrian and*

решения вопроса о религиозной принадлежности храма Окса и вновь обратимся к «Авесте», одному из древнейших в мире литературных памятников. Авеста – многослойный источник, который формировался в разные исторические периоды. Устное сложение этого литературного памятника относится ко второй половине II тыс. до н.э.¹, а место сложения – Восточный Иран², куда в древности входили территории постсоветских центральноазиатских республик и Афганистана.

Являясь важнейшим историческим источником по изучению древнейшей истории и культуры, традиций и быта иранских народов, социальных, политических и правовых институтов общества древних иранцев, а также исторической географии Центральной Азии, «Авеста» представляет собой уникальный документ, который можно использовать как ключ при решении многих вопросов древнейшей истории иранских народов, в том числе и их этногенеза. Этот древнейший памятник позволяет, прежде всего, воссоздать религиозную картину Центральной Азии в древности, в том числе и в Бактрии.

Indo-Greek World. London and New-York, 2021. P. 290-294; Дружинина А., Ходжаева Н.Д. Синтез культур местного и пришлого населения в период античности и эллинизма // Этногенез и этническая история таджикского народа. В 2-х томах. Том 1. Душанбе, 2021. С. 600-628 и др.

¹ Skjærvø P.O. The Avesta as source for the early history of the Iranians // The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity. Ed. by G. Erdosy. Berlin-New-York: Walter de Gruyter, 1995. P. 166; Он же. The Achaemenids and the Avesta // Birth of the Persian Empire. Vol. I. Ed. by V.S. Curtis, S. Stewart. London, New-York: I.B. Tauris in association with The London Middle East Institute a SOAS and the British Museum, 2005. P. 80; Boyce M. Zoroastrianism, its Antiquity and Constant vigour // Columbia Lectures on Iranian Studies. № 7. Costa Mesa, New-York, Mazda Publishers and Bibliotheca Persica, 1992. P. 44-45; Kellens J. Avesta // Encyclopedia Iranica. London-New-York: Routledge and Kegan Paul, 1989. Vol. III, 1. P. 35; Idem. Considerations sur l'histoire de l'Avesta // JA, 1998. № 286. P. 451-519.

² О месте сложения «Авесты» см. подробнее: Kellens J. Avesta // Encyclopedia Iranica. London-New-York: Routledge and Kegan Paul, 1989. Vol. III, 1. P. 35-36; Skjærvø P.O. The Avesta as source for the early history of the Iranians. Berlin-New-York, 1995. P. 161-166.

Итак, Тахти-Сангин – один из городов древней Бактрии, о котором говорится в «Авесте». Там же неоднократно упоминается река Вахви-Датия – *vaṅhūiā dāitiāiā-*, *vaṅhuuī dāitī-*, *vaṅhūimdāt* («Ясна» 49.7; «Видевдат» 2.2; 2.20-21, 19.2; «Яшт» 1.21; 5.17, 104, 112; 8.2; 9.29; 17.45, 49, 61), с которой связано много исторических событий, описываемых в источнике. По отождествлению этой авестийской реки существуют различные точки зрения¹, которые в основном базировались на письменных источниках, а археологический материал практически не использовался. Мы же для решения этого вопроса привлекли археологический материал с различных памятников, расположенных на территории Центральной Азии, который является фактологическим доказательством основных духовных убеждений бактрийцев, согдийцев, хорезмийцев и других арийских племен. Впервые мы проследили связь археологического материала из Тахти-Сангина с сообщениями из «Авесты», отождествив Вахви-Датию с Амударьей². С тех пор прошло много лет и появление новых материалов побуждает нас вновь вернуться к вопросу о религиозной принадлежности храма Окса в контексте не только отождествления авестийской Вахви-Датии с Амударьей, но и с «Авестой» в целом.

Следует отметить, что религиозная картина населения Центральной Азии менялась во временных рамках. Так, религиозные верования обитателей региона в эпоху начальной бронзы, предшествовавшей периоду, связанному с именем Зо-

---

¹ О точках зрения на отождествление Вахви-Датии см.: Ходжаева Н. Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. Душанбе, 2017. С. 106-108.

² Ходжаева Н. Историческая география Центральной Азии по данным «Авесты» и пехлевийских источников: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Душанбе, 2000. С. 52-54, 65-71; Она же. Локализация авестийских гор Хара Берзайти, рек Вахви-Датия, Ранха и моря Ворукаша. Душанбе: Дониш, 2003. С. 70-79; Она же. Храм Окса и локализация авестийской Вахви-Датии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 1 (53). С. 114-120; Она же. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. С. 108-134.

роафра, представляла собой политеизм, выросший из поклонения силам природы. Существовало множество поверий, согласно которым люди поклонялись воде, огню, земле и деревьям и т. д. Постепенно поклонение силам природы переросло сначала в поклонение культам, а затем божествам.

Древние иранцы считали, что существуют три мировые стихии: вода, огонь и земля¹, которые со временем становятся культами с посвятельным им циклом обрядов и ритуалов. Самым почитаемым культом у наших предков был культ воды. Это объясняется тем, что животворная стихия воды была священна сама по себе. Особую святость она имела еще и потому, что Центральная Азия – район орошаемого земледелия. Местное население обожествляло реки, озера, ручьи и вообще все источники и водоемы. Уже к середине I тыс. до н. э. все они стали олицетворяться в образе богинь, что отражено в «Авесте». Так, среди божеств, покровительствующих вселенским водам в религии древних иранцев, главная роль отводилась Ардвисуре Анахите – Arəduuī-sūrā Anāhītā, которая в индоиранскую эпоху почиталась как водное божество, связанное с плодородием, и олицетворяла мировые воды².

Первые сообщения о ее культуре засвидетельствованы в Мидии при правлении царя Фравартиша (675-653 гг. до н.э.). В ахеменидских надписях Ардвисура Анахита впервые упоминается при Артаксерксе II, в чье правление (404-359 гг. до н.э.) расцвел культ этой богини при Ахеменидах. В «Авесте» Ардвисуре посвящен пятый яшт («Ардвисур-яшт»), который имеет второе название «Абан-яшт», что означает «Гимн водам». По мнению М. Бойс, это один из древнейших яштов³. По зоро-

---

¹ Мифы Древнего и Средневекового Ирана. СПб.-Москва: «Журнал “Нева”» - «Летний Сад», 1998

² Lommel H. Anahita-Sarasvati // Asiatica. Leipzig: Festschrift F. Weller. Lpz., 1954. P. 405-413; Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. I. P. 41, 52, 71-74, 100-102, 107, 151-152, 170, 173, 176, 267; Herzfeld E. Zoroaster and His World. Princeton: Princeton University Press, 1947. Vol. II. P. 516-542.

³ Boyce M. Там же, p. 72.

астрийским канонам, вода рассматривается как третий элемент мироздания. Именно поэтому реки почитались древними иранцами в качестве божеств, о чем сообщают и античные авторы (Геродот, VII. 113-114; Страбон, XV.3.13-14, 3-16). Следует отметить, что в различных частях «Авесты» («Ясна» 65.1, 4; «Видевдат» 2.22; 7.16; «Висперат» 1.5; «Яшт» 1.21; 5.1, 4-5, 7, 9, 96, 101-102, 121) упоминается одноименная Ардвисуре Анахите мифическая река – Ардвиги - arəduuī (ср.-перс. Анахид, фарси Нахид), которая ассоциируется у древних иранцев со всеми реками иранского мира¹.

«Ардвисур-яшт» состоит из трех частей. В первой содержится призыв к самой богине., во второй повествуется о том, какие древнеиранские боги и герои молились и приносили жертвы Ардвисуре Анахите. В третьей части приводятся просьбы тех, кто обращается к этой богине с молитвой и совершает жертву.

В «Авесте» Ардвисура Анахита, сохраняя черты водного божества, приобретает также функции богини-покровительницы иранских героев и царей – Парадата (среднеперс. и фарси Пишдадида) и Кавиев (среднеперс. и фарси Кейи, Кейаниды). Известно, что первоначальное ядро «Авесты» было создано в эпоху Заратуштры и Виштаспа, а основные исторические события, связанные с ними, происходили у берегов Вахви-Датии («Яшт» 5.104, 8.2; 17.45, 49, 61). К реальным событиям, зафиксированным в «Авесте», относится противостояние иранцев/арийцев – оседлых земледельцев с турами и другими кочевническо-скотоводческими племенами. И те, и другие – предки современных таджиков². Следует отметить, что все они обращались к одним и тем же богам с просьбами о

---

¹ Об отождествлении авестийской реки Ардвиги см.: Ходжаева Н.Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. Душанбе, 2017. С. 123-125.

² Ходжаева Н.Д. Отражение древних этнических процессов в «Авесте» // Этногенез и этническая история таджикского народа. В 2-х томах. Т. 1. Душанбе: Дониш, 2021. С.153.

победе, принося им жертвоприношения. Так, в «Ардвисур-яште» описывается обряд жертвоприношений богине Ардвисуре Анахите Заривари, братом Виштаспы, воевавшим с Арэджатаспой – вождем туранского племени хьона (хиониты) у берегов реки Вахви-Датия:

«И приносил ей в жертву
Наездник Заривари
Пред Датии водою
Сто жеребцов, и тысячу
Коров, и мириад овец».

(«Яшт» 5.112)

В данном случае необходимо искать подтверждение сказанного в источнике в археологическом материале. Проследим трансформацию жертвенных приношений животных на примере археологических памятников эпохи бронзы, расположенных на территории бывшей Бактрии и как они связаны с Тахти-Сангином.

Заметим, что многослойный памятник «Авеста» создавался в течение долгого времени. Так, разница во времени написания старейших частей «Авесты» – «Гат» (между XI и VI вв. до н.э.) и более поздней – «Младшей Авесты» (Яшты) (между VIII в. до н.э. и III в. н.э.)¹, составляет несколько столетий. Особо следует подчеркнуть, что «Авеста» отразила устную традицию древних иранцев, которая также насчитывает несколько столетий, а может быть и тысячелетий.

Зачатки обряда жертвоприношений, описываемых в «Ардвисур-яште», можно проследить уже в эпоху бронзы в памятниках культуры Сапалли (поселения Сапаллитепы, Джаркутан и Бустан, середина II – I тыс. до н.э.), которая широко распространена на правобережной части Амударьи – Северная Бактрия (ныне Сурхандарьинская область Республики Узбеки-

---

¹ Humbach H., Skjærvø P.O. The Gāthās of Zarathushtra and Other Old Avestan Texts. P.I: Introduction, Text and Translation. Heidelberg: Carlwinter-Universitätsverlag, 1991. P. 162 (Indian philology and South Asian Studies. Vol. I).

стан), и городище Дашлы I (середина II тыс. до н.э.) на севере Афганистана, Дашлынского оазиса (левобережная часть Амударьи – Южная Бактрия).

В погребениях культуры Сапалли (поселения Сапалли-тепа, Джаркутан и Бустан) широко распространены кенотафные захоронения костей животных, особенно баранов¹. Установлено, что большинство костей принадлежит овцам, на втором месте – коровы. Причем более 50% останков принадлежит молочным ягнятам, убитым сразу после их рождения², что свидетельствует о целенаправленности жертвоприношений. Заметим, что в «Авесте» говорится не только о «мириаде овец» и «тысяче коров», но и о «сотне жеребцов». Обратим внимание на тот факт, что в могильнике Бустан обнаружены кости ноги лошади и глиняная фигурка коня³, что также свидетельствует о ритуальности захоронения.

На городище Дашлы I обнаружены ритуальные захоронения костей баранов в двух могилах, расположенных на расстоянии трех метров друг от друга⁴. А. Аскарров считает, что кости животных в кенотафах олицетворяют богатство общины по мужской линии⁵. Но можно предположить, что некоторые захоронения костей животных носят ритуальный характер.

Мы видим, что порядковый и количественный состав костей жертвенных животных описываемых нами памятников

---

¹ Аскарров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. С. 42, 46, 53, 57-58, 119-120, 141-144, 152; Аскарров А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент: Фан, 1983. С. 13-14, 47-49.

² Аскарров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977. С. 119-120.

³ Avanesova N.A. Buston VI, une nécropole de l'âge du Bronze dans l'ancienne Bactriane (Ouzbékistan méridional) témoignage des culte de fue // Arts asiatiques. 1995. Tome 50. P. 39, fig. 10.

⁴ Сариниди В.И. Исследование памятников Дашлынского оазиса // Древняя Бактрия (Материалы советско-афганской экспедиции. 1969-1973 гг.). М.: Наука, 1976. С. 30-31, рис. 164, 191.

⁵ Аскарров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. С. 144.

соответствует стихам из «Авесты»: «...Сто жеребцов, и тысячу коров, и мириад овец». Если предположить, что захоронения костей животных действительно носят ритуальный характер, то они имеют отношение к описываемым жертвоприношениям из «Авесты». Следует отметить, что «Ардвисур-яшт», в котором в основном повествуется о жертвоприношениях, датируется от VI-IV вв. до н. э. до II в. н. э.¹, то есть по времени сложения его составление совпадает со временем функционирования Тахти-Сангина (V-IV вв. до н. э. до IV вв. н. э.).

В античных источниках также имеются сведения о жертвоприношениях животными, которые совершали персы, т. е. древние иранцы. Геродот пишет: «... они (персы) совершают жертвоприношения солнцу, луне, огню, воде и ветрам (Геродот, I. 131)²... Если кто-нибудь пожелает принести жертву богам, то приводит жертвенное животное в «неоскверненное» место... (Геродот I. 132). Возможно, этим «неоскверненным» местом и являлась территория Тахти-Сангина, где впоследствии был воздвигнут храм Окса. Для нас еще интереснее сообщение Страбона: «... жертвы они (персы) приносят преимущественно огню и воде. Совершают они жертвы в очищенном по обряду месте после молитв, приведя жертвенное животное, обвитое венком» (Страбон, XV. 314)³. Не исключено, что до того, как был построен храм Окса, местное население совершало здесь обряды жертвоприношения, посвященные не только богине Ардвисуре, но и огню и воде.

Выше мы говорили о жертвоприношениях, обнаруженных на памятниках эпохи бронзы. Подобный материал совсем недавно преподнес нам Тахти-Сангин. Храм Окса, расположен-

---

¹ Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 193; Kellens Avesta // Encyclopedia Iranica. Ed. By. E. Yarsharter. London: Routledge and Kegan Paul, 1988. Vol. III. Fasc. 1. P. 35.

² Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. С. 11-12.

³ Страбон. География в 17-ти кн. Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1964. 943 с.

ный на территории городища – наглядный пример культового памятника с алтарем огня и со специальными культовыми ямами-ботросами для сбора костей жертвенных животных¹. Помимо ботросов, кости жертвенных животных находились во многих частях храма. Так, большое количество костей животных обнаружено в южной части храма. Среди них находилось несколько десятков посвященных предметов (наконечники стрел)².

Раскопки на площади Храма Окса последних лет дали новый материал, который подтверждает культовый характер обнаруженных там костей животных³. В слоях 1-21 раскопа № 17 было найдено 12906 фрагментов костей животных⁴. Причем их состав и количество на различных уровнях меняются. Их преобладание отмечается в самых нижних слоях. Для археоло-

---

¹ Пичикян И.Р. Культовый комплекс на Каменном городище // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Ташкент: Фан, 1979. С. 89; Он же. Возобновление работ на Каменном городище // АРТ. 1982. Вып. XVI. (1976 г.). С. 81; Он же. Раскопки Каменного городища в 1977 г. // АРТ. 1983. Вып. XVII (1977 г.). С. 104; Он же. Открытие культового комплекса на Каменном городище в 1978 г. // АРТ. 1984. Вып. XVIII (1978 г.) С. 109.

² Пичикян И.Р., Войтов В.И., Дубровин А.Ф., Арабов С.Ф., Колпаков А.А. Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище // АО 1976 года. 1977. С. 571; Пичикян И.Р., Дубровин И.Р., Сарабянов В.Д. Открытие ботроса на Каменном городище // АО 1977 года. 1978. С. 560-561; Пичикян И.Р. Возобновление работ на Каменном городище // АРТ. 1982. Вып. XVI. С. 79; Литвинский Б.А., Пичикян И. Р. Тахти-Сангин – Каменное городище (раскопки 1976-1978 гг.) // Культура и искусство Древнего Хорезма М., 1981. С. 206-210.

³ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Ротт Ф. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2006 г. // АРТ. 2008. Вып. XXXII (2006 г.). С. 50-76; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах храма № 17 и № 18 // АРТ. 2009. Вып. XXXIII (2007 г.). С. 107-136; Дружинина А., Инагаки Х., Худжагелдыев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин // АРТ. 2010. Вып. XXXIV (2008 г.) С. 191-216.

⁴ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Ротт Ф. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2006 г. С.59.

гов неожиданностью стало обнаружение в слоях 19-20¹ совершенно нового комплекса костей лошадей, а также большого количества жертвенных костей животных в раскопе № 18, особенно нижней челюсти лошади², что указывает на культовый характер этих костей.

До настоящего времени в Центральной Азии были известны ритуальные погребения только овец (баранов) и коров³. Что касается лошади, то отмечаются лишь единичные случаи⁴. Присутствие большого количества костей в нижних слоях, чем в верхних, говорит об эллинизации местного населения после

---

¹ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Ротт Ф. Там же, с.59.

² Дружинина А.П., Инагаки Х., Худжагелдыев Т.У. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин // АРТ. 2010. Вып. XXXIV (2008 г.). С. 192, 195, 197.

³ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26. С. 300-302; Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Изд-во Восточная литература, 1962. С. 83; Вишневецкая О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. По материалам Уйгарака // ТХАЭЭ. 1973. Т. 8. С. 18, 32, 44; Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. С.42, 46, 53, 57-58, 119-120, 141-144, 152; Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент, 1983. С. 13-14, 47-48; Сарияниди В.И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. М., 1976. С. 30-31, рис.164, 191; Левина Л.М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-асар, Кос-асар Томпак-асар // Низовье Сыр-Дарьи в древности. Вып. 3. Джетыасарская культура. Ч.2. М., 1993. С. 55, 78, 81, 85-86, рис. 72; Она же. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.: Изд-ая фирма "Восточная литература" РАН, 1996. С. 62; Грушанская Ж.Я. Археологические памятники ранних кочевников на Памире. С 13; Бубнова М.А. Культ овец и цветовая символика в верованиях древних памирцев. (по археологическим источникам) / М.А. Бубнова // Изучение древнего Ирана и Авесты. – Париж, 1997. – Т. 2. – С. 611-621: Второй междунар. Конгр. Индоиранской цивилизации (на фарси).

⁴ Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». С. 27; Левина Л.М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-асар, Кос-асар Томпак-асар // Низовье Сыр-Дарьи в древности. Вып. 3. Джетыасарская культура. Ч.2. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1993. С. 55, 78; Яблонский. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996. С. 18-19.

прихода в Бактрию греков. В связи с этим, можно предположить, что наличие костей жертвенных животных, а также сообщения античных авторов подтверждают сведения «Авесты» о совершении жертвоприношений наездником Заривари «пред Датию водою» («Яшт» 5. 112), то есть в месте расположения храмового комплекса.

Предлагаем посмотреть, как культы огня, воды, Ардвисуры Анахиты и Апам-Напата связаны с Тахти-Сангином. Выше мы отмечали, у древних иранцев, обитавших на территории Центральной Азии, вода считалась священной, так как являлась источником жизни. В зороастризме покровительницей всех вод являлась Ардвисура Анахита, богиня плодородия. Основное значение воды древние иранские племена видели в культе плодородия, о чем справедливо отмечает Н. Рахимов¹. Авестийская богиня Ардвисура Анахита является богиней всех священных вод. Кроме того, Ардвисура Анахита – это богиня плодородия, растящая жито, кормящая стадо, множащая богатство и дающая процветание всем странам («Яшт» 5. 1). В «Авесте» это единственное подробно описанное антропоморфное божество:

“Явилась Ардвисура
Прекрасной юной девой
Могучею и стройной,
Высокой и прямой,
Блестящей, родовитой,
Вкруг голеней обвитой
Тесьмою золотой” (“Яшт” 5. 64)

В других пассажах “Ардвисур-яшта” отмечено, что Ардвисура “высокая и красивая” (“Яшт” 5.15), “с прекрасными белыми руками в просторных рукавах” (“Яшт” 5.7),

---

¹ Рахимов Н. Культ воды у древнеиранских племен Средней Азии // Ученые записки Худжандского государственного университета. Номаи Донишгоъ / Ученые записки Худжандского государственного университета. 2009. «№ 2 (17) С. 67.

“блестящая, благородная, в наряде с рукавами, расшитом золотом” (“Яшт” 5. 126), “неся барсмана прутья, златой четырехгранной красуется серьгой, надето ожерелье у родовитой Ардви, а талию стянула она, чтоб грудь казалась высокой и тугой” (“Яшт” 5.127), “надела диадему благая Адвисура стозвездную, златую, подобьем колеснице и из восьми частей, украшенную лентами с красивым ободком” (“Яшт” 5.128), “бобровую накидку надела Ардвисура из шкур трехсот бобрих, четырежды родивших, так сделанную, чтобы смотрящему казалось она покрытой золотом и полной серебром” (“Яшт” 5.129), и “в обуви, богато расшитой, золотой” (“Яшт” 5. 78). Ардвисура Анахита, как и бог Митра, путешествует по небу на колеснице, запряженной четырьмя белыми жеребцами (“Яшт” 5.11-13). Описание образа Ардвисуры Анахиты до мельчайших подробностей наводит М. Дрездена на мысль, что у автора стояла перед глазами статуя богини или же он ее себе мысленно представлял¹.

Культ богини Ардвисуры Анахиты нашел отражение не только в древнеиранской мифологии, но и в антропоморфных изображениях. Заметим, что статуэтки богини Ардвисуры Анахиты, изображаемой стройной красавицей с пышной грудью и со множеством украшений, археологи находят на различных памятниках Центральной Азии. Одно из таких изображений было обнаружено на Тахти-Сангине. Так, в 1979 г. в культовом закладе № 4 в северной части западного коридора № 2 обнаружили находки, ценные не только своей уникальностью, но и высокохудожественным исполнением. Среди них были votивный каменный алтарь с статуэткой Силена Марсия с посвянительной надписью, серебряная статуэтка, ножны акинака из слоновой кости, фрагмент руки статуи². Обратим внимание на серебряную статуэтку (рис.

---

¹ Дрезден М. Мифология Древнего Ирана // Мифология Древнего мира. Под ред. В.А. Якобсона. М.: ГРВЛ, 1977. С. 355.

² Пичикийан И.Р. Культовый комплекс на Каменном городище (обоснование,

23б.)¹, размеры которой невелики. Высота от верхнего края прически до сохранившейся части торса составляет 7,6 см. Ширина от локтя согнутой правой руки до левой руки равна 4,6 см, а толщина в наиболее широкой части – 16 мм.

Статуэтка сохранилась не полностью. Лицо протомы округлое, глаза миндалевидной формы, широко расставлены. Нос прямой, рот небольшой. Подбородок массивный, закругленный. Уши скрыты прической. Волосы валиком обрамляют голову и уложены в крупные локоны, открывающие выпуклый лоб. Богиня одета в хитон и гиматий, закрепленный пряжкой на левом плече. Одежда спокойными складками облегает пышную грудь, правая рука согнута в локте, ладонь лежит под грудью, сжимая какой-то предмет. С.А. Узянов полагает, что это плод граната². На оборотной стороне видны серебряные гвоздики, необходимые для крепления статуэтки. Головку крепило два гвоздика с правой и левой стороны, а правую руку – четыре, на левой сохранился только один³. О культовом характере статуэтке свидетельствуют находки, лежащие рядом с ней в культовом закладе № 4.

С.А. Узянов, привлекая письменные источники, провел сравнительный анализ статуэтки из Тахти-Сангина с изображениями богини Ардвисуры Анахиты других археологических памятников Центральной Азии, а также с

характеристика) // Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Тезисы докладов. Ташкент: Фан, 1979. С. 88-90; // Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Тахти-Сангин – Каменное городище АРТ. 1986. Вып. XIX (1979). С. 117-124.

¹ Узянов С.А. О серебряной статуэтке, найденной на Тахти-Сангине // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. Сб-ик. статей. Отв. ред. Б.Б.Пиотровский, Г.М. Бонгард-Левин. М.: Наука, ГРВЛ, 1987. С. 291, с. 366, рис. 1-2.

² Узянов С.А. О серебряной статуэтке, найденной на Тахти-Сангине // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. Сб-ик. статей. Отв. ред. Б.Б.Пиотровский, Г.М. Бонгард-Левин. М., 1987. С. 291.

³ Описание статуэтки см.: Узянов С.А. О серебряной статуэтке, найденной на Тахти-Сангине. С. 291.

изображениями Афродиты и Деметры. Ученый приходит к выводу, что статуэтка из Тахти-Сангина датируется не позднее II в. до н.э. и является богиней плодородия¹.

Обратим внимание на приведенное выше описание образа Ардвисуры Анахиты в “Авесте”, где говорится, что она “блестящая” (“Яшт” 5. 126), “...чтобы смотрящему казалось она покрытой золотом и полной серебром” (“Яшт” 5.129). Статуэтка из Тахти-Сангина сделана из серебра, что соответствует описанию из источника.

На наш взгляд, на рельефной овальной серебряной пластине (рис. 23а)² с позолотой с выполненным с оборота высоко рельефным изображением крылатой обнаженной женской фигурой также изображена богиня Арвисура Анахита. Пластина датируется IV-III вв. до н.э.

Верхняя часть фигуры показана в фас, ноги – в профиль. Голова крупная, лицо широкое и невысокое, с низким лбом. Надбровные дуги в виде крутых дуг сходятся на переносице, переходя в прямую спинку носа. Глаза крупные, посаженные в миндалевидные глазницы, расположенные под небольшим углом друг к другу. Внутри глазниц – выпуклые ромбовидные зрачки. Рот небольшой, щеки имеют небольшую припухлость. Подбородок широкий, массивный. Голова увенчана прической, состоящей из густо расположенных гладких прядей.

Шея широкая и низкая. Правое плечо поднято выше. Положение рук одинаковое – они отведены в стороны, их согнутые в локтях нижние части подняты вверх и сжаты в кулаки. При этом левая рука несколько крупнее и ее кулак поднят выше. Собственно корпус с тонкой талией, пупком моделирован правильно. Ступни полуопущены и направлены вправо. Ноги как бы висят. Набедренная часть левой ноги

---

¹ Узьянов С.А. О серебряной статуэтке, найденной на Тахти-Сангине. С. 294.

² Зеймаль Е.В., Зеймаль Т.И., Литвинский Б.А., Маршак Б.И., Негматов Н.Н. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Отв. ред. Е.В. Зеймаль. Душанбе: Душанбе, 1985. С. 94, № 218.

начинается выше и кажется более массивной. Детально проработаны пальцы ног.

Из-за плеч выступают направленные вверх и в сторону крылья, выполненные в менее высоком рельефе. Нижняя часть их в виде прямой полоски, верхняя – серповидная. На поверхности выгравированы продольные линии и налегающие друг на друга листовидные перья с зубчатым краем. Левое крыло несколько крупнее и выше правого. На обратной стороне – глубокие желобки, получившиеся при чекане. Детали и полировка производились с лицевой стороны¹. Описание крылатой богини соответствует образу Ардвисуры Анахиты в “Авесте”. Наличие крыльев, как у греческой богини Ники, свидетельствует о влиянии эллинистической культуры на местную бактрийскую.

Следует отметить, что Е.Е.Кузьмина убедительно доказывает, что изображения Анахиты имеются и на отдельных предметах V-IV до н.э. из состава Амударьинского клада – на двух перстнях и двух пластинах. Так, на щитках двух золотых перстней² она представлена в образе царицы, сидящей на стуле с резным орнаментом. На одном изображении у нее длинное платье с широкими и частыми поперечными складками. На голову надета корона с высокими зубцами, из-под которой на спину спускается толстая коса. Правой рукой она подносит к носу цветок, а в левой руке держит венок. Корона и цветок в правой руке присутствуют и в изображении царицы на щитке второго перстня. Однако теперь длинное платье образует продольные складки, а на правой руке сидит птица, очевидно

---

¹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Вост. лит., 2010. С. 179.

² См.: Dalton O.M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work. Third edition. London, 1964. P. 26-28, Nos 103-104, pl., XVI, fig. 52-53; Е.В. Зеймаль Амударьинский клад: каталог выставки. Л., 1979. С. 60, № 103-104.

голубь. Корона на голове такая же, запястья рук украшают браслеты¹.

Важно подчеркнуть, что культ покровительницы Анахиты широко распространен у таджиков – прямых потомков арийских племен. Обряды, связанные с культом воды и богини практиковались даже в 1950-е годы, о чем свидетельствует этнографический материал. Так, в Южном Таджикистане обряд вызывания дождя во время празднования Тиргона называется «ашаглон». Чтобы вызвать дождь, делали куклу – ашаглон, обливали ее водой, затем шли на берег источника, устраивали коллективный пир и обливали водой друг друга. Роль «ашаглон» – «водяной» женщины- выполняла женщина, которая должна была совершить обряд вызова дождя. Ее одевали в поношенную одежду, иногда сажали на осла. «Водяная» женщина в окружении свиты из числа молодых женщин и детей, ходила по домам, прося зерно или муку. Хозяева каждого дома давали им милостыню и обливали водой волосы Ашаглон и отправляли в соседний дом. В обоих случаях звучали различные песни, исполнялись танцы². Вполне вероятно, что «ашаглон» в виде куклы и женщины – это образ Ардвисуры Анахиты, сохранившийся в обрядовой практике таджиков Южного Таджикистана.

Таким образом, серебряная статуэтка из Тахти-Сангина, изображение Ардвисуры Анахиты на кольцах и пластинах из Амударьинского клада, а также кости жертвенных животных, обнаруженных на памятнике и, о которых будет сказано позже, указывают на связь храма Окса с культом Ардвисуры Анахиты.

Обратимся вновь к «Авесте», где Солнцу посвящены два «Яшта»: «Михр-яшт» («Яшт» 10) и «Хуршед-яшт» («Яшт» 6). Старейшие части первого восходят к середине I тыс. до н.э., а

---

¹Кузьмина Е. Е. О двух перстнях Амударьинского клада с изображением царик // Советская археология. М., 1979. № 1. С. 35-46.

² Богомолов К.А. Следы древнего культа воды у таджиков // Изв. АН ТаджССР. Отд. общ. наук. 1952. Вып. II. С. 117-118; Рахимов М.Р. Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Каратегина и Дарваза // 1956. № 10-11. С. 78-79.

то и к более древним временам, так как Митра – это божество арийского пантеона, почитавшийся ариями за две тысячи лет до нашей эры. Первоначально Митра был богом договора, а позднее он стал почитаться как солнечное божество, сопровождающее Солнце в его небесном полете. А у некоторых иранских народов почитание Митры вообще ассоциировалось с культом Солнца и слово «Михр» стало означать просто «Солнце»¹. «Хуршед-яшт» («Яшт» 6) составлен в более поздний период, скорее всего, в первые века нашей эры. Этот «Яшт» написан на ныне мертвом языке жрецами, которые посчитали необходимым иметь специальный гимн, посвященный Солнцу. В обоих гимнах Солнце сопровождается «быстрыми конями» («Яшт» 6. 1, Б 6, 7; 10. 13, 47, 52, 76, 102). Очевидно, что сообщение Страбона: «Богом они почитают только одно солнце и приносят ему в жертву лошадей» (Страбон, XI, 8, 6), подтверждают сведения из «Авесты».

Заметим, что в «Авесте» все жертвоприношения были принесены именно богине плодородия Ардвисуре, «растящей жито», «кормящей стадо» и «множащей богатство». Там же говорится:

«Мы молимся Солнцу
Бессмертному Свету,
Чьи кони быстры...»

(«Яшт» 6.1)

«Не всходит же Солнце,
И дэвы все губят,
Что есть на земле...»

(«Яшт» 6.3)

Из приведенных отрывков мы видим, что у древних иранцев Солнце было почитаемо так же, как и Ардвисура, и без Солнца нет жизни всему живому, то есть оно тоже имеет отношение к

---

¹ Стеблин-Каменский И. М. Памирские языки о мифологии древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М.: Наука, 1981. С. 239; Он же. Этимологический словарь ваханского языка. С. 426.

плодородию. А это значит, как отмечал С.П. Толстов, что корни всех жертвоприношений животными лежат в магии плодородия¹. Естественно, что жертвенное животное само должно быть причастно солярному культу. Приведенные выше слова из «Авесты» «Мы молимся Солнцу, чьи кони быстры» наглядно демонстрируют это. В свою очередь Митра восседает на колеснице, которую ведут четыре белых быстрых скакуна, и он вместе с ними путешествует по небосклону («Яшт» 10. 124-125, 136).

Следует заметить, что подобные сведения имеются и в других письменных источниках. Так, предания о «небесных конях» Давани (Фергана) сохранились и в китайских источниках. В одном из них III в. н.э. описывается легенда, по которой в Давани жил священный конь, поймать которого было невозможно. Подобная легенда связана и с областью Тухоло (Тохаристан)². О скульптуре бронзовой лошади золотистого цвета, имеющей божественное происхождение и появляющейся в начале нового года в храме небесного огня, который стоит посреди реки Wohu-Окса, в низине, образуемой двумя рукавами реки, говорит также Дуань Чэнши (803-863), автор сборника рассказов «Ю ян цзя цзу»³.

Ф. Грене считает, что храм небесного огня связан с Оксом-Вахшем и реально существовал в VIII в., воздвигаясь на острове посреди реки⁴. Б.А. Литвинский, оппонируя Ф. Грене, справедливо отмечает, что китайский путешественник услышал легенды, сохранившиеся у местного населения о храме Окса, уже после того, как он был разрушен. В легенде старый

---

¹ Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 207.

² Pulleyblank E.G. Chinese and Indo-Europeans // JRAS. 1966. Vol.I-II. P. 31; Бичурин Н.Я. (о. Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. III. СПб., 1851. С. 4, 255.

³ См.: Drège J.-P., Grenet F. Un Temple de l'Oxus près de Takht-i Sangin, d'après un témoignage chinois du VIIIe s // Studia Iranica. 1987. No 16/1. P. 117-118.

⁴ Drège J.-P., Grenet F. Un Temple de l'Oxus près de Takht-i Sangin, d'après un témoignage chinois du VIIIe s // Studia Iranica. 1987. No 16/1. P. 118.

храм служил как бы отправным пунктом, а к историческому ядру рассказа (факт существования храма, присутствие алтарей огня внутри храма, наличие навеса-айвана и гигантской статуи) примешивались легендарные подробности, заимствованные из религиозно-мифологических верований местных иранцев¹. Ф. Грене сопоставил рассказ о ежегодно выходящем из вод реки золотистом коне с одной из ипостасей авестийского Тиштрия, «златоухого и с золотой уздой» («Яшт» 8. 18)². Данное сопоставление – наглядный пример устной передачи из поколения в поколение населения Бактрии-Тохаристана легенд, связанных с зороастрийской религией. Аналогичные верования, связанные с небесным конем, были широко распространены в древней и средневековой Центральной Азии, а эпос и фольклор центральноазиатских народов донесли эти верования до современности³. Мы согласны с точкой зрения Б.А. Литвинского о том, что Тиштрия в образе золотистого жеребца ассоциируется с огнем⁴. Более того, А.М. Беленицкий указывает на тесную связь культа коня с культом огня⁵.

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000. С. 316.

² Drège J.-P., Grenet F. Un Temple de l'Oxus près de Takht-i Sangin, d'après un témoignage chinois du VIIIe s. P. 121.

³ Беленицкий А.М. Хутгальская лошадь в легенде и историческом предании // СЭ. 1948. № 4. С. 162-167; Он же. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 31-39; Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и раннем средневековье (история и культура). М.: Наука, 1977. С. 28-52; Она же. Конь в религии и искусстве саков // Скифы и сарматы. Киев: Наукова думка, 1977. С. 96-119 и т.д.

⁴ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 316.

⁵ Беленицкий А.М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 36.

В исследованиях мы говорили, что древние иранцы ассоциировали авестийского бога Митру-miθra с Солнцем¹. Обратим внимание на обнаруженную недавно на Тахти-Сангине надпись², где фигурирует имя Митры -mεiρo³. Заметим, что еще И.Гершевич отмечал, что Митра приобрел солярные черты на «востоке Ирана»⁴. Отсюда следует, что если Митра ассоциируется с Солнцем, то вполне вероятно, что жертвы лошадами предназначались как Солнцу, так и воде, то есть Амударье, без которых не может быть хорошего урожая.

Следует обратить внимание, что в Амударьинском кладе есть три фигурки лошади⁵ и изображение лошади на двух пластинах⁶. Вполне вероятно, что они имеют культовое назначение.

В зороастризме огонь-atar, atr является символом Солнца и у древних иранцев, как и у многих других народов, играл очень большую роль. Одно из основополагающих понятий зороастрийской теологии – «Аша»-aša – (или «Арта»), которому в индийских «Ведах» соответствует «Рта», уже существовало у индоиранцев. В переводе «Аша» значит «Правда», «Истина». Для индоиранцев «Истина» означала закон мироздания, регулирующий движение небесных светил, смену времен года и

---

¹ Ходжаева Н.Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. С. 75-76

² Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности. С. 120-121, рис.7.

³ Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности. С. 120, сн. 30.

⁴ Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge: The Cambridge Univ. Press, 1959. P. 38, 41-42.

⁵ См.: Dalton O.M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work. Third edition. London, 1964. P. 18, Nos 44-46, pl. XIII-XIV; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: каталог выставки. Л., 1979. С. 50, № 44-46.

⁶ См.: Dalton O.M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work. Third edition. London, 1964. P. 26, Nos 99-100, pl. XI; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: каталог выставки. Л., 1979. С. 58, № 99-100.

вечное пробуждение природы. Согласно ей, люди рождаются и умирают, льют дожди, произрастают травы на пастбищах, плодятся скот. По представлениям древних иранцев, огонь был зримым проявлением «Истины» в земном мире. Возможно, уже тогда священную огненную стихию они наделили несколькими значениями: «небесный огонь» (молния), «Огонь Солнца», «огни», которые пребывают в растениях и в телах живых существ («жизненная сила»; труп коченеет, потому что огонь покидает мертвую плоть), и, наконец, обычное пламя – то, что на алтаре и в очаге. Древние иранцы считали, что все творения имеют отношение к борьбе Добра и Зла, Истины и Лжи.

Со временем их мифологическое сознание стали олицетворять явления природы и понятия в образе божеств. Этот процесс шел долго и у каждого племени по-своему. Несмотря на то, что складывался образ какого-либо божества, он все равно не вытеснял из религиозной системы соответствующее природное явление или абстрактное понятие: богиня реки и сама река, бог огня и сам огонь. Точно также персонифицировались и злые силы. Постепенно у древних иранцев сформировалось верование в два враждующих клана богов – ахуров и дэвов. В разных племенах благими божествами или хранителями Истины, выступали как ахуры, так и девы, а огонь выполнял посредническую функцию между ними и поэтому его так почитали¹.

Поклонение огню проявлялось в разных формах. Наиболее сложной в этом плане была идеологическая система, получившая отражение в «Авесте». Огонь в зороастризме – важнейший атрибут веры. Символ огня присущ не только зороастрийцам, но и любой религии вообще и почитался он испокон веков и до настоящего времени. Следует отметить, что культ огня существовал и в язычестве, но такого почитания огня, как в зороастрийской религии, не было ни в одной другой. Зороастрийцы считали, что огонь является посредником между человеком и

---

¹ Рак И.В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана. Спб.,-М.: «Журнал “Нева” – «Летний Сад», 1998. С. 5-8.

богами, между землей и небесами¹, что он – сын Ахура-Мазды-ahura-mazdāh, верховного божества зороастрийского пантеона. Кроме того, огонь идентифицировался с его священным духом². Вот почему они так свято чтили его. Считалось, что Ахура-Мазда дарует им все жизненные блага. Посредством огня согревается жилище и готовится пища, что поддерживает жизнь людей. В «Авесте» имеется «Ясна», которая посвящена Атар-ātar, т.е. огню («Ясна» 62). В ней говорится, что огонь должен быть почитаем, ему «делают пожертвования» («Ясна» 62.1). Огонь наделялся значением огня как такового, но имел и специальный смысл: священный огонь, жертвенный огонь и, наконец, огонь – сын Ахура-Мазды («Ясна» 62.1). Так, в «Авесте» Атар, т.е. огонь наделяется эпитетами «ātaruuant-, «сильный», «могущественный», причем он оказывает помощь благочестивому зороастрийцу и от него зависят все блага жизни:

«Подари мне, о Атар, сын Ахурамазды:
быстро счастье, быстро защиту, быстро жизнь,
обильное счастье, полную защиту и жизнь»

(«Ясна» 62.4).

В «Ригведе» авестийскому понятию Атар соответствует бог огня Агни. Помимо этого, огонь во всех его видах именовался в этой поэме «хранителем людей» (I. 96. 4), «хранителем дома» (I. 12.6; I. 36.5).

Каковы же были формы проявления культа огня? Так, одной из таких архаичных форм является почитание домашнего очага. В очаг в день поминовения ставили пимеки – священные лучинки, возжигавшиеся в честь усопших предков. Пимеки втыкали в очаг, обозначая, какому предку они предназначены. Огонь домашнего очага был так почитаем, что им даже клялись. В основе культа огня, как и культа воды, лежали жертво-

---

¹ An introduction to Ancient Iranian Religion. Readings from the Avesta and the Achaemenid Inscriptions. Minneapolis, 1983. P.16, 159. (Minnesota Publications in the Humanities, Vol. 2).

² Там же, p.160.

приношения, которые были просты и совершались в каждой семье – в огонь, который поддерживался постоянно, бросали частицы пищи¹.

Описывая религиозные представления населения Парфии и Сасанидского Ирана, которые сохранили многовековую традицию, А.Г. Периханян отмечает: «...центральное место среди этих представлений следует отвести культу домашнего Огня... Поскольку домашнему Огню приписывали священную силу и почитали за божество, дарующее благополучие и покровительство живущим в доме, ему приносились в обязательном порядке ежедневно жертвы, а также совершались возлияния, и производились ритуальные очищения. И все это в строгой последовательности, по определенной форме, с произнесением соответствующих формул и с точно, до деталей, отработанными жестами, ибо малейшее отклонение от этого ритуала, скрупулезно передававшегося из поколения в поколение, от отца к сыну, могло разгневать божество и навлечь беду. Огонь нужно было поддерживать нетленным и периодически обновлять... Обязанности по культуре огня и уход за ним лежали на главе семьи, который исполнял в семье функции жреца»².

Со временем жертвоприношения приобрели обрядовый характер, огню стали приносить в жертву животных, мясо которых затем употреблялось в пищу. Стали появляться алтари огня. Постепенно складывался жертвенный ритуал. Сначала его выполнял хозяин семьи, а концу индоиранской эпохи (рубеж II тыс. до н.э.) стала доминировать идея о том, что в борьбе между Добром и Злом должен участвовать сам человек.

Главная заповедь зороастрийской этики «благие мысли, благие речи, благие дела» была провозглашена еще древними племенными жрецами. Соблюдение ее выражалось в моральных предписаниях. Одним из них было жертвоприношение бо-

---

¹ Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране. М: Наука, 1982. С. 19.

² Периханян А.Г. Общество и право Ирана в Парфянский и Сасанидский периоды. М.: Наука, 1983. С. 80.

гам, которое должен был осуществлять вождь племени. Позднее роли первослужителя культа и жреца разделились. Главным жрецом у иранских арийцев стал заотар, а у индоариев – хотар. Во время богослужений, которые уже стали проходить в храмах огня, жрец приносил жертву и совершал возлияния. У зороастрийцев был главный храм огня, который свято чтился. В нем же находился и самый главный огонь, который дает начало всем другим огням. Древнейший храм огня датируется IX-VIII вв. до н.э. Особое распространение такие храмы получили при Сасанидах (226-651гг.), когда зороастризм был признан государственной религией. Храм огня царя и воинов в Иранском Азербайджане, храм жрецов в Парсе и храм земледельцев в Хорасане считались главными¹. Их названия свидетельствуют о том, что в Сасанидском государстве, в которое входили и некоторые районы Средней Азии, сохранились социальные группы, сложившиеся в конце II тыс. до н.э. и упомянутые в «Авесте».

Вновь обратимся к «Авесте», где говорится об Апам-Напате (арам.нарātəm – «внук вод»), который является хранителем священного моря Ворукаша – Vouru-kaša – («Яшт» 2.5; 7.72; 19.51-52). Следует подчеркнуть, что несмотря на то, что Апам-Напату не посвящен специальный гимн, ему в источнике отводится важная роль. «Апам-Напат живет в море Ворукаша и среди божеств подводных первым слышит все» («Яшт» 19.52). В «Авесте» он упоминается в паре с Атаром – ātar, олицетворяющим огонь («Ясна» 15.12; «Яшт» 8.34), и Митрой – miθra. Апам-Напат вместе с Митрой правит землей («Яшт» 13.95) и защищает хварно от злых сил.

Пехлевийская литература продолжает авестийскую традицию. В ней Апам-Напат называется Vūrj и является «сыном вод» (Zsp. 3. 8)². В пехлевийских источниках говорится, что

---

¹ Duchesne-Guillemin J. Fire in Iran and Greece // East and West. 1962. Vol. 13, № 2–3. P. 203; Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране. М., 1982. С.20.

² Pahlavi Texts. Pt. I: Selections of Zâd-Sparam. Chapters I-XI. Transl. by E.W.

Апам-Напат – помощник Ардвисуры, и что его главная функция заключается в распределении вод между областями земли (GBd. 26. 27)¹. Имя Апам-Напат отражается в названии восьмого и десятого месяцев авестийского календаря в форме Ārāpāt. Это же имя встречается и в хорезмийской ономастике. Апам-Напат также почитался согдийцами. Так, в настенной живописи древнего Пенджикента V-VII вв. он изображен в виде сидящего обнаженного мужчины, окруженного кольцом пламени. Отголоски древних представлений об Апам-Напате сохранились в земледельческих обрядах припамирских таджиков до настоящего времени².

Апам-Напат упоминается и в древнеиндийских источниках, где он имеет «водную» и «огненную» сущность. Так, в «Ригведе»³ его сравнивают с Агни («Ригведа» 1. 143) или идентифицируют с огнем («Ригведа» 10. 8. 5). М. Бойс пришла к заключению, что это два равных бога (Апам-Напат и Митра), выполняющие общие задачи, которые ассоциировались с двумя жизненными элементами – «огнём» и «водой»⁴. Известно, что в Центральной Азии культы воды и огня почитались задолго до возникновения здесь зороастризма. Выше уже говорилось о со-

---

West. Oxf.: Oxford University Press, 1880. P. 153-187 (SBE, vol. V.); Pt. V: Marvels of Zoroastrianism. Selections of Zād-Sparam. Chapters XII-XXIV. Transl. by E.W. West. Oxf.: Clarendon Press, 1897. P. 133-171 (SBE, vol. XLVII).

¹ The Bundahis, Bahman-Yasht [Pahlavi], and Shâyast [and: Appendix to the Bundahis: Selections of Zâdspram, brother of dastûrPârs and Kirmân, A.D. 881. Oxford, University Press, 1880. 434 p. Part I. Chapters I-IX (Paraphrase of Bundahis, I-XVII)]. Transl. by E. W. West. P. 1–151. (SBE, vol. 5).

² См.: Мухитдинов И. Реликты доисламских обычаев и верований у земледельцев Западного Памира (XIX- начало XX в.). Кн. 1. Душанбе: Душанбе, 1989. С. 72-73.

³ Ригведа. Мандалы I-IV. Изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука, 1989. 767 с.; Vedic Hymns. Part I: Hymns to the Martus, Rudra, Vāyu and Vāta. Transl. by F. Max Müller. Oxford: The Clarendon Press, 1891. CXXXV, 556 p. (SBE. XXXII); Part II: Hymns to Agni. Transl. by H. Oldenberg. Oxford: The Clarendon Press, 1897. 495 p. (SBE. LVI).

⁴ Boyce M. A History of Zoroastrianism. Leiden-Köln, 1975. P. 40-45.

общениях античных источников о жертвоприношениях именно им. Зороастрийская же религия канонизировала оба культа. Об этом свидетельствуют второе название «Ардвисур-яшта» – «Абан-яшт», то есть «Гимн водам», и «Ясна», посвященная огню – *ātar* («Ясна» 62). Для нас важен тот факт, что оба культа связаны с храмом Окса из Тахти-Сангина.

Обратимся к посвяtitельным надписям, о которых мы говорили во второй главе. Следует обратить внимание, что во всех надписях фигурирует определение «Окс».

1. Надпись на небольшом votивном постаменте¹: «По обету посвятил Атросок Оксу», т.е. божеству Окса (рис. 10)². Проведя лингвистический анализ слова «Атросок», В.А. Лившиц пришел к выводу, что это греческая передача иранского, точнее бактрийского, имени *Ātrosōk* или *Ātrusōk*, и оно означает «обладающий пылающим огнем», «тот, у которого огонь пылающий», или же «...тот, у которого огонь сильный»³. Имя Атросок находит прямое соответствие в авестийском словарном фонде (*ātərə. saokā* – «жар», «зной») ⁴. Оно образовано от хорошо известной в иранской антропонимике модели сложных (двухосновных) имен. Первая его часть продолжает древнеперсидское **ātr* – «огонь», «бог огня». Известно, что в

---

¹ Вотивное приношение (лат. *votivus* – торжественно обещанный, посвященный богам) – посвяtitельный дар божеству, приносимый из благодарности или по обету малый или большой предмет (например, вотивный камень, сосуд, табличка, статуэтка и др.) в зависимости от состоятельности посвящающего.

² Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. С. 94; *Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale // Corp. Incr. Iran. Part. II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I: Inscriptions in Non-Iranian Languages. Ed. by International Committee. London: SOAS, 2012. P. 196-198.*

³ Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии с. 102-104.

⁴ *Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Sp. 1548-1549.*

«Авесте» огонь называется ātar-, ātərə-, āṣr-, ātr-¹.

Этот термин имеет и другие значения: «священный огонь», «жертвенный огонь» и «огонь как божество (язата)»². Важно, что Атросок, как утверждает В.А. Лившиц, носил типично зороастрийское имя³, в котором прославляется божество огня. Б. А Литвинский не исключает, что Атросок был жрецом огня.⁴ Ученый справедливо отмечает: «Важно, что этот человек, носящий типично зороастрийское имя, в котором прославляется божество огня, в этой надписи фигурирует в связи с Оксом, причем, очевидно, подразумевалось божество Окса, которому делалось подношение»⁵.

Выше мы отмечали, что соблюдение главной заповеди зороастрийской этики «благие мысли, благие речи, благие дела» выражалось в жертвоприношении богам, которое должно совершаться жрецом-заотаром. Во время богослужений, которые уже стали проходить в храмах огня, жрец приносил жертву и совершал возлияния. В храме Окса помимо ботросов⁶, кости жертвенных животных находились во многих частях храма. Так, большое количество костей животных обнаружено в южной части храма⁷. Наличие костей жертвенных животных в

---

¹ Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Sp. 312-316; Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1. С. 318-319.

² Bartholomae Chr. Там же, sp. 312-316.

³ Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Там же, с. 104.

⁴ Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Там же, с. 94.

⁵ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 195.

⁶ Пичикян И.Р. Культурный комплекс на Каменном городище // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Ташкент: Фан, 1979. С. 89; Он же. Возобновление работ на Каменном городище // АРТ. 1982. Вып. XVI. (1976 г.). С. 81; Он же. Раскопки Каменного городища в 1977 г. // АРТ. 1983. Вып. XVII (1977 г.). С. 104; Он же. Открытие культурного комплекса на Каменном городище в 1978 г. // АРТ. 1984. Вып. XVIII (1978 г.) С. 109.

⁷ Пичикян И.Р., Войтов В.И., Дубровин А.Ф., Арабов С.Ф., Колпаков А.А. Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище // АО 1976 года. 1977. С. 571; Пичикян И.Р., Дубровин И.Р., Сарабянов В.Д. Открытие ботроса на Каменном городище // АО 1977 года. 1978. С. 560-561;

храме Окса свидетельствует о ритуальных действиях, связанных с жертвоприношениями богам. Совершить их могли только зороастрийские жрецы. Поэтому мы поддерживаем точку зрения Б.А. Литвинского и считаем, что Атросок был зороастрийским жрецом.

2. Надпись на глиняной форме для отливки большого сосуда¹: «Оксу по (божественному) указанию посвятил Си-ром, (сын) Немиска, МОЛРПАЛРЭС(?), бронзовый сосуд (сделанный) из 7 талантов (бронзы) (рис. 15)².

3. Надпись на одном из фрагментов венчика, состоящая из двух слов (рис. 14.). Первое слово надписи – ΥΟΞΟΙ, второе – ΟΞ³. В надписи прочитывается два раза имя Окса. В первом случае как попытка передачи греческими буквами

Пичикян И.Р. Возобновление работ на Каменном городище // АРТ. 1982. Вып. XVI. С. 79; Литвинский Б.А., Пичикян И. Р. Тахти-Сангин – Каменное городище (раскопки 1976-1978 гг.) // Культура и искусство Древнего Хорезма М., 1981. С. 206-210.

¹ Дружинина А.П. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году // АРТ. 2005. Вып. 30 (2003-2004 гг.). 2005. С. 90-91; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопках храма № 17 и № 18 // АРТ. 2009. Вып. XXXIII (2007). С. 114-119; Drujinina A. Gussform mit griechischer Inscript aus dem Oxos-Tempel // АМІТ. 2008. 40. S. 121-136; Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie. P. 274-276.

² Вексина М. Лингвистический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки сосуда // АРТ. 2010. Вып. XXXIV (2008). С. 227.

³ Дружинина А.П. Раскопки на городище Тахти-Сангин. Предварительный отчет 1998-1999 года о работах на восточном участке цитадели // АРТ. 2000. Вып. XXVII. С. 243, 259; Drujinina A. Die Ausgrabungen in Tacht-i Sangin im Oxos-Tempelbereich (Süd Tadschikistan). Vorbericht der Kampagnen 1998-1999 // АМІТ. 2001. 33. S. 263, 264 fig. 5; 265 fig. 6; Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. № 4. С. 125-128, рис. 10-11; Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale // Corp. Incr. Iran. Part. II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I: Inscriptions in Non-Iranian Languages. Ed. by an International Committee. London: SOAS, 2012. P. 198-199.

бактрийского имени Окс-Вахш (по-бактрийски ОАХϞΟ), а во втором – его греческого имени¹. Ф. Грене интерпретирует надпись как «Богу Оксу»².

4. Надпись³, где в начале стоят греческое имя почитателя и имя его отца, а в середине – название посвящаемого объекта – котла или сосуда, а также часть имени Окса⁴.

Таким образом, упоминание имени Окса в почитательных надписях из Тахти-Сангина указывает на вотивное приношение Оксу, что, несомненно, подтверждает существование этого культа в местном храме.

Проведя лингвистический анализ зороастрийских, античных и древнеиндийских источников, сопоставив их с китайскими и армянскими источниками, Й. Маркварт приходит к заключению, что греческое *Oxos* (Оксос) – передача гидронима

---

¹ Ivantchik A.I. Neue griechische Inschriften aus Tacht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftlichkeit // *Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien*. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern. 2013. С. 137-139.

² Grenet F. The cult of the Oxus: reconsideration // *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого* (Санкт-Петербург, 2-5 ноября 2004 года). Отв. ред. В.П.Никоноров. СПб.: Институт материальной культуры РАН, 2005. С. 377.

³ А.П. Дружинина Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 году // *АРТ*. 2005. Вып. XXX. С. 91. Drujinina A.P., Boroffka N.R. First preliminary report on excavations at Takht-i Sangin in 2004 // *Bulletin of Mixo Museum*. 2006. Vol. 6. P. 69, fig.8-9.

⁴ Вексина М. Лингвистический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки сосуда // *АРТ*. 2009. Вып. XXXIII. С.227; Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // *ВДИ*. Вып. 4. 2011. С. 117; Ivantchik A. I. Neue griechische Inschriften aus Tacht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftlichkeit // *Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien*. Hrsg. von G.Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach // *AIT*. 2013. Vol. 14. S. 125-142.

«Вахш» (древнеиранское *Vaxšu) – это и есть название Амударьи у ираноязычного населения Средней Азии. Позже, может быть после VII-VIII вв., название Вахш начинает применяться только к одному из главных притоков Амударьи¹. И.В. Пьянков приходит к выводу, что античный Окс – это Амударья вместе с её притоками, в том числе с рекой Вахш².

Следует также обратить внимание на один предмет из Амударьинского клада. Так, перстень, датированный IV-III вв. до н.э.³, на щитке которого выгравировано изображение крылатого быка – Гопатшаха с бородастой человеческой головой в короне (рис. 16б.)⁴. Над изображением – арамейская надпись из четырех знаков – WHŠW. В.А. Лившиц считает, что это имя владельца перстня – Вахшу⁵. Согласно зороастрийской мифологии, Гопатшах [пребывает] в кешваре Хванирас, и от ног до талии он – бык, а от талии и выше – человек. Он сидит на берегу моря, совершает возлияния Ахура-Мазде и язатам. Гопатшах льет священную воду в море. Если бы Гопатшах не лил в море воду, тогда, где бы ни шел дождь, храфстра бы падали на землю подобно дождевым каплям (MX 62. 31-36)⁶.

Существуют различные точки зрения о значении образа Гопатшаха. Нам представляется наиболее верным мнение К.В. Тревер, которая считает, что Гопатшах – это образ человека-быка, полубожества, покровителя крупного рогатого скота и

---

¹ Markwart J. Vehrot und Arang. S. 31, 52.

² Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции (Общие данные о стране: название и территория). Душанбе: Дониш, 1982. С. 49-50, 53.

³ Cunningham A. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper // Journal of the Asiatic Society of Bengal. 1881. Vol. 50. P. 171, pl. XVII/6.

⁴ https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1897-1231-105 (дата доступа 22.08.2023)

⁵ Лившиц В.А., Мамбетуллаев М.М. Острак из Хумбуз-тепе // Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма. М., : ГРВЛ, 1986. С. 45, прим.37.

⁶ *Dīnâ-î Maīnôg-î Khirad, Sikand-gûmânîk Vigâr, and the Sad Dar*. Oxford, Univ. Press, 1885. 372 p. Part III: *Dīnâ-î Maīnôg-î Khirad*. Transl. by E.W. West. P. 1–133 (SBE, vol. 24).

охранителя вод¹. Тем самым, перстень из Амударьинского клада является вотивным приношением в храм с определенными просьбами его хозяина к богине Ардвисуре Анахите. Совершенно очевидно, что этим храмом может быть только храм Окса.

Что касается имени Вахшу, то Ф. Грене прослеживает следы легенды о названии иранского божества OAXŠO (*Wakhš(a)), корень которого Wakhš – «расти», «прыгать», от времени появления кушанских монет (I в. до н. э – I в. н.э.) до сообщения Бируни (X в.) о празднике Окса у хорезмийцев. Более того, Бируни описывает сам праздник по зороастрийскому календарю. Праздник этот называется Вахшангам (Wakhšangam), подчеркивая, что Вахш – «имя ангела, поставленного (наблюдать) за водами, в частности над рекой Джейхун»². В эллинистические времена в иранской, особенно в бактрийской ономастике получили распространение имена на основе Vakhšu. Ф. Грене приводит имена Охуарт (*Waxšu-rta) – «созданный божествами Окса и праведности», Охубарос (*Wakhš(u)) – Wazdah – «сильный» благодаря Оксу (Вахшу) и Охудабес (*Miθra-*Wakhš(u)) – «созданный Митрой и Оксом (Вахшу)»³. Для нас интересна последняя интерпретация. Возможно, у древних иранцев слова «Митра» и «Окс» имели одинаковое значение.

Известно, что верховным богом зороастрийцев был Ахура-Мазда. Важно еще раз отметить, что пара Ахура-Митра в «Авесте» встречается дважды («Яшт» 10.113, 145). В Бехистунских надписях Ахеменидов Ахура-Мазда называется «ба-

---

¹ Тревер К.В. Гопатшак – пастух-царь // Тр. Отдела Востока [Государственный Эрмитаж]. Т. II. 1940. С. 76.

² Бируни, Абу Рейхан. Избранные произведения. Памятники минувших поколений. Перев. и прим. М.А. Салье. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. Т. I. С. 258.

³ Grenet F. L'onomastique iranienne á Ай-Khanoum // Bulletin de correspondance hellénique. 1983. Т. 107. P. 377-378; Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. P. 179-180, note 18.

га», «бог», а это специфический эпитет именно Митры¹. Интересен также тот факт, что оба божества отождествляются с Солнцем (светом). Так, в «Ясне» говорится, что Ахура-Мазда «сотворен из света». В «Ясне Семиглав» (Yasna – hapt̥hāiti) солнце и свет описываются как зрительно воспринимаемая форма Ахура-Мазды, а в более поздних «Ясна» солнце называется глазом². Митра также тесно связан с солнцем и путешествует вместе с ним по небосклону, причем везут их быстрые кони («Яшт» 6.1, 4, 6; 10.124, 136.).

Для нас весьма важным оказалось исследование, проведенное А.-П.Франкфором. Ученый сравнил культ Окса/Вахшу из Тахти-Сангина с культом Кибелы из Ай-Ханума. Согласно античной мифологии, Кибела является вселенской матерью, богиней земли и защитницей земледелия и растений, то есть Кибела – это богиня плодородия. Исследователь отождествляет Вахшу и Кибелу с богиней Ардвисурой Анахитой, отмечая, что Окс/Вахшу был главным, если не единственным культом на Тахти-Сангине, и это культ воды и плодородия³. Полное и загадочное отсутствие упоминания Ардвисуры Анахиты в Бактрии и Центральной Азии в целом, на наш взгляд, А.-П. Франкфор аргументировано объясняет присутствием здесь «концептуальной сети систематического божества Вахш»⁴. Ученый отмечает, что в Иране и в Центральной Азии Вахшу и Анахита могли быть эквивалентными божествами или обозначением одной божественной концепции в различных контекстах. Ардвисура Анахита – это серия эпитетов, но имя

---

¹ Herzfeld E. *Archaeological History of Iran*. London: Published for the British Academy by Humphrey Milford, Oxford University Press, 1935. P. 40; Nyberg H.S. *Die Religion des Alten Iran*. Leipzig: J.C. Hinrichs Verlag., 1938. S. 353.

² Zaehner R.C. *The dawn and twilight of Zoroastrianism*. London, 1961. P. 64, 68.

³ Francfort H.-P. *Ai Khanoum «temple with indented niches» and Takht-i Sangin “Oxus temple” in historical cultural perspective: a hypothesis about the cults // Parthica*. 2012. Issue 14. P. 124.

⁴ Francfort H.-P. *Ai Khanoum «temple with indented niches» and Takht-i Sangin “Oxus temple” in historical cultural perspective: a hypothesis about the cults*. P. 131.

божества, по-видимому, «āb», «вода» в иранском контексте¹. Исследователь также предположил, что статуя Анахиты, установленная в храме при правлении Артаксеркса II (404-359 гг. до н.э.), была не чем иным, как изображением Вахшу в бактрийском контексте². Таким образом, из исследования А.-П. Франкфора следует, что Вахшу у бактрийцев – это эпитет Анахиты. Тем самым, упоминание имени Окса/Вахшу в надписях из Тахти-Сангина не случайно. Донаторы обращались именно к авестийской богине Ардвисуре Анахите, которая местным населением называлась Вахшу.

Остановимся на связи культов воды и огня. Зороастрийцы одинаково почитали обе стихии. М. Бойс отмечает, что «ритуальная церемония «жертва воде» (āb-zōhr) постоянно ассоциируется с «жертвой огню» (ātaš-zōhr) и, следовательно, с кровавыми жертвоприношениями. Эта тесная ритуальная ассоциация засвидетельствована в древнейшей «Ясне Хаптахайти», где Огонь и Вода получали свою порцию при каждой ритуальной церемонии «Ясны»...³. Об этом, как уже отмечалось выше, сообщают и античные авторы. Особо следует подчеркнуть, что для древних иранцев Апам-Напат является сущностью огня («Яшт» 19.51), т.е. между огнем и водой существует неразрывная связь. С. Викандер считает, что «фактически Анахита» – единственное иранское божество, которое в более древние времена было связано с огнем⁴. Ученый собрал много фактов, доказывающих эту связь⁵.

---

¹ Idem, p. 131.

² Idem.

³ Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. I. P.160.

⁴ Wikander S. Feuerpriester in Kleinasien und Iran. Lund: C. W. K. Gleerup, 1946. S. 216 (Skrifter utgivna av Kungl. Humanistiska vetenskapssamfundent i Lund – “Acta Reg. Societatis Humaniorum Litterarum Lundensis “, XL).

⁵ Там же, s. 52-101, 211-220.

Семантика посвячительных сюжетов артефактов из Тахти-Сангина

Вернемся к артефактам из храма Окса, в частности, к золотым пластинам¹. Первая золотая пластина была найдена в 1979 г.², еще две – в 1983 г.³, четвертая пластина обнаружена в 2010 г. в раскопе № 18 на площади храма Окса⁴. Там же находился фрагмент еще одной пластины⁵. Обращаясь к пластинам, найденным в 1979 и 1983 гг., И.Р. Пичикян отмечает, что все три пластины идентичны пластинам Амударьинского клада. Ученый пишет: «Первая пластина, найденная в 1979 г., без изображений по размерам 45x20 мм идентична пластинам клада №№ 69, 75, 89, 93⁶. Она сложена, как были сложены (вдвое или втрое) все амударьинские пластины, судя по сохранившимся на них невыпрямленным складкам, трещинам и обломам»⁷. На наш взгляд, пластина, обнаруженная в 2010 г. также подобна пластинам Амударьинского клада. Обратим внимание

---

¹ Литвинский Б.А, Пичикян И.Р. Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия) // ВДИ. 1992. № 3. С. 94-111.

² Литвинский Б.А, Пичикян И.Р. Тахти Сангин – каменное городище (1979 г.) // АРТ. 1986. Вып. XIX (1979 г.). С. 114; Litvinsky B.A., Pichikian I.R. Gold Plaques from the Oxus Temple (Nothern Bactria) // ACSS. Leiden, 1995. Vol. II/2. Fig. 1.

³ Пичикян И.Р. Результаты раскопок на Тахти Сангине в 1983 г. // АРТ. 1991. Вып. XXIII (1983 г.) С. 183-187.

⁴ Дружинина А.П. Археологические исследования Тахти-Сангина в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. Рис. 4.2; 6

⁵ Дружинина А.П. Археологические исследования Тахти-Сангина в 2010 году. Рис. 4.2.

⁶ См.: Dalton O.M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work. Third edition. London: The Trustees of the British Museum, 1964. P. 22-25, pl. XV; Е.В. Зеймаль Амударьинский клад: каталог выставки. Л.: Искусство, 1979. С. 54-55, 57-58.

⁷ Пичикян И.Р. Результаты раскопок на Тахти Сангине в 1983 г. // АРТ. 1991. Вып. XXIII (1983 г.). С. 184; Litvinsky B.A., Pichikian I.R. Gold Plaques from the Oxus Temple (Nothern Bactria) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden, 1995. Vol. II/2. P. 196.

на пластину, найденную в коридоре № 6 в 1983 г.¹. На одной из ее плоскостей изображен бактриец, ведущий верблюда (рис. 12б). Мужчина, показанный в профиль, шагает влево. Ноги, обутые в сапоги, поставлены одна за другой, левая рука, опущенная вниз и согнутая в локте, держит повод верблюда. Человек одет в короткий облегающий кафтан с поясом и узкие штаны. Цвет ног и рук – желтоватый, кафтана – желто-охристый. Голова без деталей, выделена лишь прическа, так как эмалевые вставки лица и волос утрачены. За человеком идет животное – верблюд. Спина изображена арочной кривой. Высокая, слегка изогнутая шея завершается небольшой головой с торчащим ухом. Ноги массивные, непропорционально короткие, с четко выделенными лапами. Хвост длинный, пушистый. Тело верблюда желтовато-коричневого цвета. Фон композиции образован слоем белой эмали. Все контуры обведены золотой полоской. Что касается датировки пластины из храма Окса, то она относится к числу votives с вероятной датировкой в пределах VI – середины V вв. до н.э.², то есть к периоду господства зороастризма в Центральной Азии.

Аналогии технике перегородчатых вставок этой пластины И.Р. Пичикян видит в большом омегаобразном браслете с козлорогими грифонами № 116 и 116а Амударьинского клада³. По пропорциям, материалу и стилю исполнения, по мнению ученого, она идентична пластине № 37 Амударьинского клада⁴ с изображением человека и льва с отсеком перегородчатых

---

¹ Пичикян И.Р. Результаты раскопок на Тахти Сангине в 1983 г. // АРТ. 1991. Вып. XXIII (1983 г.) С. 184-187; Литвинский Б.А, Пичикян И.Р. Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия) // ВДИ. 1992. № 3. С. 94-111; Litvinsky B.A., Pichikian I.R. Gold Plaques from the Oxus Temple (Northern Bactria) // ACSS. Leiden, 1995. Vol. II/2. Fig. 2.

² Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 87.

³ См.: Dalton O.M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work. Third edition. P. 32-34, pl. I; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: каталог выставки. Л.: Искусство, 1979. С. 64.

⁴ См.: Dalton O.M. Idem, p. 37, pl. XXI. 20; Зеймаль Е.В. Там же, с. 48.

зубчиков для пастовых, лазуритовых или бирюзовых вставок. Более того, пластина с изображением мужчины, ведущего верблюда, находит близкие параллели по размерам в пластинах № 58, 72, 94, 100¹, то есть в группе предметов малой формы. А по тематике помимо пластины «человек и лев» пластина с изображением «человек с верблюдом» относится к группе пластин с изображением животных: верблюда², шагающего влево № 98 и лошадей³, обращенных в профиль влево № 99, и вправо № 100⁴. Проведенный сравнительный анализ пластин из Амударьинского клада и из храма Окса привел И.Р. Пичикяна к важному выводу: «Раньше до находки в храме Окса критики теории «посвятительных храмовых приношений» видели в животных препятствие отнесения пластин к храмовым вотивам. Теперь факт открытия нашей пластины в храме показывает безосновательность этой гиперкритики»⁵.

И.Р. Пичикян и Б.А. Литвинский считают, что на пластине использована излюбленная в ахеменидском искусстве, особенно, в Персеполе⁶, иконографическая схема⁷. В «Авесте» говорится, что верующий приносит в жертву Ахура-Мазде десять кобыл с жеребцом и верблюда («Ясна» 44. 18). Животное

---

¹ См.: Dalton O.M. Idem, p. 21-22, 25-26, pl. XV; Зеймаль Е.В. Там же, с. 53, 55, 58.

² См.: Dalton O.M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work. Third edition. P. 25; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: каталог выставки. Л.: Искусство, 1979. С. 58.

³ См.: Dalton O.M. Idem, p. 26; Зеймаль Е.В. Там же, с. 58.

⁴ Пичикян И.Р. Результаты раскопок на Тахти Сангине в 1983 г. // АРТ. 1991. Вып. XXIII (1983 г.) С. 185-186.

⁵ Пичикян И.Р. Результаты раскопок на Тахти Сангине в 1983 г. // АРТ. 1991. Вып. XXIII (1983 г.) С. 186.

⁶ На персепольских рельефах делегации подчиненных народов приносят в дар животных.

⁷ Пичикян И.Р. Результаты раскопок на Тахти Сангине в 1983 г. // АРТ. 1991. Вып. XXIII (1983 г.) С. 185-186; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 75.

упоминается в связи с обрядами очищения («Видевдат» 9. 37). Основываясь на этих фактах, а также анализируя значение изображения на пластине, исследователь приходит к следующему выводу: «...изображение на тахтисангинской пластине можно интерпретировать как сцену принесения в дар храму (и верховному зороастрийскому божеству) верблюда как жертву или, возможно, как участие его в очистительных церемониях. Эту интерпретацию подкрепляет и тот факт, что изображение на пластине из храма Окса похоже на амулет из храма Дашлы-3 эпохи бронзы: оба изображения можно трактовать как сцену принесения в жертву верблюда»¹. Б.А. Литвинский² находит близкие аналогии изображению на тахтисангиновском артефакте среди фигур бактрийцев³ на барельефах дворца Ападана в Персеполе, изображающими 23 делегации из разных уголков Ахеменидской империи, принесших дары царю по случаю Навруза (рис. 12).

Заметим, что из 180 предметов Амударьинского клада более 50⁴ составляют пластины из золота с гравированными изображениями⁵. Большинство их украшено профильными фигурами жрецов или дедикантов, несущих барсом (прутья) в руках. Как справедливо отмечает Е.Е. Кузьмина: «Одежда людей, изображенных на некоторых пластинах характерна бактрийцам и согдийцам: в подпоясанном расшитом кафтане, длинных брюках, мягких сапогах и в колпаке с откинутых назад кон-

---

¹ Там же. С. 87.

² Там же, С. 76-81.

³ Schmidt E.F. Persepolis I: Structure. Reliefs. Inscriptions. Chicago-Illinois: The University of Chicago Press, 1953. P. 48, pl. 41.

⁴ См.: Dalton O.M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work. Third edition. P. 19-26, Nos 48-100, pl. XI, XIV-XV; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: каталог выставки. Л.: Искусство, 1979. С. 51-58б № 48-100.

⁵Curtis J., Searight A. The Gold Plaques of the Oxus Treasure: Manufacture, Decoration and Meaning // Culture through Objects: Ancient Near Studies in Honour of P.R.S. Moorey. Ed. by T. Potts, M. Roaf, D. Stain. Oxford: Griffith Institute, 2003. No 48-100.

цом»¹. Ученый, проведя семантический анализ предметов Амударинского клада, приходит к важному выводу, что все сюжеты и формы предметов отображают зороастрийскую мифологию. По ее мнению, предметы клада связаны с культом божеств авестийского пантеона – Митры, Ахура-Мазды, Анахиты, Веретрагны, а также с культом коня и легендарными мифическими героями Гапатшахом и Йимой². Сюжет изображения на тахтисангиновской пластине также отображает зороастрийскую мифологию. Таким образом, нет никаких сомнений в том, что пластина из храма Окса абсолютно идентична пластинам из Амударьинского клада.

Обратим внимание на упомянутый Б.А. Литвинским медный амулет (рис. 18) из храма на Дашлы-3 (XI в. до н.э.), расположенного в северном Афганистане, что соответствует в древности территории Южной Бактрии. Это плоский ступенчатый ромб (1,8×1,8×0,2 см), имеющий два сквозных отверстия в противоположных углах. На одной его стороне (рис. 18а) изображено дерево в виде прямого ствола, от которого снизу отходят две ветви с острыми листочками: сверху на ветви то ли опускается, то ли взлетает с них пара птиц с распахнутыми крыльями. Верхушка ствола, возможно пальмы, оформлена в виде кроны с короткими, веерообразными расходящимися ветвями. В.И. Сарияниди рассматривая изображения на амулете, обращается к зороастрийской мифологии, согласно которой посреди моря Ворукаша, на благом острове Ахура-Мазда сотворил дерево бессмертия Хаому, на котором собраны семена всех растений мира. Сидящая на дереве птица обдирает ветви, тогда как другая птица собирает упавшие семена, несёт в небо, где они, смешавшись с дождём, падают на землю и производят новые растения (Vd 18.2-3; 24. 18; MX 62.28-30). Ученый счи-

---

¹ Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М.: Наука, 1977. С. 48.

² Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М., С. 42-67; Кузьмина Е. Е. О двух перстнях Амударьинского клада с изображением цариц // Советская археология. М., 1979. № 1. С. 35-46.

тает, что приведённые данные могут быть сопоставлены с изображением на североафганском амулете¹.

Для нашего исследования представляет интерес изображение на второй стороне амулета (рис. 18б), центральную часть которой занимает фигура двугорбого верблюда в профиль; мелкие детали читаются плохо, но, видимо, передают украшение или же рисунок верхней части головы. С особой тщательностью проработана плавно изогнутая шея. Здесь же изображён обнажённый ребёнок, держащий за повод верблюда. Тонкая моделировка всего изображения детально фиксирует напряжённую мускулатуру тела животного, как бы остановленного в своём движении вперёд туго натянутым поводом. В.И. Сарияниди справедливо отмечает, что мотив верблюда практически отсутствует в глиптике Месопотамии и долины Инда, зато в Иране известен в рисунках на посуде Сиалк III, в Туркменистане в многочисленных терракотах конца III тысячелетия до н.э. и, наконец, на амулете из Северного Афганистана II тысячелетия до н.э. Более того, позднее это животное занимает видное место в искусстве ахеменидского Ирана (рельефы персепольского дворца) и Бактрии (на монетах, оттиски на сосудах), что позволяет выделить афгано-ирано-туркменистанский центр в системе Древнего Востока, где в культах и мифах образ верблюда занимал особое место².

В данном случае уместно выделить афгано-ирано-среднеазиатский центр в системе Древнего Востока, так как территория Туркменистана является неотъемлемой частью Центральной Азии, а в эпоху бронзы на этой территории проживали древние иранские племена, в том числе предки таджиков, чьи духовные воззрения отображены на представленных В.И. Сарияниди амулетах. Ученый часто приводит сюжеты из зороастрийской мифологии, нашедшие отражение на амулетах,

---

¹ Сарияниди В.И. Печати-амулеты мургабского стиля // СА. 1976. № 1. С. 60.

² Сарияниди В.И. Печати-амулеты мургабского стиля. С. 61.

перстнях и других находках с территории Туркменистана эпохи бронзы.

Для того, чтобы уточнить семантику изображения на золотой пластине из храма Окса, предлагаем обратиться к еще одной интересной находке из городища древний Пенджикент начала VIII в., где в 2012 г. был найден уникальный перстень-печать (рис. 19) со вставкой из черного сардоникса. На вставке выбито изображение фигуры, в рост, несущей в руке вертикальный прямой предмет. Аналогии в более совершенных геммах показывают, что это факел с пламенем, который несет зороастрийский жрец¹.

Заметим, амулет из храма Дашлы-3 XI в. до н.э., принадлежит эпохе поздней бронзы – периоду становления зороастризма. Золотая пластина из храма Окса датируется VI – серединой V вв. до н.э., когда население Бактрии, одной из сатрапий Ахеменидской империи, исповедовало зороастрийские воззрения, а перстень-печать – началом VIII в. – периодом нашествия арабов на Среднюю Азию, когда зороастризм в Согде продолжал оставаться господствующей религией.

Вернемся к изображениям на амулете из Дашлы-3 XI в. до н.э. Именно в этот период начинается устное сложение «Авесты. Как мы отметили выше, на одной из сторон амулета изображен сюжет из зороастрийской мифологии. Что касается второй стороны амулета, то следует обратиться к одной из точек зрения о локализации родины Заратуштры (авест. *Zarathuštra*, среднеперс. и фарси *Зардушт*, русск. и европ. яз. *Зороастр*) – пророка зороастрийской религии. Так, некоторые ученые считают, что родина Заратуштры – это Бактрия². Мы также придерживаемся данной точки зрения³. Заметим, что

---

¹ Курбанов Ш.Ф., Косых А.М. Раскопки объекта ,XXVI в восточной части городища древнего Пенджикента // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. 2013. Вып. XV. С. 12.

² См.: Ходжаева Н.Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. Душанбе, 2017. С. 286.

³ Ходжаева Н.Дж. Историческая география Центральной Азии в доислам-

значение его имени трактуется как «старо-верблюдый», «тот, чьи верблюды стары», «(обладающий) старым верблюдом»¹. Вполне вероятно, что изображенный на амулете мальчик с верблюдом, и есть Заратуштра. Об этом свидетельствует наиболее приемлемое время жизни пророка – XI в. до н.э.² Таким образом, на одной стороне амулета из Дашлы-3 изображен сюжет из зороастрийской мифологии о происхождении всех растений на земле, а на другой – Заратуштра. То есть, оба сюжета, изображенные на амулете, дополняют друг друга.

Что касается изображения на золотой пластине из храма Окса, то можно предположить, что это Заратуштра, но уже в зрелом возрасте. Семантический анализ изображения на амулете из Дашлы-3 и золотой пластины из Тахти-Сангина показал, что на сюжетах артефактов наблюдается преемственность: из поколения в поколение среди местного населения передавалась устная традиция о происхождении Заратуштры.

Обратим внимание еще на один существенный факт. Если мы посмотрим на фигуру мужчины на золотой пластине из храма Окса и на золотом перстне из древнего Пенджикента, то прослеживается определенная закономерность: оба мужчины изображены в профиль, шагающие влево. Более того, на многих пластинах Амударьинского клада донаторы изображены подобным образом³ (рис. 20). Обратимся к известному образу Ахура-Мазды из Персеполя (рис. 21), который также изображен в профиль, а руки его приподняты также как у жреца на перстне из древнего Пенджикента. Идентичные изображения

ский период. С. 287-293.

¹ См.: Там же, с. 280.

² Humbach H., Ichaporia P. The Heritage of Zarathushtra. A new Translation of His Gāthās. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1994. P. 11.

³ См.: Dalton O.M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work. Third edition. P. 21-25, Nos 61-64, 66-68, 71-72, 76, 78, 81-82, 90-92, 95, pl. 15; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: каталог выставки. Л.: Искусство, 1979. С. 53-58.

свидетельствуют о том, что на работу древних мастеров из Бактрии и Согда оказывало влияние зороастрийская идеология, то есть эти произведения искусства были выполнены местными мастерами. Именно поэтому изображения мужских фигур в течение длительного периода носило одинаковый характер. Заметим, что подобные сюжеты пока не встречались на других памятниках.

Следует отметить, что, кроме золотой пластины, большинство находок из храма Окса, представленных вотивными предметами и храмовым сокровищем, в основном ахеменидского облика, но имеются вотивы и поздних периодов. Среди них разнообразные приношения, миниатюрные алтари, курьезы, глиняные статуи, изделия из слоновой кости, золотые и бронзовые пластины с изображением донаторов и посвященных в храм животных (верблюдов и лошадей), миниатюрные копии оружия. Исследование показало, что семантика большинства находок имеет зороастрийские корни. Обратимся к некоторым из них.

Ножны акинака (рис. 22а) конца VI – начала V вв. до н.э.¹, найденные в культовом закладе № 4 в северном углу коридора № 2². Они выполнены из цельной слоновой кости. На лицевой поверхности выгравированы две «сцены». Основная, верхняя сцена заполнена крупной фигурой льва, стоящего на задних лапах, и держащего маленького оленя. Фигура царя зверей передана в профиль, а его голова – в фас с небольшим поворотом к оленю. Голова льва моделирована ярко, рельефно выступают припухлости щек, лба, подбородок. Тщательно проработаны глаза, нос со складками и ноздрями, широко расходящиеся в стороны усы. В сомкнутой оскаленной пасти торчат косо посаженные клыки. Морда имеет явную антропоморфную

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Б. Ножны акинака из Бактрии // Вестник древней истории. 1981. № 3. 87-110; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 134-135.

² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Тахти-Сангин – Каменное городище (1979 г.) / АРТ. 1986. Вып. XIX (1979 г.). С. 117-121.

трактовку. Лев стоит на выпрямленных задних лапах: правая впереди (в более высоком рельефе), левая позади (в более низком рельефе). Точно переданы очертания ног зверя; показаны (на правой ноге) даже сведенные подушечки лап. Хвост пропущен между ногами и обкручен вокруг правой ноги.

Сильно выделено могучее тело хищника с вытянутой вперед лапой, которой он держит оленя. Шерсть на спине и грива показаны параллельными наклонными рельефными полосками с завернутым в петлю внешним концом. Пространство между полосками заполнено округлыми рельефными штрихами, идущими под углом к основным. Все это передает, хотя и в условной, обобщенной манере, впечатление густой шерсти. На бедренной части передней (верхней) лапы два овала с насечкой условно подчеркивает мускулатуру, больше служа заполнительным орнаментом, характерным для архаического искусства. В передней части бедра – две изогнутые сходящиеся полосы в виде полуовала с округлыми штрихами между ними в виде U-образной фигуры. Завитки, но без насечек, есть на передней лопатке, очертания которой, кроме того, переданы небольшим рельефом. Детально разработан конец лапы, где показаны суставы и выпуклые когти. Вдоль живота проходит сужающаяся сверху вниз, слегка изогнутая полоса, внутри заполненная косыми насечками. Верхний конец ее не виден – он прикрыт передней (верхней) лапой, нижний конец упирается в бедро задней (нижней) лапы. Полоса имеет вид узкого овала, с округлым нижним концом, имеющим выступ-крючок. Фигура оленя, переданная вертикально в профиль, крайне выразительна и реалистична. Морда оленя обращена ко льву, ноги согнуты и покорно опущены.

Нижнее расширение ножен – бутероль – заполнена фигуркой свернувшегося хищника и головой козла. Туловище нападающего зверя кошачьей породы значительной стилизовано. Наибольшее внимание резчик уделил голове козла, которая не только доминирует в размере, но и передана с тщательной проработкой многих деталей. Боковые торцы и верхний край

орнаментированы в две полосы иониками: наружной, узкой, с частыми перпендикулярными насечками, и внутренней, широкой, состоящей из обращенных внутрь ионийских (более крупных, чем на нижней, узкой)¹.

Предлагаем еще раз остановиться на вопросе о месте происхождения тахтисангинских ножен акинака. Акинак – это короткий железный меч (40-60 см), который обладал отличными колющими средствами и достаточной массой (до двух килограммов) для нанесения рубящих ударов. Акинак в качестве оружия использовали древние иранские народы (саки, массагеты, скифы, персы и др.). Изображения персидских воинов с короткими мечами по типу акинаков известны на барельефах ахеменидских царей и на золотых пластинах из Амударьинского клада (рис. 22в)² Подробное иконографическое описание Б.А. Литвинским сюжета ножен акинака свидетельствует о том, что этот артефакт является образцом высокохудожественного произведения искусства. Ученый убедительно доказывает ахеменидскую традицию сюжета тахтисангинских ножен³.

Что касается семантики изображения на ножнах акинака, то она отображает зороастрийскую традицию о власти. Так, согласно древним иранским преданиям, лев – это символ царской власти. Известно, что Бахрам V был коронован на царство после того, как он победил и умертвил двух львов, охранявших царскую корону и царское одеяние⁴. Более того, Б.А. Литвинский предполагает связь культа Митры со львом⁵. На ножнах изображена сцена терзания львом оленя, что отражает ряд сакрально-ритуальных представлений древних иранцев, в которых сюжеты

---

¹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 106-107.

² Dalton O.M. The Treasure of the Oxus with other exemplars of early oriental metalwork. London: Trustees of the British Museum, 1964. P. 19-20, No 48, pl. XIV.

³ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 109-134.

⁴ См.: Там же, с. 131.

⁵ Там же, с. 130.

борьбы и победы льва над оленем знаменует этапы борьбы обожествленного героя со своим противником, завершаясь победой, когда противник, в данном случае олень, побежден.

Ученый утверждает, что обе сцены, особенно композиция на пенале тахтисангинских ножен, имеют сакральный характер, отражая представление о льве как аватаре царя или божества. Сложение сакрального смысла изображенной сцены пенала ножен с сакральностью самого акинака, несомненно, расширяло и углубляло сакральную семантику объекта в целом. В этом отношении очень показательна золотая обивка ножен акинака из Амударьинского клада (рис. 22б)¹, где на футляре изображена сцена царской охоты на львов – здесь сакральное содержание акинака раскрыто очень ярко².

Вернемся к вопросу о месте изготовления тахтисангинских ножен. Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян отмечают, что на территории Таджикистана, Узбекистана, Афганистана, Пакистана и Северной Индии подобных ножен, близких по времени не найдено. А материал – слоновая кость и целый ряд специфических деталей формы и трактовки изображения служат свидетельством в пользу местного бактрийского происхождения этих ножен³.

При интерпретации семантики изображения на тахтисангинских ножнах, мы обратили внимание на одну деталь. Так, на ножнах изображены: азиатский лев (*Panthera leo persica*), обитавший до середины XX в. на территориях Южной и Центральной Азии от Ближнего Востока и Закавказья до Индии, в том числе и Ирана, ныне встречается только в Гирском

---

¹ Dalton O.M. The Treasure of the Oxus with other exemplar of early oriental metal-work. London: Trustees of the British Museum, 1964. P.9, No 22, pl. IX; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л.: Искусство, 1979. С. 43, № 22.

² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Ножны Акинака из Бактрии // ВДИ. 1981. № 3. С. 108; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 134.

³ Там же, с. 134.

лесу в Индии¹. Один из подвидов оленей – иранская лань (*Dama mesopotamica*) – олень с белыми пятнами на шкуре, ареал обитания которой охватывает Южный и Северо-западный Иран, Северный Израиль и некоторые районы Ирака². Уриал (горный баран – *Ovis orientalis vignei*), который до сих пор водится по среднегорьям (до 3-х тыс. м до уровня моря) на обширной территории от Ирака до Пакистана³. Заметим, что из всех изображенных на тахтисангинских ножнах животных, в период функционирования памятника только азиатский лев и уриал обитали в районе расположения Тахти-Сангина. В этих местах всегда водился бухарский (благородный) олень (*cervus elaphus bactrianus*), который не имеет пятен на теле, как иранская лань, изображенная на тахтисангинских ножнах. Отсюда следует, что эти ножны сделаны не местным бактрийским, а, вероятнее всего, персидским мастером, так как, то, что мастер видел своими глазами, то и изобразил. Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян полагают, что на ножнах акинака мог быть изображен бухарский олень (иначе – «хангул»)⁴. Ученые отмечают, что белые пятна свойственные молодым особям бухарского оленя, «а иногда и у взрослых вдоль темно-бурой полосы, идущей по хребту, по ее бокам, от холки до хвоста – ряд белесых кругловатых пятен, такие же пятна по туловищу и на ногах, в частности на бедрах»⁵. Однако, подобный окрас абсолютно не характерен для взрослого бухарского оленя. Известно, что пятнистость характерна для новорожденных оленят этой расы благо-

---

¹ См.: Соколов В.Е. Редкие и исчезающие животные. Млекопитающие: Справочное пособие. М.: Высшая школа, 1986. С. 336; Фишер Д., Саймон Н., Винсент Д. Красная книга. Дикая природа в опасности. Пер. с англ., под ред. А.Г. Банникова, М.: Прогресс, 1976. С. 108-112.

² Соколов В.Е. Редкие и исчезающие животные. Млекопитающие: Справочное пособие. М.: Высшая школа, 1986. С. 383.

³ Редкие млекопитающие фауны СССР. Сборник. М.: Наука, 1976. С. 121-122.

⁴ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. 1981. № 3. С. 93-94.

⁵ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. 1981. № 3. С. 94.

родных оленей. И держится она до сентября, когда начинается первая линька, и к октябрю обычно совсем исчезает¹. У благородных (бухарских) оленей пятнистость в окраске у взрослых, как правило, отсутствует. Лишь иногда у самок, и только в летней шерсти она заметна в виде неясных различных пятен по бокам хребта, в задней части туловища и на бедрах. На лопатки, плечи и шею пятнистость никогда не заходит². Тем самым, можно заключить, что пятнистость характерна именно иранской лани. Еще одно свойство настоящих оленей заключается в ежегодной смене рогов. То есть рога как таковые, в наличии только у взрослых самцов в период с осени до конца зимы. Таким образом, на тахтисангинских ножнах акинака, несомненно, изображен половозрелый самец иранской лани.

Возникает вопрос: «Как этот артефакт мог попасть в Тахти-Сангин?». Известно, что акинак – это оружие воина-всадника. По всем признакам видно, что тахтисангинские ножны принадлежали богатому воину, а может быть и представителю царского дома. Возможно, что обладатель этих ножен был участником военного похода ахеменидского войска в Бактрию. Они могли быть военным трофеем знатного бактрийца, который сражался против Ахеменидов, когда те вторглись в Бактрию и пожертвованы им в храм Окса.

Обратимся к перстню позднеахеменидского периода³, на котором изображен всадник. Перстень в форме золотой печати с плоской овальной бирюзовой вставкой, на поверхности которой углубленное изображение всадника (рис. 24.). Голова всадника упирается в верхнюю часть овала (по длинной оси).

---

¹ Фауна СССР. Млекопитающие. Т. I. Вып. 3. Соколов И.И. Копытные звери (Отряды Perissodactyla и Artiodactyla). М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 230.

² Фауна СССР. Млекопитающие. Т. I. Вып. 3. Соколов И.И. Копытные звери (Отряды Perissodactyla и Artiodactyla). М., 1959. С. 207-208.

³ Зеймаль Е.В., Зеймаль Т.И., Литвинский Б.А., Маршак Б.И., Негматов Н.Н. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Отв. ред. Е.В. Зеймаль. Душанбе: Дониш, 1985. С. 94, № 216; Tadjikistan au pays des fleuves d'or. Paris: Musée national des arts asiatiques – Guimet, 2021. Cat. 55..

Изображение достаточно условное и в основном выполнено углубленными штрихами, лишь часть головы и крупа лошади – выемкой плоскости. Конь движется влево, его ноги согнуты в коленях, показаны копыта. Всадник сидит на коне, согнутые в коленях нижние части ног слегка отведены назад, носки оттянуты вниз и вперед. Голова дана совершенно условно. В руках всадник держит поводья. Сзади в левом боку прикреплен горит, из которого выступает верхняя часть угловатого лука с загнутым в петлю концом. Переход от плеч к «рогам» – с резким изломом. Рукояти не видно¹.

Образ всадника в материальной и духовной культуре народов Центральной Азии возник еще в каменном веке и присутствует во всех исторических периодах. Как символ высшего общества, общества царей и неуязвимой воинской отваги, он окончательно сформировался в духовной среде древних иранских народов. О.И. Каландарова, проведя анализ семантики ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда с изображением всадника, в том числе перстня из Тахти-Сангина, справедливо отмечает, что у местного населения образ всадника окончательно сформировался в период сложения «Авесты», то есть в конце II – начале I тыс. до н.э. Ученая полагает, что у древних иранцев всадник ассоциировался с Митрой и приводит примеры из источника. Она пишет: «В источнике говорится, что Митра восседает на колеснице, запряженной четырьмя конями («Яшт» 10.13,47,52,66,125,143). Митра «быстрейший среди быстрых, из всех благих – благой, смелейший среди смелых, отважный среди отважных» («Яшт» 10.65). Именно таким и должен быть воин-всадник. Далее в источнике говорится об обмундировании Митры: он с «копьем из серебра и в золотых доспехах» («Яшт» 10.112). В «Авесте» отмечено также, что Митра «держит оружие победное, ... сильнейший из сильнейших, смелейший из смелейших... за ним, победоносным, стре-

---

¹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 145-146.

мится следом Хварно...» («Яшт» 10.141). Подобное описание Митры в «Авесте» свидетельствует о связи образа Митры с образом воина-победителя. Однозначно, образ всадника на ювелирных украшениях Бактрии-Тохаристана и Согда появился в авестийский период и ассоциировался именно с Митрой»¹. Таким образом, всадник, изображенный на перстне из Тахти-Сангина, согласно приведенному из «Авесты» описанию образа Митры, ассоциируется с этим авестийским божеством. Заметим, что в Большом кладе Окса (ОТ-2), предметы, которого находятся в Михо Музее, имеется золотая пластина (V-II вв. до н.э.) с изображением всадника с оружием в руках².

К зороастрийской культуре принадлежит также навершие с изображением бычка³ позднеахеменидского времени, найденное в центральном четырехколонном зале. Навершие желтоватого цвета с блестящей поверхностью имеет вид короткого подквадратного в сечении стержня (трубки), по высоте незначительно повышающегося вперед (21 и 23 мм). Верхняя горизонтальная плоскость прямоугольная; нижняя – суживается вперед (19 и 17 мм), причем сужение продолжается до переднего торца и является особенно резким в передней четверти, где ширина нижней плоскости значительно уменьшается (до 10 мм). Три плоскости – щеки стержня – не вполне плоские, а слегка выпуклые, нижняя плоскость в сечении прямая. Если располагать предмет горизонтально, то задний торец стержня не вертикальный, а скошен по отношению к горизонтальным плоскостям таким образом, что низ торца отступает назад от передней части предмета. От торца вглубь предмета уходит

---

¹ Каландарова О.И. Семантика сюжетов ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06; 07.00.09. Душанбе, 2021. С. 101.

² Catalogue of Treasures of Ancient Bactria. Shigaraki: the Miho Museum, 2002. No.75 j.

³ Зеймаль Е.В., Зеймаль Т.И., Литвинский Б.А., Маршак Б.И., Негматов Н.Н. Древности Таджикистана. Каталог выставки. Отв. ред. Е.В. Зеймаль. Душанбе, 1985. С. 93, № 214.

глухой канал. Он – двухъярусный, в верхней части с выпуклыми стенками, сужающийся вниз, где он завершается неглубоким цилиндрическим гнездом.

Передняя более длинная, чем стержень, часть предмета занята рельефным изображением стилизованной головы животного. Голова, особенно ее боковые и передние плоскости, в значительной мере геометризированы. Верхняя плоскость морды напоминает личину. Верхний ее край выпуклый и округлениями переходит в боковые части, в нижней половине двумя боковыми вырезами, сужающимися вниз. Основание «личины» имеет вид вытянутого полуовала. Эта «личина» как бы наложена на плоскость, причем сверху «личина» высокорельефна, внизу же возвышается очень незначительно». «Личина» имеет значительный продольный выгиб. В верхней, более рельефной части два сильно углубленных кружковых гнезда (диаметр 6-6,5 мм), в которые вставлены по два колечка: внешнее, более толстое, – темно-синего цвета, внутреннее, более тонкое, – белого. Остающийся в центре «зрачок», возможно, также был заполнен. Эти глаза находятся не на боковой поверхности, а на фронтальной. «Личина» как бы наложена на нижележащую плоскость, что особенно ярко видно внизу. Эта нижележащая прямоугольная плоскость незначительно суживается к концу. У прямого поперечного конца, параллельно ему и рядом с ним, неглубокий желобок, на краях которого несколько более глубокие маленькие (диаметром ок. 1мм) кружки-гнезда. Так, очевидно, переданы ноздри.

От верхней рельефной части («лоб», «верхняя часть головы») отходят назад положенные горизонтально на плоскость стержня, высокорельефные лопасти ушей. Если глядеть сверху, то они имеют в плане вид пирамидок, разделенных на две части продольным желобком. Вдоль желобка обращенные выпуклиной в противоположные стороны рельефные полуовалы. У задней, треугольной, части пирамиды на вертикальных частях сделано по глубокому продольному желобку, у которых

близ внешнего конца имеется кружковое гнездо (=ушное отверстие)¹.

Передняя торцовая часть штыря, то есть передняя плоскость морды, не вертикальная, а внизу незначительно отклоняется назад. Вдоль верхнего и боковых обрезов проходит П-образный желобок. Внизу переход к основанию стержня округлый, плавный. Боковины морды плоские. От ушей к торцу на каждый из боковин идет по овалу, образованному плоскими рельефными валиками (ширина овала – 6-6,5 мм, расширяется вверх). Овалы были заполнены темно-синими стеклянными треугольными пластинками².

О том, что навершие с изображением бычка носит сакральный характер, нет никакого сомнения. В зороастрийской мифологии быку и корове отведено особое место. Так, в древнейших частях «Авесты» – «Гатах», авторство которых приписывается Заратуштре, корова является символом счастья, радости и удачи (Ү 47. 3; 50. 2). В поздней зороастрийской традиции отмечен Гопатшах в образе быкочеловека (МХ 62.31-36; Vd 29.5; 31.20, 22) о котором мы упоминали выше. Бык является также одной из ипостасей бога Веретрагны («Яшт» 14. 7) и Тиштрии («Яшт» 8.16). Заметим, что в устном народном творчестве современных таджиков сохранились предания, связанные с коровой. Следует отметить, что Б.А. Литвинский отмечает близость навершия с изображением быка из храма Окса с двумя подобными предметами из Амударьинского клада, указывая, что все они могли происходить из одной мастерской³.

Среди находок эллинистического и кушанского периодов отмечены артефакты, семантика сюжетов которых также имеет зороастрийские корни. Например, приведенные выше рельефная овальная серебряная пластина с позолотой с изоб-

---

¹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 151-152.

² Там же, с. 152.

³ Там же, С. 154-155.

ражением крылатой богини (IV-III вв. до н.э.) (рис. 23а) и серебряная статуэтка (II в. до н.э.) (рис. 23б). Оба артефакта олицетворяют собой авестийскую богиню Ардвисуру Анахиту.

Обратим внимание на крышку сосуда (рис. 11), обнаруженную в 2003 г. в южной части городища Тахти-Сангин (участок Юг-2), о которой мы говорили во второй главе. Для нас представляет интерес оформление внешней поверхности крышки, при изготовлении которой мастер применил технику инкрустации из тонких каменных пластин и резьбы. Борт крышки имеет два узких и одно широкое орнаментальное поле. Внутреннее узкое поле инкрустировано треугольниками, а широкое – зооморфным фризом, запечатлевшим по две пары лошадей и газелей. Фигуры животных (по две пары лошадей и газелей) разделены розетками, крестами и вытянутыми прямоугольниками. Подобное сочетание встречается впервые.

По причине отсутствия в восточно-иранских языках названия и этнографического термина сосудов, которым закрывалась данная крышка, А.П. Дружинина определяет их название как сосуды-пиксиды, которые в древней Греции служили для хранения мазей, пряностей и украшений¹. Ученая подвергает сомнению подобное функциональное назначение таких сосудов в Северной Бактрии, в том числе и в Тахти-Сангине². Следует отметить, что с применением техники инкрустации из камня и пасты, а также перегородчатой эмали выполнена известная золотая пластина с изображением бактрийца, ведущего верблюда из храма Окса, а также некоторые предметы из Большого клада Окса (ОТ-2)³.

---

¹ Дружинина А.П. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории древней Бактрии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 3(19). С. 101.

² Дружинина А.П. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории древней Бактрии. С. 102, 104.

³ Е.В. Зеймаль. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979. С. 45; Cat-

Что касается оформления крышки, то изображенные на ней животные – лошади и газели – фигурируют в зороастрийской мифологии, особенно лошади, и это не является случайным. Значение лошади/коня в жизни народов Центральной Азии всегда играло и продолжает играть большую роль. О том какое значение имел конь для древних иранцев свидетельствует «Авеста», где кони сопровождают главных божеств авестийского пантеона. Так, одним из воплощений Вэртрагны является белый конь, над чьей головой вздымались «Мощь и сила» («Яшт» 14. 9). Богиня плодородия Ардвисура Анахита восседает в колеснице, запряженной четырьмя белыми жеребцами («Яшт» 5. 11, 12). В источнике есть строки, содержащие важную информацию:

«И четырех ей (Анахите) создал
Ахура жеребцов,
Те кони – Дождь, и Ветер,
И Облако, и Град.
Они ей постоянно
Льют влагу, О Спитама,
Поят её росой,
Числом неисчислимым
Ей сыплют снег и град»

(«Яшт» 5. 120)

Ассоциация жеребцов с дождем, ветром, облаком и градом указывает на прямую связь коня с культом плодородия. Солярное божество Митра обладает также «быстрыми», «яростными», «четырьмя белыми конями» («Яшт» 10. 12,47,52,76,102,125,132,136,143), которые запряжены в колесницу. И на колеснице этой Митра пролетает над Хваниратой («Яшт» 10. 67). Бог Тиштрия, управляющий дождем и всеми водами, мчится на белом коне с золотой уздой («Яшт» 8. 20, 26). Таким образом, конь у древних иранцев связан с силами

природы, контролируемые Ардвисурой-Анахитой – богиней плодородия, Митрой – солнечным божеством, Вэртагной – богом ветра и Тиштрией – богом дождя, от которых зависит земледельческий цикл.

Следует отметить, что у таджиков и других народов Центральной Азии до сих пор существуют предания, связанные с лошадью, корни которых уходят в доисламский период, когда зороастризм был господствующей религией в регионе.

Как важный аргумент для нашего исследования следует привлечь диссертационную работу О.И.Каландаровой, которая провела анализ семантики сюжетов восемнадцати перстней-печатей с зооморфными и антропоморфными образами, а также трех наременных пряжек с антропоморфными и зооморфными изображениями и две подвески в виде рыбы и дракона из Тахти-Сангина¹. Ученая, проведя сравнительный анализ тахти-сангиновских находок с письменными источниками, этнографическим материалом и таджикским фольклором, приходит к выводу о том, что семантика практически всех сюжетов ювелирных украшений из Тахти-Сангина основаны на зороастрийской традиции². Приведем в пример, обнаруженные в 2007 и 2008 гг. амфоровидные подвески с коралловой сердцевиной, жемчужиной и золотыми ручками в виде дельфино-драконов (рис. 16а). Средняя часть «амфоры»- коралл, верхняя и нижняя – жемчуг. Ручки «амфорки» в виде стилизованной рыбы. На конце стержня подвески – жемчужина и пирамидка из зерни³.

---

¹ Каландарова О.И. Семантика ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06. Душанбе, 2020. С. 18-19.

² Каландарова О.И. Там же, с. 189-191.

³ Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм № 17 и № 18 // АРТ. 2009. Вып. XXXIII (2007 г.). С. 111, рис.13.5; Дружинина А., Инагаки Х., Худжагелдыев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. 2009. Вып. XXXIV (2008 г.). С. 197, рис. 9.1-3); Druzhinina A.P., Khudzhageldyev T.U., Inagaki H. The results of archaeological excavations at Takht-i Sangin in 2008 // Bulletin of Miho Museum. 2011. Vol. 3. P. 20, fig. 9.1a; Tadjikistan au pays des

Аналогичные амфоровидные подвески-серьги найдены в Тулхарском (II в. до н.э. – I в. н.э.) и Бишкентском (I-II вв. до н.э.) могильниках¹.

О.И. Каландарова отмечает, что среди сокровищ Амударьинского клада имеется фигурка золотой рыбки, которая выполнена чеканкой из одной пластинки. Чешуя изображена по всей поверхности регулярно повторяющимися дужками, плавники проработаны чистыми параллельными линиями. Во рту втулка с утолщающейся кромкой, как если бы рыба служила сосудом и была снабжена пробкой. Над левым плавником – кольцо для подвешивания².

Культ рыбы перекликается с мотивами зороастрийских мифов и связан с царским тронном. В «Авесте» несколько раз упоминается рыба Кара. Из источника мы знаем, что она живет в водах Ранхи и обладает острым зрением («Видевдат» 19.42; «Яшт» 14.29). О рыбе Кара говорится также в «Бундахишне» и «Меног-е Храде» («Бундахишн» 14. 12; 24. 13; «Меног-и Храд» 62. 29-30), где она отмечена в единственном числе. В «Бундахишне» имеется отрывок, где этих рыб десять, и они плавают в океане Варкаш вокруг острова и неусыпно стерегут Хаому. В пречистом океане нет никакой пищи, ничего съедобного – однако Каре пища и не нужна: жизненную силу в её теле поддерживают Атар и Аша – Истина, чей дух разлит по всему миру («Бундахишн» 18.3)³. Ученая приводит сведения о рыбе из легенд и фольклора таджиков. Так, с культом рыбы они связывают понятие о водяной фее «парии оби». Культ доброго божества Амударьи, Вахша связан с культом плодородия. В таджик-

---

fleuves d'or. Paris: Musée national des arts asiatiques – Guimet, 2021. Cat. 56

¹ Национальный музей древностей Таджикистана. Альбом. Под общ. ред. Р.М. Масова и С.Г. Бобомуллоева. Автор-составитель М.А. Бубнова. Душанбе, 2005. С. 122, рис. 8, 10.

² Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. С. 95.

³ Каландарова О.И. Семантика ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Душанбе, 2020. С. 151-152.

ских сказках «парии оби» помогает людям, выбрасывая на берег драгоценности с речного дна¹.

Таким образом, семантический и иконографический анализ находок из Тахти-Сангина датируемых ахеменидским, эллинистическим и кушанским периодами, свидетельствуют о преемственности традиций из поколения в поколение, корни которых следует искать в зороастризме. Эта религия родилась в эпоху бронзы, в период, когда расцвела идея плодородия, одна из основ мироздания. Она отражена в разных сюжетах и олицетворена в разных образах. Помимо богини плодородия Ардвисуры Анахиты она воплотилась и в других божествах авестийского пантеона, а также в образах животных, которые так или иначе связаны с земледельческим циклом. Несмотря на приход новых культур, которые имели определенное влияние на население Бактрии и других историко-культурных областей Центральной Азии, идея плодородия продолжала существовать в разные исторические периоды, дожив до наших дней.

Особо следует подчеркнуть сходство артефактов из храма Окса с предметами из Амударьинского клада (The Oxus Treasure)², которые в основном датируются ахеменидским периодом. В связи с этим выдвигается предположение о происхождении Амударьинского клада из храма Окса³. Исследуя предметы из этого клада, Дж. Куртис, главный хранитель Музея пришел к заключению: «Представляется наиболее вероятным, что мы имеем дело с храмовым сокровищем, коллекцией ценных объектов, собранных вместе в храме на протяжении определенного периода и представляющих достояние этого

---

¹ Каландарова О.И. Там же, с. 153.

² Dalton O.M. The Treasure of the Oxus with other exemplar of early oriental metal-work. London: Trustees of the British Museum, 1964. LXXVI, 75, XL p; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л.: Искусство, 1979. 95 с.

³ Bernard P. Le temple de Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas? // Studia Iranica. 1994. Tome 23. P. 85-114 ; Рапен К. Святые места Средней Азии в эпоху эллинизма (Состояние вопроса) // ВДИ. 1994. № 4. С. 129.

храма»¹. Автор работы поддерживает точку зрения Дж. Куртиса и считает, что предметы Амударьинского клада являлись подношением богине Ардвисуре в Храм Окса в течение длительного времени, возможно, не одно столетие.

Анализ золотых пластин из Амударьинского клада показал, что их металл является сплавом, который содержит от 69 до 98 % золота, от 1 до 16 % серебра, от 0,6 до 6,8 % меди и другие примеси. Золото имеет аллювиальное происхождение², что очень важно для нашего исследования, так как на юге Таджикистана до сих пор производится добыча аллювиального золота³. Культовый характер (подношение) предметов Амударьинского клада: культовые фиалы, металлические стержни барсома, votивные статуэтки, свыше полусотни золотых пластин с изображением донаторов и жрецов Окса, халцедоновый цилиндр с зороастрийскими символами и наличие в Бактрии больших запасов аллювиального золота, говорит об их принадлежности Храму Окса.

Заметим, что в Храме Окса найдено более одной тысячи votивов, которые помещались в ботросах, а также в культовых оградках о фависсах, а когда они были заполнены, то и сами коридоры храма были превращены в огромные хранилища votивов.

Датировка большого количества предметов из храма Окса, особенно золотой пластины с изображением бактрийца, ведущего верблюда в качестве подношения храму в пределах VI

---

¹ Curtis J. Franks and the Oxus Treasure // A.W. Franks. Ninetennth-Century Collecting and the British Museum. Ed. by M. Caygill and J. Cherry. London: British Museum Press, 1997. P. 235.

² Curtis J., Searight A. The Gold Plaques of the Oxus Treasure: Manufacture, Decoration and Meaning // Culture through Objects: Ancient Near Studies in Honour of P.R.S. Moorey. Ed. by T. Potts, M. Roaf, D. Stain. Oxford: Griffith Institute, 2003. P. 219-240; Cowell. M.R. Analysis of Gold Plaques from the Oxus Treasure // Culture through Objects: Ancient Near Studies in Honour of P.R.S. Moorey. Ed. by T. Potts, M. Roaf, D. Stain. Oxford: Griffith Institute, 2003. P. 241-243.

³ Бубнова М.А. Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI-XIX вв. М.: Наука, 1975. С. 63-65.

– середины V вв. до н.э., дала основание Б.А Литвинскому предположить, что на городище Тахти-Сангин был более древний храм, а когда он пришел в ветхость, то был построен храм Окса, куда были перенесены сокровища из старого храма¹.

К. Рапен считает, что структура храма Окса, его план и обнаруженные при раскопках остатки комнат для хранения вечного огня (атешгахи), отвечают архитектурной традиции храмов огня иранского мира².

Об основных особенностях планировки иранских храмов огня четко высказался И.Р. Пичикян: «Храм Окса, благодаря хорошей архитектурной сохранности монументальных (мощностью до 3,4 м) сырцовых стен, возвышавшихся от материка до современной дневной поверхности (до 5 м в высоту), и богатству нетронутого археологического заполнения (в нем найдено более 5000 посвященных предметов) – наиболее полный целостный комплекс из всех восточных храмов Средней, Центральной Азии и Ирана ахеменидского и эллинистического периодов. Полученная завершенная планировочная композиция храма Окса (51x51 м), ставшая эталонной, позволила установить правомочность известных в настоящее время около десяти планов иранских храмов огня, раскопанных в конце XIX и первой половине XX вв., создать методику атрибуций на основе выявленных атешигахов – двух «хранилищ вечного огня», обязательно примыкающих с фасада небольших помещений и присущих всем храмам этого типа, дать новую реконструкцию

---

¹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3. С. 39.

² Рапен К. Святилища Средней Азии в эпоху эллинизма. С. 129; Rapin C., and Khasanov M. Les traditions architecturales de l'époque achéménide à l'époque hellénistique // *Asie centrale. Transferts culturels le long de la Route de la soie*. M. Espagne, S. Gorshenina, F. Grenet, et S. Mustafayev (dir.), Paris, Vendémiaire, 2016. P. 62-95 ; Rapin C. Les sanctuaires de l'Asie Centrale à l'époque hellénistique: état de la question // *Études de Lettres : revue de la faculté des lettres de l'Université de Lausanne*. P. 113-120. См. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://doi.org/10.5169/seals-870449> (Дата доступа: 31/07/2023).

храма огня в Персеполе¹, пересмотреть и прояснить назначение каждого из помещений во внутренней структуре храмов, реконструировать процесс происходящих в них общественно-религиозных церемоний. Рад отметить, что Д.Стронах первым правильно вычленил храм огня в Персеполе из общей застройки. План Д.Стронаха почти в точности совпадает с моей реконструкцией этого храма, к которой я пришел на основе раскопок на Тахти-Сангине².

Ядром храма является центральный четырехколонный зал со сторонами, близкими к 12 м, общей площадью около 144 кв.м. Главный вход четырехколонного зала обращен на восток, Перед ним расположен восьмиколонный айван. Два других монументальных дверных проема (шириной и глубиной около 3 м) обращены на север и юг и ведут из центрального зала в коридоры, Г-образные по форме, состоящие из двух расположенных под прямым углом короткого (12 м) и длинного (20,5 м) отрезков. Южный дверной проем ведет из центрального зала в коридор № 1 (номера коридоров условны – они давались в последовательности открытия). Он представляет собой длинное помещение (около 3x12 м), которое через проем № 2 (шириной 1 и глубиной 3 м) соединяется с коридором № 2 (3,4x20,5 м), расположенный перпендикулярно коридору № 1 и заходящим за центральный зал с западной стороны. Таким образом, коридорообразные помещения № 1 и № 2 составляют один Г-образный коридор, охватывающий центральный четырехколонный зал с юга и запада. Второй Г-образный коридор также составлен из двух отрезков: северного № 3 (3,4x12 м) и западного № 6 (3,4x26 м).

---

¹ Stronach D. On the Evolution of the Early Iranian Fire Temple // Acta Iranica. Leiden, 1985. Vol. 25 (serie2, Vol. 11).

² Пичикян И.р. Композиция храма Окса в контексте архитектурных сопоставлений // Инф.бюл. МАИКЦА. М., 1987. Вып. 12. С. 42-62, рис. 3.1; Он же. Храм огня в Персеполе, Композиция, дата, атрибуция // Инф.бюл. МАИКЦА. М., 1990. Вып. 16. С. 45-58.

Нами делается попытка реконструировать геометрический каркас, которым пользовался архитектор, проектируя храм Окса. В настоящее представляется, что древний архитектор – строитель храма Окса – пользовался жесткой геометрической сеткой построений.

Центральный зал и два охватывающих его обводных коридора образуют в плане по внешнему периметру квадрат со сторонами, близкими 32x32 м. К этому квадрату с востока примыкает смежный с ним вытянутый (и слегка заходящий на квадрат) прямоугольник, составленный из трех почти идентичных по величине квадратов со сторонами около 17x17 м, в целом – 51x17 м.

Центральным квадратом этого прямоугольника был восьмиколонный айван, а примыкающие к нему северный и южный квадраты – комплексами приайванных помещений. Внутренняя планировка этих квадратов абсолютна зеркальна по отношению друг к другу: в каждом из квадратов размещено по коридору № 4 и № 5 (3x9,5 м), приалтарному № 6 и № 8 (5,5x2,5 м) и алтарному № 5 и № 7 (5,4-5,5x5,2-5,3 м) помещению; последние атрибутируются (по насковзь прокалившимся стенкам, наличию центрального насковзь прокаленного сырцового жертвенника и дополнительных четырех угловых алтариков, а также по засыпи, состоящей из золы и угольков) как атешгахи, хранилища «вечного», постоянно поддерживаемого огня. Все помещения соединены между собой узкими (1,2 м) дверными проемами: айван с алтарным помещением, алтарное с приалтарным, а приалтарное с коридорами № 4 (на юге) и № 5 (соответственно в северном комплексе приайванных помещений). Помимо этого, каждое приалтарное помещение было снабжено выходом наружу – на священную площадь перед храмом. В тесных алтарных помещениях не могло находиться более четырех-пяти человек, в особенности при постоянно поддерживаемом на центральном алтаре-жертвеннике огне. На крайних флангах фасада расположены башеннообразные сооружения с внутренними помещениями (примерно 3x3 м). Башни не несли

оборонных функций: их выходы обращены не внутрь храма, а наружу, к площади. При общей ширине храма по фасаду 51 м, его длина, составленная из нескольких отрезков (32+9,5+3,5+6 м) равна его ширине¹. Таким образом, перед нами предстает эталонный образец храм огня.

Для нас важен вывод Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна о том, что наличие в храме Окса двух атешгахов – хранилищ огня, ям, заполненных чистой золой, колодца, бассейна для воды – все это указывает на то, что здесь функционировал храм огня². Мы поддерживаем мнение этих ученых, чьи выводы, а также принадлежность Амударьинского клада к храму Окса дают основание предположить, что первоначально этот храм был все-таки зороастрийским. Об этом свидетельствуют находки на памятнике последних лет. Так, в 2004, 2006-2010 гг. на площади перед храмом был обнаружен и раскопан колодец культового назначения со ступенчатым спуском. Наличие в нем ступенек и резервуара, а также площадки с костями жертвенных животных³ являются еще одним подтверждением того, что это сооружение связано с культом воды и божества Окса.

Мы уже говорили о культе стрелы, который известен у многих народов Центральной Азии и был связан с культом солнца и плодородия⁴. В «Михр-яште» бог Митра сопровождается стрелами (10.101-102, 129). До раскопок на городище Тахти-Сангин в Центральной Азии на археологических памятниках, которые функционировали в этот же период (Кой-

---

¹ Пичикян И.Р. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1988 года Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия) // АРТ. 2008. Вып. XXXII. С. 226-228.

² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса (Южный Таджикистан). Т.1. С. 188.

³ Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. 36 (2010 г.). С. 149-153, 157-159; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Инагаки Х. Отчет о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2010 гг. Работы на площади храма Окса в раскопах № 17 и № 18 // АРТ. 2016. Вып. XXXVIII (2012). С. 280-316.

⁴ Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». С. 138.

Крылган-кала, Ай-Ханум и др.), встречались лишь одиночные экземпляры, редко – десятки наконечников стрел. Здесь же найдено несколько тысяч наконечников стрел, как железных, так и бронзовых¹. Они находились в культовых ямах-ботросах, а также были разбросаны по всему залу и коридорам.

Найденные в храме Окса вотивный постамент и глиняная форма с надписями – это посвященные дары божеству Окса. Если Апам-Напат («Бог среди вод», «Яшт» 19.52) и Митра – два равных бога, которые ассоциировались с огнем и водой², а Митра в свою очередь – с Ахура-Маздой, то вполне возможно, что те, кто приходил в храм со своими просьбами, обращались и к нему.

Храм Окса у истоков Амударьи: причины его строительства и сакральная значимость

Функциональное назначение храма и его религиозную принадлежность может определить, на наш взгляд, ответ на вопрос о причине воздвижения храма именно в этом месте. Тахти-Сангин находится в месте слияние Вахша и Пянджа, давшее начало образованию Амударьи, одной из крупнейших рек Центральной Азии. Земледелие в Центральной Азии орошаемое, поэтому все реки и водоемы возводились нашими предками в ранг священных. Амударью древние иранские народы называли Вахви-Датией³. В Бактрии и других историко-культурных областях Центральной Азии сначала эта река,

---

¹ Пичикян И.Р. Культовый комплекс на Каменном городище // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1979. С. 89; Он же. Тахти Сангин: Открытие культовых закладов // АО 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 206-210; Пичикян И.Р., Дубровин И.Р., Сарабьянов В.Д. Открытие ботроса на Каменном городище // АО 1977 г. М.: Наука, 1978. С. 560-561.

² Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. I. P. 40-45. О связи культа огня и воды писал также Б.А. Литвинский. См.: Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса (Южный Таджикистан). Т.1. С. 267, 325-326.

³ См.: Об отождествлении авестийской реки Вахви-Датия см.: Ходжаева Н.Дж. Историческая география Центральной Азии. Душанбе, 2017. С. 105-134.

как и другие, ассоциировались с Ардвисурой Анахитой, богиней воды и плодородия, потом она персонифицировалась в образе божества воды, то есть Вахша-Окса. На всех этапах функционирования городища Тахти-Сангин его жители приносили подношения в виде даров Амударье с просьбами к Ардвисуре Анахите о хорошем урожае, о чем свидетельствует «Авеста» («Яшт» 5.1). Дары эти приносились в храм, который был сооружен в честь реки Амударья и сейчас известен как храм Окса.

Заметим, что храм Окса развернут на восток, в сторону солнца и Амударьи. И такое его месторасположение выбрано не случайно. Так, астроархеологические исследования А.А. Голода¹, который работал на городище Тахти-Сангин в составе Тахтикубадского отряда, выявили еще одну, на наш взгляд, важную причину строительства храма в этом месте. Исследователь пишет: «Уникальная возможность встроить святилище в «работающие» природные визиры наблюдения восхода и захода солнца в дни равноденствия определила место возведения святилища. Об этом астрономо-географическом феномене территории между каньоном реки Пяндж и перевалом через хребет Тешик-Таш архитекторы – строители – жрецы святилища могли знать до повеления о строительстве святилища и знали, несомненно, приступая к его возведению. Это знание отражено в местоположении и в архитектурных особенностях храма. Полагаю, надежность фиксации дат равноденствия позволяла «храмовым астрономам» точно вычислить даты очередного равноденствия и, как следствие, возможно, включать мистические солярные ритуалы в храмовые культы»².

---

¹ Голод А.А. Гипотеза о месте выбора возведения храма Окса // Мероси Ниёгон /Наследие предков. 2012. № 15. С. 139-159; Он же. Храм Окса на городище Тахти-Сангин в Южном Таджикистане. Гипотеза о выборе места возведения храма // Восток (Oriens). 2013. № 5. С. 100-113; Он же. Гипотеза о выборе места возведения храма Окса (Астроархеологическое исследование храма Окса) // Bulletin of MIHO Museum. 2021. Vol. 21. P. 71-100.

² Голод А.А. Гипотеза о выборе места возведения местного святилища

А.А. Голод отмечает, что к подобному выводу он пришел в результате расчетов теоретического анализа возможности избранной территории определять даты равноденствия. В дни равноденствия с территории храма восход Солнца наблюдается в центре восточного створа каньона реки Пяндж и заход – в нижней точке перевала через хребет Тешик-Таш. Этот астрономо-географический феномен участка территории на возвышенном западном берегу Окса был, возможно, известен «архитекторам святилища» или открыт ими при поисках места для круглогодичного наблюдения восхода и захода Солнца. Уникальная возможность строить святилище в «работающие» природные визеры наблюдения восхода и захода Солнца в дни равноденствия определила место его строительства¹.

О том, что древние иранцы обладали астрономическими знаниями свидетельствуют зороастрийские источники («Видевдат» 2.7; 22-25, 40-41; МХ 9.7; 12.4-10; 49. 12-23; Вд 5.5,7; 12.6; 44.8-10 и т.д.). В «Авесте» звезде Сириусу – Тиштрии посвящен отдельный гимн («Яшт» 8). Знания эти необходимы были в связи с их хозяйственной деятельностью. Выше мы отмечали, что в Центральной Азии земледелие орошаемое и с древнейших времен от разлива рек, наступления сезонов дождей или засухи зависела жизнь земледельцев, которые наблюдали за небесными светилами и знали, что с днями равноденствия связана смена времен года. Так, возник земледельческий календарь солнечного летоисчисления, который стал основой «зороастрийской» календарной системы. Время и место ее создания предположительно – начало I тыс. до н.э., северо-восточный Иран², то есть современный Афганистан и Таджикистан, где расположен Тахти-Сангин.

(Астроархеологическое исследование памятника Храм Окса) // Bulletin of Miho Museum. 2021. Vol. 21. С. 79.

¹ Голод А.А. Гипотеза о выборе места возведения местного святилища (Астроархеологическое исследование памятника Храм Окса) // Bulletin of Miho Museum. 2021. Vol. 21. С. 86.

² См.: Рак И.В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана. СПб.-М.:

Чтобы урожай был богатым, древние земледельцы проводили различные ритуалы и обряды, в результате чего, сложился целый цикл аграрно-земледельческих праздников, связанный с этим видом деятельности человека. Они были связаны с определенным временем года, и поэтому их дата не должна была смещаться вместе с официальным календарем¹. Такowymi являются самые главные зороастрийские праздники: Навруз, Тиргон, Мехргон и Сада, связанные с циклом земледельческих работ. Следует отметить, что эти праздники продолжают отмечать в Таджикистане и в наше время.

Навруз (фарси, тадж. «новый день») знаменует собой начало сельскохозяйственных работ и совпадает с днем весеннего равноденствия – 21 марта. Тиргон – праздник дождя и отмечается 3-4 июля. Этот праздник выпадает на время засухи. Праздник назван в честь ангела Тира, ангела дождя. В «Авесте» ему посвящен восьмой гимн – «Тиштр-яшт», в котором излагается борьба Тиштрии с демоном засухи Апаошей («Яшт» 8. 21-28). Древние иранские народы обращались к Тиштрии с просьбами о дожде для хорошего урожая и Тиштрия выполнял их просьбу («Яшт» 11. 36, 42). Мехргон – праздник в честь Митры, бога договора, дружбы и любви, которому посвящен десятый гимн «Авесты» – «Михр-яшт». Он совпадает с осенним равноденствием и с периодом сбора урожая, поэтому отмечается как праздник сбора урожая и солнечного света. Тем самым завершает цикл земледельческих работ. Сада – праздник огня и предвестник весны и знаменует начало подготовки к пахотным работам. Его отмечают 30 января, то есть за сто дней до наступления Навруза. Праздник Сада связан со светилом и имеет непосредственное отношение к Солнцу – Хуршед и его олицетворению – огню - *ошаи*.

«Журнал “Нева” – «Летний Сад», 1998. С. 524.

¹ Грене Ф. Земледельческие и скотоводческие культы Согдианы: тексты и образы // Муаррих/Историк. Душанбе, 2016. № 1 (5). С. 45-46.

Вновь обратимся к вышеупомянутым стихам из «Ардвисур-яшта», где говорится, что жеребцами, которые несут богиню Ардвисуру Анахиту, являются дождь, ветер, облако и град, льющие влагу и сыплющие снег и град («Яшт» 5.120). От этих сил природы зависит будущий урожай, поэтому для населения Бактрии было важно обращаться с просьбами о хорошем урожае к богине Ардвисуре Анахите, которые выражены в другом отрывке «Ардвисур-яшта»:

«... Молись ей, о Спитама,
Ей, Ардви полноводной,
Широкой и целебной...
Молись растящей жито,
Молись кормящей стадо,
Ей, множащей богатства
И ширящей имения,
Ей, праведной, дающей
Всем странам процветанье,
Молись, о Заратуштра!

(«Яшт» 5.1)

Если Анахита – единственное иранское божество, связанное с огнём, а Ардви олицетворяется с Вахви-Датией, то храм Окса, соответствующий планировке зороастрийских храмов огня, в данном случае является наглядным примером подтверждения приведенных стихов из «Ардвисур-Яшта». Следовательно, храм огня был посвящен священным водам авестийской реки Вахви-Датии, то есть Амударье. Об этом свидетельствует и местоположение храма, посвятительные надписи и отдельные находки, в том числе недавно обнаруженные кости жертвенных животных. С водными стихиями связан образ великой иранской богини Ардвисуры Анахиты.

Место расположения храма Окса, как показало исследование А.А. Голода, было идеально для вычисления времени наступления празднования Навруза и Мехргона, то есть весеннего и осеннего равноденствия. Кроме Ардвисуры Анахиты – богини плодородия, важно было обращаться также к Митре – солнечно-

му божеству, Веретрагне – богу ветра и Тиштрии – богу дождя, от которых зависит земледельческий цикл. Именно поэтому культы огня и воды почитались одновременно в храме Окса.

На наш взгляд, разница в понятиях «религия» и «религиозные верования» может внести ясность в определение конфессиональной принадлежности храма Окса. Известно, что религия (от лат. religio – набожность, святыня, предмет культа) – это мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия (культы), основанные на вере в существование Бога или богов, сверхъестественного¹. Вера – это уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно, о предметах высших, невещественных и духовных². Вера или верование – одно из важнейших явлений духовной жизни общества. Во всех мировых религиях имеются элементы древних верований и культов. В древности верования проникали во все сферы общественной жизни и определяли поведение людей.

Религиозные взгляды и соответствующие им учреждения, являясь надстройкой над экономическим базисом, изменяются в зависимости от изменений условий жизни общества и его экономического устройства. В связи с этим на современном этапе выделены исторические формы развития религии: племенные, национально-государственные (этнические) и мировые (буддизм, христианство, ислам). Зороастризм был первой мировой монорелигией, господствующей на огромной территории, куда впоследствии пришел ислам. Следовательно, согласно исторической периодизации следует выделить такие понятия как религиозные верования и религия. Религия – это продукт классового общества, и о ней можно говорить лишь в том случае, когда она является канонизированной и становится государственной, а в остальных случаях следует говорить о ре-

---

¹ Большой Российский Энциклопедический словарь. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2003. С.1313.

² Толковый словарь русского языка. Т. 1: А – Кюрины. Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. С. 248-249, 253.

лигиозных верованиях. Сказанное, подчеркивает мнение, высказанное Р.Фраем о том, что религия является обязательным атрибутом государственной власти, и она должна быть канонизирована¹. В древности в Центральной Азии религия была официальной только в Кушанской империи (I – III вв. н. э.) – это буддизм и в Сасанидском Иране (III-VII вв. н. э.), где зороастризм, был канонизирован государством. В хронологическом порядке – это начало I тыс. н. э. Однако, несмотря на то, что буддизм стал официальной религией Кушанского государства при Канишке I (103-125 гг.), зороастрийские верования и, связанные с ними культы, обряды и обычаи, продолжали господствовать во всех сферах жизни населения Бактрии. Следует отметить, что Канишка I помимо религиозной реформы, провел еще одну реформу, согласно которой греческий язык был упразднен и возвращен арийский язык², то есть бактрийский. Об этом свидетельствует Рабатагская надпись³ (Северный Афганистан) Канишки I, датируемая началом II в.н.э. Таким образом, впервые на территории, входящей в древности в Бактрию, появляется официальный документ, подтверждающий принадлежность бактрийцев к арийским народам – приверженцам зороастрийских верований. В данном случае уместно в качестве примера привести надпись на венчике из Тахти-Сангина⁴, да-

---

¹ Фрай Р. Наследие Центральной Азии. От древности до тюркского нашествия. Пер. с англ. Л.Н. Додхудоевой. Под общ. ред. В.А. Ранова. Душанбе, 2000. С. 51-52.

² Sims-Williams N., Cribb J. A new Bactrian inscription of Kanishka the Great // *Silk Art and Archaeology*. Kamakura, 1995-1996. Issue. 4. P. 78, 83.

³ Sims-Williams N., Cribb J. A new Bactrian inscription of Kanishka the Great // *Silk Art and Archaeology*. Kamakura, 1995-1996. Issue. 4. P. 75-42.

⁴ Дружинина А.П. Раскопки на городище Тахти-Сангин. Предварительный отчет 1998-1999 года о работах на восточном участке цитадели // АРТ. 2000. Вып. XXVII. С. 243, 259; Drujinina A. Die Ausgrabungen in Tacht-i Sangin im Ochos-Tempelbereich (Süd Tadschikistan). Vorbericht der Kampagnen 1998-1999 // АМТ. 2001. 33. S. 263, 264 fig. 5; 265 fig. 6; Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. 2011. № 4. С. 125-128, рис. 10-11; Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale // *Corp. Incr. Iran. Part. II. Inscriptions of*

тируемая второй половиной II в. до н.э. и где имеется слово OAXpO, написанное на бактрийском языке, но греческими буквами. Как мы уже отмечали, А.И.Иванчик полагает, что это первая известная попытка письменной фиксации бактрийского языка¹. Эта надпись свидетельствует о том, что, несмотря на господство греков в Бактрии, тахтисангиновцы были верны своим прежним религиозным убеждениям.

Что касается религиозных верований, то они господствовали на территории Центральной Азии вплоть до рубежа нашей эры и послужили основой государственных религий.

О том, что зороастрийские верования господствовали в Бактрии до того, как они были канонизированы в Сасанидском Иране и стали официальной религией, свидетельствует также исследование Д. Хуффа. Ученый провел анализ золотых пластин из сасанидского храма Тахти-Сулейман, где хранился огонь Адур-Гушнаспа и пластин из Тахти-Сангина, сравнив их также с золотыми пластинами Амударьинского и Бактрийского кладов. Д. Хуфф пришел к важному выводу о том, что они подтверждают мнение о том, что существовала зороастрийская традиция ритуального использования votивных пластин, восходящая, вероятно, к ахеменидскому периоду².

Обратим внимание еще на один существенный факт. Храм Окса развернут на восток, в сторону солнца и Амударьи и главный вход в центральный зал обращен также на восток, откуда восходит солнце и Митра вместе с ним, «который самым первым из всех божеств небесных над Харю восходит перед бессмертным Солнцем, чьи лошади быстры и первым достигает прекрасных золотистых вершин, откуда видит он весь арийцев край» («Яшт» 10.12-13). Это свидетельствует о том, что ар-

---

the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I: Inscriptions in Non-Iranian Languages. Ed. by an International Committee. London: SOAS, 2012. P. 198-199.

¹ Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. Вып. 4 (279). 2011. С. 128.

² Huff D. Problems of votive offerings in Zoroastrian Iran // AMIT. 2011. Band 43. S. 89-90.

хитекторы – строители храма были приверженцами зороастрийских верований и поэтому расположили здание храма Окса так, чтобы оно было обращено к солнцу, олицетворяющему Митру и к Вахви-Датии/Амударье, олицетворяющей Ардвисуру Анахиту.

Итак, культ огня и культ воды, связанные с божествами авестийского пантеона, уже широко почитались вместе с этими божествами населением Бактрии в ахеменидский период. Отсюда следует, что для проведения ритуалов и обрядов, связанных с почитанием зороастрийских культов и божеств, а также для вычисления дней равноденствия требуется специальное сооружение. Именно таким святилищем и был храм Окса, который по своей планировке, наличию в нем двух атешгахов – хранилищ огня, ям, заполненных чистой золой, колодца культового назначения со ступенчатым спуском, резервуара для воды, а также площадки с костями жертвенных животных соответствует планировке иранским храмам огня. Более того, наличие золотых пластин, которые использовались в зороастрийской ритуальной традиции, а также многочисленные воитвы с зороастрийской семантикой свидетельствуют о том, что храм Окса изначально строился как зороастрийский храм огня, который, вполне вероятно, стал эталоном для архитекторов – строителей храмов огня в иранском мире.

Итак, из вышеизложенного следует, что храм Окса изначально для населения Бактрии являлся символом зороастрийской веры, где оно могло исполнять свои религиозные обряды. В эллинистический период в храм приходили как бактрийцы, так и эллины, а в кушанский период, вполне вероятно, в храме появились новые культы. И каждый из них обращался к своим богам: бактрийцы к божествам авестийского пантеона, а эллины – к греческим, о чем свидетельствует археологический материал.

Таким образом, сравнительный анализ «Авесты», пелевийских источников и археологического материала из храма Окса, а также его планировки показал, что храм Окса по всем характеристикам соответствует зороастрийскому храму огня.

ДАТИРОВКА ТАХТИ-САНГИНА В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

История изучения вопроса датировки памятника

Результатом археологических исследований на Тахти-Сангине являются почти полное вскрытие помещений храма Окса, жилых районов города, частично – фортификации цитадели древнего города, южной и северной оборонительных стен города, а также обнаружение огромного количества археологических находок, датированных VI в. до н.э. – III в.н.э. В последние десятилетия раскопки на Тахти-Сангине дали много интересного материала, который оказался важным для решения некоторых дилемм. Среди них вопрос о датировке памятника. В связи с этим предлагаем вернуться к этой проблеме.

В настоящее время, чтобы определить время функционирования городища Тахти-Сангин, следует вновь обратиться к стратиграфии и датировке находок из храма Окса. Несмотря на то, что храм почти полностью вскрыт, он продолжает оставаться загадкой для ученых. Известный нумизмат Е.В. Зеймаль, обращаясь к изучению монет и других находок из храма Окса, справедливо отметил, что в истории «этого замечательного храма много головоломок и вопросов, остающихся без ответа»¹. Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян отмечают, что датировка храма – сложный вопрос в силу его культового назначения и неоднократных подчисток, осуществляемых на протяжении эллинистического периода функционирования храма, и сбросов votивного инвентаря на протяжении эллинистического и кушанского периодов. Поэтому датировка должна определяться,

---

¹ Zeimal E.V. Coins from the Excavations of Takht-i Sangin (1976-1991) // Studies in Silk Road Coins and Culture. Papers in Honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th Birthday. Ed. by K.Tanabe, J.Cribb, H.Wang. Kamakura, 1997. P. 97.

прежде всего, на основании хронологических конструкций храма, а также многочисленных находок¹.

Первым о датировке Тахти-Сангина высказался М.М. Дьяконов, который сначала определил дату его основания античным периодом², а позже уточняет датировку I в. до н.э. – II в.н.э.³. А.М. Мандельштам проводил раскопки на памятнике в 1956 г. Ученый отмечает, что городище отличается четкой стратиграфией, что обусловлено преобладанием каменных построек. Установлено наличие шести строительных периодов⁴. Верхний слой шести строительных периодов ученый определяет кушанским временем⁵. Основные выводы по датировке памятника А.М. Мандельштам делает на основании обнаруженного в нижнем слое бокала цилиндрикоконического типа, отмечая следующее: «При всех необходимых оговорках очевидно, что два нижних слоя Каменного городища относятся к какой-то части промежутка времени, соответствующего III-II вв. до н.э.»⁶.

Несмотря на совместные исследования на Тахти-Сангине у Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна были разногласия по некоторым вопросам, один из которых касался датировки храма Окса. Но по основным критериям, касающимся датировки памятника оба ученых были едины во мнении. Они отмечают, что главным показателем времени строительства храма Окса служат конструкции стен и архитектурные детали колонн. Сырцовый кирпич, из которого возведены мощные, в три-

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М., 2000. С. 179.

² Дьяконов М.М. Работы Кафирниганского отряда // МИА. 1950. № 15. С. 183.

³ Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян) (1950-1951 гг.) // МИА. 1953. № 37. С. 254-257, 265; Он же. У истоков древней культуры Таджикистана. Сталинабад: Таджикгосиздат, 1956. С. 69-72.

⁴ Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // МИА. 1966. № 136. С. 146.

⁵ Мандельштам А.М. К истории Бактрии-Тохаристана (некоторые археологические наблюдения) // КСИА. 1964. Вып. 98. С. 23.

⁶ Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. С. 148.

четыре метра стены самого храма Окса и его семиметровая стена обрамления – все единообразного стандарта. Это квадратные кирпичи с полуметровой стороной (50x50x14; 52,5x52,5x16 и т.д.) Как известно, кирпичи ахеменидских построек в Бактрии (как и в Согде) прямоугольные, крупные; кирпичи же времен развитого эллинизма и кушанского периода – квадратные, но значительно более мелкие (35-42x35-42x8-10 см). Следовательно, формат тахтисангиновских кирпичей – промежуточный. Это подтверждается находками квадратных кирпичей крупного стандарта, идентичных или подобных тахтисангиновским, на некоторых памятниках Бактрии, Парфии, в ахеменидских постройках. Отсюда вытекает, что стеновой материал храма Окса относится к концу ахеменидского или началу эллинистического времени.

Архитектурные детали храма, представляющие собой синкретическую эллинистическую модификацию в восточном, по композиции и конструкциям, храме Окса (капитель – ионическая, стволы колонн гладкие, без каннелюр, база восточная), также позднеахеменидского, позднеклассического и раннеэллинистического периодов.

Торовидные базы со съёмным тором, выбитым из отдельного камня, безусловно, ранние по времени, чем базы пропилены дворца Ай-Ханум, датированные П. Бернардом ахеменидским временем, хотя на самом деле они должны датироваться не ранее начала III в. до н.э., поскольку базы (тор вместе с постаментом) выбиты из одного камня. Подобные же тахтисангиновским базы колонн, в которых тор и постамент выбиты из разных плит одинакового известняка, открыты лишь в Фарсе.

В пропилях священного участка храма Окса второго строительного периода, датированного III в. до н.э., *in situ* стоят базы айханумовского типа. В них тор с постаментом выбиты в одном блоке. Следовательно, они значительно позже по времени, чем торовидные базы в центральном зале и айване храма Окса. Еще одна база айханумовского типа (конец III – начало II до н.э.) в качестве дополнительной ремонтной центральной

опоры была поставлена в интерколумнии айвана храма Окса между южными четырьмя колоннами.

Необходимо обратить внимание на то, что не было сделано: при обсуждении датировки ионической капители храма Окса следует учитывать отличие позднеклассических ионических капителей от их восточноэллинистических эквивалентов.

Тахтисангиновская капитель – позднеклассическая, выполненная в совершенно греческом малоазийском стиле. Восточноэллинистические капители вообще лишены эхина, моделированного иониками. Из этого следует, что они совсем другой разновидности ионийского ордера, восходящей к эолийским стандартам. Этот эолийский тип был заимствован ахеменидами и воплощен в многочисленных скальных гробницах, а затем воспринят и развит в восточноэллинистической архитектурной практике. В силу этого мы остаемся при мнении, что капитель храма Окса наиболее ранняя чем надежно датированная надписью середины III в. до н.э.¹

Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян указывают также на находки из храма Окса и предметы Амударьинского клада, отмечая, что датировки этих предметов бесспорны и возражений не вызывали. В составе же Клада Окса ахеменидские предметы преобладают, а эллинистические единичны, хотя достаточно полно они представлены в монетной части клада.

В храме Окса сохранилось большое количество предметов раннеэллинистического времени – конца IV – III в. до н.э.

Храм Окса после некоторого перерыва продолжал функционировать в кушанский период вплоть до правления кушанского царя Канишки III (241 – ок 270 или 261-290 гг.). Впрочем, не исключена и более ранняя датировка, и более поздняя дата – III-IV вв. Культурный слой в этот период быстро рос. Если за первые полтора-два столетия в эллинистическое

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 180-182.

время (с IV – по середину II в. до н.э.) он вырос на несколько сантиметров, то в кушанский период он вырос до двух метров.

После того как храм полностью разрушился в результате обрушения стен и перекрытий и воздействия естественных процессов, цитадель представляла собой высокий холм. На холме сохранились следы временного проживания кочевников в виде больших ям с ярко выраженной кушано-сасанидской керамикой.

Для общей хронологии храма не менее важны и косвенные наблюдения. Композиция храма – чисто восточная. Культ воды и огня – зороастрийские. При этом среди посвященного инвентаря много предметов VI-IV вв. до н.э.¹.

Б.А. Литвинский полагает, что храм был возведен, скорее всего, в конце IV – начале III вв. до н.э.². Хотя ученый не исключает, что на городище был более древний храм, а когда он пришел в ветхость, то был построен храм Окса, куда были перевезены сокровища из старого храма³.

Что касается И.Р. Пичикяна, то у него не было никаких сомнений по датировке храма Окса. Ученый высказал следующие предположения по датировке храма и причине его строительства: «Основная масса находок относится к IV-III вв. до н.э. Этим же периодом характеризуются архитектурно-строительные параметры храма Окса... . Общие исторические соображения также говорят в пользу отнесения постройки храма к концу IV-III вв. до н.э. По крайней мере, в начале III в. до н.э. храм уже существовал. В это время города и крепости строились Александром Македонским и его диадоками. Стратегически продуманный выбор места, контролирующей сухопутную и водную магистраль вниз по Амударье, мощные ресурсы и большое количество людских резервов на покоренных

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 183.

² Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Там же, с. 183.

³ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Там же, с. 368; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3.: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 39, 455.

греко-македонцами областей могли позволить воздвигнуть столь мощное сооружение в короткий период по единому плану. Памятники ахеменидского искусства из награбленных в Малой Азии и Иране трофеев только в это период могли быть посвящены храму.

Храм Окса – культовый религиозный центр, обслуживающий, вероятно, не один только полис у слияния Вахша с Пянджем. Возможно, он, подобно эллинским храмам, объединил амфиксионию, а, может быть, и симмахию греческих городов Бактрии, и был построен усилиями целой области¹.

Ученый отмечает также датировка храма Окса определяется по ионийской капители конца IV – самого начала III в. до н.э. Анализ стратиграфии всего комплекса находок (и в первую очередь скульптуры из необожжённой глины местного производства) подкрепляет датировку храма Окса концом IV – началом III в. до н.э., как дату окончания строительства и оформления интерьеров храма².

Наконец, в своей итоговой монографии по раскопкам Тахтикубадского отряда И.Р. Пичикян пишет: «Храм Окса, достаточно точно датированный по архитектурным материалам последней третью IV – началом III вв. до н.э., дал наиболее ранние находки ахеменидского и эллинистического времени в Бактрии³».

К датировке храма Окса обращались также и специалисты по нумизматике. Так, Е.В. Зеймаль сначала соглашается с датой строительства храма Окса в греко-бактрийский период, а затем относит полы 1 и 2 «наиболее вероятно ко времени правления Вимы Кадфиза (80-103 гг.) или к первым годам правления Канишки (103-125 гг.)»⁴, то есть к кушанскому периоду.

---

¹ Пичикян И.Р. Результаты раскопок на Тахти Сангине в 1983 г. // АРТ. 1991. Вып. XXIII (1983 г.). С. 181, 183

² Пичикян И.Р. С. 188. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ в 1985 г. (фасад храма Окса) // АРТ. 1994. Вып. XXV (1985 г.). С. 188.

³ Пичикян И.Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды). М., 1991. С. 275.

⁴ Зеймаль Е.В. Тахти Кобад или «Тахти Сангин? (снова об Амударьинском

Свои выводы ученый сделал по монетным находкам из храма Окса, полагая, что в первой половине III в. до н.э. (селевкидский период) храм, видимо, уже существовал и затем продолжал функционировать – с неизбежными перестройками и ремонтами – на протяжении всего греко-бактрийского периода (заканчивается он здесь где-то во второй половине II в. до н.э.)¹. Е.В. Зеймаль отмечает также, что греко-бактрийский храм предстает перед нами в том виде, какой он приобрел в кушанский период².

Существует также мнение, что храм Окса после небольшого перерыва продолжал функционировать в кушанский период вплоть до правления Канишки III (241 – ок. 270 или 261-290 гг.)³. Ж. Фюссман не исключает более раннюю датировку⁴.

В одной из своих публикаций П. Бернар пишет, что храм Окса был построен при Селевке I (358-281 гг. до н.э.), объясняя, что сооружение этого храма лежало в русле религиозной политики Селевка I, что символически отражало роль ирригации в этой земледельческой провинции⁵. В другой публикации ученый отмечает, что возведение храма Окса относится или к последней четверти IV в. до н.э., или, возможно, к началу III в.

кладе) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб.: Государственный Эрмитаж, 1993. С. 54; Zeimal E.V. Coins from the Excavations of Takht-i Sangin (1976-1991) // Studies in Silk Road Coins and Culture. Papers in Honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th Birthday. Ed. by K. Tanabe, J. Cribb, H.Wang. Kamakura, 1997. P. 94.

¹ Зеймаль Е.В. Тахти Кобад или “Тахти Сангин? (снова об Амударьинском кладе) // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1993. С.54.

² Зеймаль Е.В. Там же, с. 55.

³ Sims-Williams N., Cribb J. A New bactrian Inscription of Kanishka the Great / N. Sims-Williams, J. Cribb // Silk Road Art and Archaeology. Kamakura, 1995/96. Issue 4. P. 106.

⁴ Fussman G. L’inscription de Rabatak et l’origine de l’ère śaka // JA. 1998. No 2, t. 286. P. 619-641.

⁵ Bernard P. L’Asie Centrale et l’empire Séleucide // Topoi. Orient-Occident. Lyon: Maison de la Méditerranée, 1994. Vol. 4/2. P. 509.

до н.э.¹, ссылаясь на архитектурные особенности храма, а именно на ионическую капитель. Исследователь считает, что храм функционировал до конца II – начала III вв. н.э. и окончательно прекратил свое существование в III или IV вв. н.э.²

А.-П. Франкфор относит начало основания Тахти-Сангина ко времени правления Антиоха I (281-261 гг. до н.э.) и его падения – I в. н.э. и, возможно, позже³. Ф. Грене относит время основания храма Окса к раннеселевкидскому периоду, опираясь на строительные элементы, такие как размер кирпича (50x50 см) и ионическую капитель⁴. Что касается времени прекращения функционирования памятника, то по мнению ученого, оно произошло во второй половине II в. н.э.⁵. М. Желен полагает, что начало строительству городища Тахти-Сангин было положено при Антиохе I в первой половине III в. до н.э., когда Бактрия находилась в составе Селевкидского государства, а утрата им своего значения относится к кушанскому времени (II в. н.э.) во время вторжения кочевников⁶.

Г. Линдстром считает, что храм Окса, расположенный на территории Тахти-Сангина, был построен в начале эллинистического периода и, несмотря на несколько разрушений, он функционировал до III в. н.э.⁷. Автор предполагает, что строи-

---

¹ Bernard P. Le temple de dieu Oxus á Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas? // *Studia Iranica*. 1994. Tome. 23. P. 82.

² Bernard P. *Idem*, p. 84.

³ Francfort H.-P. Ai Khanoum “temple with indented niches” and Takht-i Sangin “Oxus temple” in historical cultural perspective: a hypothesis about the cults // *Parthica*. 2012. Issue 14. P. 110.

⁴ Boyce M., Grenet F. *A History of Zoroastrianism. Vol. III: Zoroastrianism under Macedonian and Roman Leiden-New-York-København-Köln: E.J. BRILL*, 1991. P. 174.

⁵ Boyce M., Grenet F. *Idem*, p. 174.

⁶ Gelin M. *Nouvelles recherches à Takht-i Sangin // Проблемы истории, филологии, культуры*. 2015. № 1 (47). С. 35.

⁷ Lindström G. *Southern Tajikistan // The Graeco-Bactrian and Indo Greek World*. Ed. by R. Mairs. London and New-York: Routledge, 2021. P. 292.

тельство храма как религиозного центра для региона было идеей Селевкидов, а местные сатрапы поддержали это решение¹.

И, наконец, последние исследования А.П. Дружининой на Тахти-Сангине позволили прийти ученой к выводу об основании памятника в начале V в. до н.э.² К такому выводу А.П. Дружинина пришла в результате анализа керамического комплекса Тахти-Сангина. Мы уже отмечали, что в период раскопок 1998-2010 гг., ей удалось обобщить одиннадцать периодов функционирования города Тахти-Сангина – Тахти-Сангин I-XI. Из керамических комплексов раскопок 1976-1991 гг. семь из них – Тахти-Сангин I-VII – она относит ко второй половине I тыс. до н.э.³ Ученая отмечает, что до недавнего времени в районе цитадели были обнаружены культурные слои и находки, относящиеся к пяти историческим периодам: ахеменидскому, эллинистическому, раннекушанскому, позднекушанскому и кушано-сасанидскому⁴.

Она особенно подчеркивает следующее: «Трудности стратиграфического анализа цитадели связаны с толщиной культурных слоев варьирующих от 3 до 5 м. В связи с этим мы можем дать лишь общий обзор строительной системы на городище. Основываясь на данных, полученных во время раскопок на цитадели в 1976-1991 и 1998-2010 гг., мы предполагаем, что храм и первая ограждающая кирпичная стена (средний размер кирпича 50x50x14-16 см) были самыми ранними постройками на городище. Именно в штукатурке храма и в культовых сооружениях, построенных из кирпича, были обнаружены много-

---

¹ Lindström G. Der Oxos-Tempel. Räumliche Aspekte und Kultkontinuität im Spiegel der Votivepraxis / G. Lindström // Raum, Gabe und Erinnerung. Weihgaben und Heiligtümer in prähistorischen und antiken Gesellschaften. S. Hunsen, D. Neumann, T. Vachta (eds.) / G. Lindström. Berlin: Edition Topoi, 2016. S. 287.

² Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 88-91, fig. 16.

³ Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 88-91, fig. 16.

⁴ Drujinina A. Ibid, p. 91.

численные фрагменты керамики из красной глины, датируемые началом ахеменидского периода или ранее. Эти фрагменты можно соотнести со временем начала строительства храма Окса. Более того, подобные фрагменты керамики обнаружены как в районе оборонительной стены в северо-восточной части цитадели (ее существование было предположено М.М. Дьяконовым и И.Р. Пичикияном), так и в недавно обнаруженной жилой части городища, расположенной к северу от цитадели¹». Тем самым, новые находки из Тахти-Сангина стали поводом для пересмотра времени начала функционирования памятника.

Таким образом, разнообразие точек зрения по вопросу датировки Тахти-Сангина продолжает оставаться открытым.

Новый взгляд на проблему датировки Тахти-Сангина

В 1998 г., после шестилетнего перерыва археологические работы на Тахти-Сангине возобновились. Раскопки проводились Тахтисангинским археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша Национальной академии наук Таджикистана совместно с МИХО Музеем (Япония). Отрядом руководила А.П. Дружинина. В 2013 г. к исследованиям на Тахти-Сангине присоединились французские археологи, под руководством А.-П. Франкфора. Впервые к исследованиям на памятнике была привлечена специалист по фортификациям М. Желен, которая стала одним из руководителей совместной таджикско-французской археологической экспедиции в 2014 и 2017 гг. И, наконец, в 2020 и 2022 Институт истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ проводил археологические раскопки на Тахти-Сангине самостоятельно. Отрядами руководили Н. Сайфуллоев (2020 г.) и Т.У. Худжагелдыев (2022 г.).

---

¹ Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 91.

Таким образом, благодаря возобновлению работ на Тахти-Сангине в истории изучения памятника открылась новая страница. Теперь раскопки проводились не только в храме, но и на территории города. Археологический материал, полученный в этот период, позволил по-новому взглянуть на датировку Тахти-Сангина, так как мы уже отмечали, среди новых находок важными оказались находки ахеменидского периода. Так, в 2008 г. в храме, а в 2010 г. – на территории самого городища были обнаружены фрагменты ахеменидской керамики (рис. 26)¹. В 2017 г. результатом совместной таджикско-французской экспедиции явилось обнаружение на территории западнее храма Окса еще одной торовидной базы колонны (рис. 27)², которая по всем признакам относится к ахеменидскому периоду.

Появление нового материала обязывает нас вновь провести анализ археологического материала Тахти-Сангина и представить некоторые доводы, которые, на наш взгляд, являются основанием для определения новой датировки основания памятника.

На принадлежность храма к ахеменидскому периоду указывали Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян, отмечая следующее: «В процессе раскопок на Тахти-Сангине перед нами предстал архитектурный комплекс, имевший много признаков культового сооружения... Так как это единственное сооружение такого рода, раскопанное полностью, храм Окса стал эталонным для ахеменидской и эллинистической зороастрийской культовой архитектуры»³. Более того, Б.А. Литвинский пишет:

---

¹ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 339, 343, 348, 354; Она же. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 144, 147; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 71, 75, 80, 88, 91, fig. 16

² Желен М. Тахти Сангин, 2017. Предварительный отчет (в сотрудничестве с П.-М.Блан) // АРТ. 2022. Вып. XLII. С. 153-154, рис. 5.

³ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 187.

«Как мне представляется, вполне вероятно, место для храма у слияния Вахша и Пянджа и образования Амударьи (совокупность этих рек носила в древности название Окс), где соединялись важнейшие речные потоки Бактрии и как бы рождалась и распределялась вода, персонифицировавшаяся в образе божества Воды и родственных божеств, было выбрано еще и потому, что здесь, несомненно, располагалось пока еще не найденное, более раннее святилище, построенное в ахеменидское время и посвященное великой реке Оксу. Многочисленность вотивов ахеменидского времени в хранилищах храма Окса, который там датируется эллинистическим временем, скорее всего, указывает на то, что эта группа вотивов накапливалась в более раннем храме»¹. Таким образом, оба ученых подвергли сомнению свои же установленные датировки начала функционирования памятника концом IV – началом III вв. до н.э.

К такому выводу оба ученых пришли, прежде всего, в результате определения планировки храма, а также на основании некоторых особенностей строительных конструкций, функционального назначения помещений и находок ахеменидского периода. Так, Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян отмечают, что композиция храма огня – чисто восточная. Культы воды и огня являющиеся характерными для храма Окса – зороастрийские. Об этом свидетельствует наличие двух атешгахов – хранилищ огня, ям, заполненных чистой золой, колодца, бассейна для воды². Более того, выводы ученых подтвердились археологическими исследованиями Тахтисангинского отряда под руководством А.П. Дружининой. Аргументом подтверждения их предположения являются обнаруженный на площади

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Там же, с. 368.

² Пичикян И.Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды), М., 1991. С. 144-148; Он же. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1988 года. Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия) // АРТ. 2008. Вып. XXXII (2006 г.). С. 226-228; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 187.

перед храмом Окса колодец культового назначения со ступенчатым спуском, резервуаром для воды и площадки с костями жертвенных животных¹.

И.Р. Пичикян отмечает, что восточная по типу планировка храма Окса (т.е. четырехугольный зал, обводной коридор, наличие атешгахов и колонный айван) могла быть осуществлена архитектором, мыслящим в традициях восточной объемно-композиционной практики строительства культовых зданий. Конкретно – храмов огня. Во всяком случае, заказ требовал, чтобы храм был построен по восточным стандартам, следовательно, он проектировался или иранцем, или греком, хорошо знающим восточные традиции и имеющим соответствующий опыт².

Здесь мы не можем согласиться с точкой зрения ученого, так как полагаем, что архитектором храма Окса был именно бактриец, приверженец зороастрийских верований, о чем говорилось в третьей главе. На наш взгляд, по поводу датировки храма Окса и его религиозной принадлежности точно высказался Ф.Грене, отмечая, что храм Окса имеет «первостепенную важность для истории иранской религиозной архитектуры: фактически он представлял собой наиболее ранний, бесспорный образец храма огня, который функционировал в соответствии с зороастрийскими регуляциями»³. Тем самым, храм Окса может претендовать на титул одного из самых древнейших храмов огня в иранском мире.

---

¹ Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI (2010 г.). С. 149-153, 157-159; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Инагаки Х. Отчеты о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2010 гг. Работы на площади храма Окса в раскопах № 17 и № 18 // АРТ. 2016. Вып. XXXVIII (2012). С. 280-316.

² Пичикян И.Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды), М., 1991. С. 148; Он же. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1988 года. Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия). С. 228.

³ Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. III. Leiden -New York-Kobenhavn-Köln, 1991. P. 178.

О том, что храм Окса является архаичным свидетельствует и функциональное назначение его помещений. И.Р. Пичикян отмечает, что приайванные комплексы помещений храма Окса выделяются своими функциями поддержания огня и обслуживания главного в них помещения с алтарем-жертвенником, на котором поддерживался «вечный огонь». Расположение комнат в этих комплексах было спланировано так, что взгляд «постороннего не мог проникнуть в атешгахи. «Тамбурная» система расположения комнат в приайванных квадратных комплексах помещений с глубокими, не совпадающими по оси дверными проемами предотвращала сквозняки и предохраняла атешгахи от ветров, сильных в этом районе.

Длинные Г-образные коридоры служили сокровищницами, содержащими посвященные божеству предметы, а основные общественные церемонии проходили в крытом восьми-колонном айване и на площади перед алтарями¹.

Следует отметить, что Б.А.Литвинский и И.Р. Пичикян² провели сравнительный анализ планировки храма Окса с храмами огня ахеменидского периода (храм в Кухи-Хваджа, храм около Суз и храм огня на нижней террасе Персеполя), указав на

---

¹ Пичикян И.Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды), М., 1991. С.150-151; Он же. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1988 года. Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия) // АРТ. 2008. Вып. XXXII (2006 г.). С. 229-230; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 202-203.

² Pichikyan I.R. The Fire-Temple at Persepolis (Composition, Dating, Attribution) // The International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin. М., 1989. No 16. P.55-73; Пичикян И.Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды). С. 150-151; Он же. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1988 года. Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия) // АРТ. 2008. Вып. XXXII (2006 г.). С. 230-231; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 202-204, 209-240, табл. 58.

их непосредственную связь. Ученые установили их следующие общие характерные особенности:

1. Ядром всех упомянутых храмов служит квадратный четырехколонный зал;
2. Обведение центрального зала обводными коридорами;
3. Наличие крытого колонного айвана;
4. Наличие площади – двора перед храмом;
5. Наличие атешгахов.

Что касается строительных конструкций храма Окса, то они также были традиционно восточными. Очень архаично выглядят монументальные стены храма около 3,4 м. Сырцовый кирпич (50x50x14 см), из которого были первоначально сложены стены храма, также традиционно ахеменидского стандарта. Все стены связаны впереплет, что свидетельствует о единовременной застройке¹. Хотя Б.А. Литвинскому и И.Р. Пичикяну оппонируют некоторые ученые², мы считаем, что их точка зрения вполне обоснованная.

Следует обратить также внимание на тот факт, что по времени храм в Кухи-Хваджа (VI-V вв. до н.э.), храм около Суз (V-IV вв. до н.э.) и храм на нижней террасе Персеполя (конец V-IV вв. до н.э.) начали функционировать в один и тот же период – не позже конца V в. до н.э. Таким образом, Храм Окса, имея общие характерные архитектурные особенности с упомянутыми иранскими храмами огня, строился с этими храмами по

---

¹ Пичикян И.Р. Культура Бактрии (ахеменидский и эллинистический периоды). С. 148; Он же. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1988 года. Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия). С. 228-229.

² Rapin C. Les sanctuaires de l'Asie centrale à l'époque hellénistique: état de la question // Études de Lettres: revue de la faculté des lettres de l'Université de Lausanne. 1992. No 4. P. 100-124. См. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://doi.org/10.5169/seals-870449> (Дата доступа: 31/07/2023); Коровчинский И.Н. Монументальные алтари храма Окса и его культы // Вестник МГОУ. Серия "История и политические науки". 2012. № 5. С. 46-50; Он же. Типология эллинистических бактрийских храмов и культ огня // Новое прошлое / The New Past. 2017. № 4. С. 49-73.

одному «типовому проекту», который использовался в иранском мире в ахеменидский период. Отсюда следует, что храм Окса начал функционировать одновременно с этими храмами.

При определении датировки начала функционирования храма Окса важным оказалось исследование, проведенное А.П. Дружининой, которая еще раз вернулась к изучению предвратного алтаря из айвана, раскопанного отрядом И.Р. Пичикяна в 1981 г.¹. Ученая обратила внимание на то, что «по форме этот алтарь напоминает алтарик, посвященный храму Атросоком» и, что он «наиболее древний из всех открытых в айване алтарей»².

А.П. Дружинина провела анализ технических особенностей поверхностей блоков, из которых состоит алтарь, а также углублений для зажимов и его профиля, которые оказались характерными для ахеменидского периода. Ученая также отмечает, что расположение блоков по разные стороны алтаря привели к очень твердому убеждению, что алтарь, который был обнаружен в айване храма Окса, был построен из повторно использованных блоков более древнего периода, вероятно, из другого алтаря больших размеров, который изначально не стоял в айване храма, так как для этого не было достаточно места³. Вполне вероятно, что до строительства храма алтарь из айвана мог стоять или на открытом месте, что подтверждает сведения Геродота о том, что персы совершают жертвоприношения солнцу, луне, огню, воде и ветрам в «неоскверненном месте (Геродот, I. 131-132) и Страбона о том, что персидские обычаи одинаковы у этих народностей, у мидян и у многих других племен. ... Жертвы они приносят преимущественно огню и во-

---

¹ Пичикян И.Р. Храм Окса на Тахти-Сангине (раскопки 1981 г. в Кобаданском районе) // АРТ. 1988. Вып. XXI (1981 г.). С. 268-269.

² Пичикян И.Р. Храм Окса на Тахти-Сангине (раскопки 1981 г. в Кобаданском районе). С. 269.

³ Автор благодарит А.П. Дружинину за предоставленную информацию. Результаты исследования А.П. Дружининой будут опубликованы в сборнике материалов Международного симпозиума «Тахти-Сангин как пример синтеза цивилизаций Востока и Запада».

де. Совершают они жертвы в очищенном по обряду месте после молитв, приведя жертвенное животное, обвитое венком» (Страбон, XV. 13-14).

Таким образом, местное население сначала проводило свои религиозные ритуалы на открытом месте, принося жертвоприношения, вознося их на алтарь. Потом был воздвигнут храм, куда и перенесли этот алтарь. Или же, как предполагал Б.А. Литвинский¹, этот алтарь стоял в более древнем храме, который находился в другом месте.

Находки из Тахти-Сангина также могут служить аргументом для иной датировки памятника. Важно отметить, что большинство находок, обнаруженных на памятнике, представлены votivными предметами и храмовым сокровищем, в основном ахеменидского облика. Среди них разнообразные приношения, миниатюрные алтари, курительницы, глиняные статуи, изделия из слоновой кости, золотые и бронзовые пластины с изображением донаторов и посвященных в храм животных (верблюдов и лошадей), фрагменты оружия. Из огромного количества находок следует выделить бронзовую штампованную пластину с изображением пантер, сидящих друг против друга (рис. 25), датированную VI в. до н.э.²

Бронзовая пластина прямоугольная со следами позолоты, окантованная по периметру тонкой железной лентой (ширина ее – 7 мм). Скрепленной в каждом углу двумя бронзовыми залепками. На лицевой стороне пластины (в верхней ее половине) в низком рельефе переданы сидящие друг против друга

---

¹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3.: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 39, 455.

² Пичикян И.Р. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ // АРТ. 1993. Вып. XXIV (1984 г.). С. 255, 263; Litvinskij B.A., Pičikjan I.R. Pantherae Antesedentes. A Corinthian Motif in Bactria B.A. // East-and-West. 1992. Vol. 42 (1). P. 69-84, note 85, fig. 65; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М., 2010. С. 60-74, рис. 12.

два кошачьих хищника – пантеры. Звери расположены в непосредственной близости друг от друга. Они сидят на задних лапах, передние же поставлены вертикально, причем одна из них поднята вертикально вверх. Переданные предельно условно, эти лапы соприкасаются, и их разделяет лишь неширокий желобок, а концы лап вообще сливаются. Концы лап изображены округленно-укрупненными, с мягкими подушечками, задние лапы от колена плавно расширяются к концам.

Головы обеих пантер обращены в противоположные друг от друга стороны. Сидящие на вытянутых шеях маленькие круглые головы с оскаленной пастью, с мягко моделированными впадинами глаз выступают над округлой верхней губой. Фигуры пантер выглядят очень реалистично. Хвост спущен значительно ниже подогнутых задних ног и завернут в круглый ком (кружок), который находится соответственно у правого и левого угла пластины.

Изображенные звери даны в силуэтовой манере. Силуэт четкий, очень точно передающий фигуры пантер. Позы их, казалось бы, статичны, но оскаленная непропорционально большая пасть и исходящее от фигур хищников напряжение создают впечатление, что пантеры готовы к прыжку. Размеры пластины: высота – 80, ширина – 67, толщина – 1-2 мм¹. Заметим, что изображение это выполнено в архаичном стиле и характерно для раннеакхеменидского времени.

Важными находками являются также ножны акинака (рис. 22а) и золотая пластина (рис. 12б), о которых мы говорили в третьей главе. Тахтисангинские ножны акинака выполненные из слоновой кости с изображением на ней льва, нападающего на оленя, Б.А. Литвинский датирует рубежом VI – V вв. до н.э.². Подобные изделия были широко распространены в

---

¹ Litvinskij B.A., I. R. Pičikjan Pantherae Antecedentes. A Corinthian Motif in Bactria B.A. // East-and-West. 1992. Vol. 42 (1). P. 69; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 60.

² Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3. Искус-

Иране и Центральной Азии. Сам сюжет и стиль артефакта идентичны изделиям художественной школы Ахеменидов.

Золотая пластина с изображением бактрийца, ведущего верблюда (рис. 12б), датируемая в пределах VI – середины V вв. до н.э.,¹ по-нашему мнению, воспроизводит пророка Заратуштру². Таким образом, упомянутые три артефакта из храма Окса датируются более ранним периодом, предшествующим приходу греков в Бактрию. И.Р. Пичикиян считает, что это трофеи, принесенные македонцами из сокровищниц ахеменидских столиц и иранских храмов³.

Особо следует подчеркнуть сходство артефактов из храма Окса с предметами Амударьинского клада из Британского музея, которые, как полагают отдельные ученые, происходят из храма Окса, о чем мы говорили в третьей главе⁴. Сейчас это предположение ни у кого, не вызывает сомнения⁵. Немаловажным фактом является то, что в Амударьинском кладе помимо артефактов ахеменидского периода имеются также предметы мидийского и ассирийского, а также архаического греческого искусства. Это свидетельствует о существовавшей здесь традиции приношения даров божеству Вахшу/Оксу в более ранний период⁶.

ство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 135; *Tadjikistan au pays des fleuves d'or*. Paris: Musée national des arts asiatiques-Guimet, Éditions Snoeck, Gand, 2021. Cat. 13.

¹ Литвинский Б.А. Там же, с. 87; *Tadjikistan au pays des fleuves d'or*. Paris: Musée national des arts asiatiques. Paris, 2021. P. 48.

² См. Глава 3. С.

³ Пичикиян И.Р. *Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды*. Очерки. М., 1991. С. 279.

⁴ См. Глава 3. С.

⁵ Curtis J. *The Oxus Treasure and Ancient Bactria* // *Bulletin of the Miho Museum*. 2005. Vol. 5. P. 43-44.

⁶ Boardman J. *The Oxus Treasure scabbard in London: A Closer Look* // *Центральная Азия: источники, история, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского* (Москва, 3-5 апреля 2003 г.). Под. ред. Т.К. Мкртычева, Т.Г. Алпаткина, С.Б. Болелова

Анализируя находки ахеменидского времени, следует остановиться также на наконечниках стрел. Так, в храме Окса было обнаружено их несколько тысяч. Среди них оказались более пятидесяти¹ бронзовых двухперых и трехперых втульчатых наконечников стрел, рассеянных по материке и на площади храма. Б.А. Литвинский² провел их классификацию, сравнив с наконечниками стрел скифо-сарматского мира, с памятников Средней Азии (Уйгарак, Дингильдже, Кайраккум, Андемин, Тегермансу, Мерв, Пшарт и др.) Афганистана (Нади-Али) и Ирана (Суз I, Персеполь). Ученый определил девять типов стрел ахеменидского периода, датировка которых варьирует от VII до IV вв. до н.э. Ученый пришел к следующему выводу: «Все типы тахтисангинских наконечников принадлежат к числу слабо представленных в Персеполе, за исключением первого (б) из описанных трехлопастных наконечников, который принадлежит к одному из двух наиболее распространенных в Персеполе типов»³. Согласно проведенной Б.А. Литвинским классификации, практически все типы бронзовых втульчатых наконечников стабильно употреблялись на обширной территории в VI-V вв. до н.э., о чем свидетельствуют приведенные ученым памятники, в том числе и Тахти-Сангин.

Итак, проведенный нами в третьей главе сравнительный анализ предметов Амударьинского клада и находок из храма Окса с «Авестой» показал, что указанные артефакты являлись подношениями богине Ардвисуре в храме Окса, которые ей приносились в течение длительного времени, возможно, не одно столетие. Среди находок особенно следует выделить золотую пластину с изображением, по-нашему мнению, Заратушт-

---

и О.Н. Иневаткина. М.: ИВ РАН, Гос.Музей Востока, 2003. С. 33.

¹ Пичикян И.Р. Клад Окса и Храм Окса // Советское Востоковедение.: проблемы и перспективы. М.: Наука, 1988. С. 40.

² Литвинский Б.А. Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина // Древности Евразии в скифо-сарматское время. Под. Ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко. М.: Наука, 1984. С. 153-157.

³ Литвинский Б.А. Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина. С. 156.

ры, ведущего верблюда (рис.12б). Этот предмет ахеменидского искусства относится к VI-V вв. до н.э. – периоду, когда зороастрийские верования уже господствовали не только в Бактрии, но и во всей Ахеменидской империи. Заметим, что сюжет на тахтисангиновской пластине – распространенная в ахеменидском искусстве иконографическая схема. Нет никаких сомнений в том, что это изображение идентично композициям на каменных рельефах во дворце ахеменидских царей в Персеполе (рис. 12а)¹, где пять представителей народов Центральной Азии приносят в дар верблюдов (*Camelus bactrianus*)².

Наличие находок ахеменидского времени в храме Окса может вызвать вполне аргументированное суждение о том, что они могли быть принесены в храм в постахеменидский период, то есть в эпоху эллинизма. И это совершенно справедливое замечание. Однако археологические исследования на памятнике последних двадцати пяти лет представили новые находки, которые могут дать ответы на интересующие нас вопросы. Так, в растворе между кирпичами в восточной стене центрального зала храма Окса и в ее глиняной обмазке, а также под кирпичным полом на материке в коридоре № 9 и южном атешгахе храма обнаружены фрагменты ахеменидской керамики (рис. 26)³. Вполне возможно, что эта керамика – фрагменты посуды, которая была произведена на территории самого Тахти-Сангина. Цилиндроконическому профилю керамических фрагментов и их темно-терракотовому цвету А.П. Дружинина нахо-

---

¹ Walser G. Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis: Historische Studien über den sogenannten Tributzug an der Apadanatreppe. Berlin: Gebr. Mann, 1966. Taf. 22.

² Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3. Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. С. 74-87.

³ Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его округа (2002-2009 гг.) // АРТ. 2012. Вып. XXXV. С. 339, 343, 348, 354; Она же. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 144, 147; Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 71, 75, 80, 88, 91, fig. 16.

дит параллели среди изделий кера мики комплекса Яз III и датирует её концом V – началом IV вв. до н.э.¹.

В 2004, 2006-2010 гг. на площади перед храмом Окса был обнаружен и раскопан колодец культового назначения со ступенчатым спуском. Наличие в нем ступенек и резервуара, а также площадки с костями жертвенных животных² являются еще одним подтверждением того, что это сооружение связано с культом воды и божества Окса, одного из главнейших божеств древней Бактрии³. Расположение храма на месте слияния Вахша и Пянджа, где с точностью можно было вычислить дни весеннего и осеннего равноденствия, также является важным фактом в пользу его доэллинистического возведения. Таким образом, исследования последних лет на памятнике свидетельствуют о том, что храм Окса первоначально был зороастрийским.

Обратим внимание на тот факт, что на противоположном берегу Амударьи на слиянии рек Кокча и Пяндж расположен эллинистический город Айханум. При раскопках памятника было обнаружено большое святилище (“храм с углубленными нишами”)⁴, которое вероятно, также посвящено божеству Окса⁵, и очень напоминает храм Окса на Тахти-Сангине. В процессе раскопок были обнаружены также гончарные изде-

---

¹ Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. P. 91.

² Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году // АРТ. 2013. Вып. 36 (2010 г.). С. 149-153, 157-159; 149-153, 157-159; Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Инагаки Х. Отчет о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2010 гг. Работы на площади храма Окса в раскопах № 17 и № 18 // АРТ. 2016. Вып. XXXVIII (2012). С. 280-316.

³ Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Leiden-New York-Kobenhavn-Köln: E.J. Brill, 1991. Vol. III. P. 179-181; Francfort H.-P. Ai Khanoum «temple with indented niches» and Takht-i Sangin “Oxus temple” in historical cultural perspective: a hypothesis about the cults // Parthica. 2012. Issue 14. P. 124, 131.

⁴ Bernard P. Quatrième campagne de fouilles a Ai Khanoum (Afghanistan) // CRAI. 1969. P. 313-355; Idem. Campagne de fouilles 1969 a Ai Khanoum en Afghanistan // CRAI. 1970. P. 301-349; Idem. La campagne des fouilles de 1970 a A i Khanoum (Afghanistan) // CRAI. 1971. P. 385-483 и др.

⁵ Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. P. 179-181.

лия, стратиграфические слои и артефакты ахеменидской эпохи. Однако четко очерченный слой ахеменидского периода отсутствовал, пока не обнаружили большую колоколообразную базу колонны, свидетельствующую о наличии на территории городища важного административного здания Ахеменидов и, следовательно, важного поселения Ахеменидов¹.

Аналогичный случай произошел с Тахти-Сангином. Имелись предметы искусства, керамика, кирпич ахеменидского времени, но не хватало аргументированных фактов. Сезон 2017 г. совместной таджикско-французской экспедиции (Т. Худжагелдиев и М. Желен) оказался на редкость удачным. Археологи обнаружили в древнем стратиграфическом слое торообразную базу (рис. 27) колонны на постаменте². Все детали ордера³ сделаны из мелкозернистого мраморовидного белого известняка. Такой тип базы колонн использовался на протяжении веков в ахеменидский, эллинистический и кушанский периоды. Однако существуют критерии для определения времени

---

¹ Francfort H.-P. *Ai Khanoum “temple à niches indentées” (temple with indented niches) » and Takht-i Sangin “Oxus temple” in historical cultural perspective: a hypothesis about the cults // Parthica, 2012. P. 110-113; Francfort H.-P. Bases de colonne campaniformes d'Asie centrale // L'Orient est son Jardin. Hommage à Rémy Bouchard (Acta Iranica, S. Gondet et E. Haerinck (eds.). Leuven, Paris, Bristol: Peeters, 2018. P. 167-176.*

² Желен М. Тахти Сангин, 2017. Предварительный отчет (в сотрудничестве с П.-М.Блан) // АРТ. 2022. Вып. XLII. С. 153-154, рис. 5.

³ Архитектурный ордер (лат. *ordo* – строй, порядок) – тип архитектурной композиции состоящей из вертикальных (колонны, пилястры) и горизонтальных (антаблемент) элементов. Включает в себя систему пропорций, предписывает состав и форму элементов, а также их взаиморасположение. архитектурный ордер имеет триадную структуру: все его части, большие и малые, делятся на три: постамент (стереобат), несущая часть (колонна) и несомая (антаблемент). Колонна делится на три части: база, фуст, капитель. Антаблемент также делится на три части (снизу-вверх): архитрав, фриз, карниз. База имеет плинт, торус (вал), трохилус (выкружка).

их изготовления. Так, базы колонн ахеменидского времени¹ изготавливались с помощью плоского металлического долота. Причем зубья долота не использовались, а колесо не поворачивалось. Важно отметить, что тор в этот период вырезался отдельно от базы. Именно к такой форме принадлежит база колонны из храма Окса. В эллинистический же и кушанский периоды они оба производились из одного куска камня, то есть база была цельной².

Отряд И.Р. Пичикяна также находил торовидные базы³. Проведя сравнительный анализ баз из Тахти-Сангина, с базами из памятников ахеменидского мира Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян пришли к важному выводу, что тахтисангинские базы примыкают к одной группе ахеменидских баз V-IV вв. до н.э., являясь их закономерным развитием⁴. Однако следует отметить, что база, обнаруженная в 2017 г., находилась в более раннем слое. Это дает нам основание предположить, что база этой колонны относится к ахеменидскому периоду и, вполне вероятно, к V в. до н.э.

Несмотря на то, что строительная деятельность селевкидских и греко-бактрийских царей, путем разрушения и возведения, почти уничтожила на Тахти-Сангине первоначальное местное бактрийское святилище, мы не можем больше игнорировать наличие здесь остатков храма, функционирующего в V в. до н.э. А это значит, что в это время город Тахти-Сангин уже

---

¹ Schmidt E.F. *Persepolis I. Structures. Reliefs. Inscriptions.* T.3. Chicago: The University of Chicago Press, 1953. Table 119, 122, fig. 75-79.

² Bernard P. *Chapiteaux corinthiens hellénistiques d'Asie centrale découverts à Aï Khanoum // Syria.* Paris, 1968. T. 45. No 1-2. P. 128, fig. 8a, 10; Idem. *Campagne de fouilles 1969 à Aï Khanoum en Afghanistan // CRAI.* 1970. P. 333, 337, fig. 28-29.

³ Пичикян И.Р. *Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки.* М., 1991. 148; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. *Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь.* М., 2000. С. 141-153.

⁴ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. *Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь.* С. 153.

существовал. Важно также отметить, что в древности на строительство подобного сооружения требовался не один год, а возможно и не одно десятилетие. Строительство же самого города, вероятнее всего, началось раньше, чем возведение храма Окса.

Заметим, что на территории Тахти-Сангина были обнаружены курганные захоронения, относящиеся к бронзовому веку¹ и даже к неолиту² (в пещере и храме). Это свидетельствует о том, что территория городища была заселена намного раньше его функционирования.

Следует отметить, что такое монументальное сооружение, как храм Окса, мог быть построен только в большом городе. Так, проведя тщательный анализ планировки и строительных конструкций храма, И.Р. Пичикян приходит к важному выводу о том, что «восточная по типу планировка храма Окса могла быть осуществлена архитектором, мыслящим в традициях восточной практики строительства культовых зданий. Конкретно храмов огня... Такое монументальное сооружение могло быть осуществлено при очень широких строительных работах, требующего большого количества людских ресурсов и финансовых затрат, значительно превышающих возможности маленького города»³.

Таким образом, по вопросу о новой датировке Тахти-Сангина мы высказали свою точку зрения, с той или иной пол-

---

¹ Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника «Тигровая Балка». Душанбе: Дониш, 1989. С. 14; Она же. Новый могильник вахшской культуры // АРТ. 1991. Вып. XXIII (1983). С. 165-176; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. С. 47.

² Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Открытие неолитической стоянки под зданием храма Окса на городище Тахти-Сангин (Южный Таджикистан) // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 131-142; Худжагелдыев Т.У. Разведка неолитических памятников на территории античных городищ Тахти-Сангин и Тахти-Кубад // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 161-173; Он же. Исследование неолитической стоянки Тахти-Сангин в 2004 г. // АРТ. 2005. Вып. XXX. С. 53; Он же. Подъемный материал неолитического времени в окрестностях Тахти-Сангина (2010 г.) // АРТ. 2013. Вып. XXXVI. С. 82-90.

³ Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки. М., 1991. С.148.

нотой, подкрепленной фактами. Находки ахеменидского и, возможно, более раннего периода, обнаруженные на памятнике, даже при отсутствии впечатляющей архитектуры доэллинистического времени (по крайней мере, на данный момент), свидетельствуют о том, что мы не должны сосредоточиться исключительно на материалах эллинистического и кушанского периодов и игнорировать более ранний чрезвычайно важный период и культуру Центральной Азии на территории Таджикистана. Насколько наша точка зрения справедлива – рассудит время и новые археологические исследования на городище Тахти-Сангин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В представленном монографическом исследовании впервые был проведен историографический анализ существующих публикаций, посвященных одному из известнейших археологических памятников Центральной Азии – Тахти-Сангину. Подводя итог проведенному анализу, прежде всего, отметим, что его результаты не могут быть исчерпывающими, так как археологические изыскания в основном проводились на цитадели городища, а сам город до настоящего времени практически не раскопан. В предлагаемой работе в хронологической последовательности приведен анализ истории изучения памятника. В результате выделено три периода, каждый из которых имеет свои характерные особенности.

В первый период (70-е гг. XIX в. - 1917 г.) был дан старт изучению Тахти-Сангина. Первооткрывателем памятника является известный русский ученый Н.А. Маев. Первоначальный этап его изучения был периодом накопления информации о нем и предварительного археологического описания. Анализ научных публикаций показал, что Тахти-Сангин в этот период рассматривался в двух аспектах: как оборонительная крепость у переправы через Окс-Амударью греко-бактрийского времени и как предполагаемое место находки Амударьинского клада.

Второй период (1917-1991 гг.) является самым длительным в истории изучения памятника и характеризуется ростом количества публикаций, посвященных вопросам истории, археологии, архитектуре, культуре, искусству и астрономии Тахти-Сангина. Он делится на три этапа.

На начальном этапе (20-е – 30-е гг. XX в.) продолжалось археологическое описание памятника.

На втором этапе (1946-1975 гг.) было положено начало полноценному изучению объекта, который получил название «Каменное городище». Изыскания на городище проводили М.М. Дьяконов и А.М. Мандельштам.

Третий этап (1976-1991 гг.) определяется нами как время полномасштабных комплексных археологических изысканий, в результате которых памятник стал называться Тахти-Сангином. Городище становится объектом исследования не только археологов, но и специалистов других научных направлений. Исследования на памятнике проводились Тахтикубадским отрядом, возглавляемом И.Р. Пичикияном под общим руководством Б.А. Литвинского. Третий этап характеризуется тем, что в это время, во-первых, раскопки были сосредоточены в основном в храме Окса. Во-вторых, на памятнике работали только советские ученые.

Археологические раскопки на Тахти-Сангине на заключительном этапе второго периода показали, что Тахти-Сангин – это город, на территории которого было открыто грандиозное архитектурное сооружение, вошедшее в научную литературу под названием храм Окса. В настоящее время он признан эталоном древневосточного архитектурного искусства и единственным памятником подобного рода в Центральной Азии. Обилие находок – одна из отличительных его особенностей. Здесь обнаружено свыше 8000 тысяч археологических предметов, датируемых VI до н.э. – IV вв. н. э., многие из которых в силу своей уникальности вошли в копилку мировых шедевров.

Третий период (1998 – до настоящего времени) археологических исследований на Тахти-Сангине совпал с периодом обретения Республикой Таджикистан политической независимости. К изучению объекта в начале приступил Тахтисангинский отряд (1998-2010 гг., начальник А.П. Дружинина), затем совместный таджикско-французский археологический отряд Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ и Национального центра научных исследований (UMR 7041, CNRS) (2014 и 2017 гг.) (руководители М. Желен и Т.У. Худжагелдыев). В последнее время археологический отряд Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ (руководители: в 2020 г. – Н. Сайфуллоев, в 2022 г. – Т.У. Худжагелдыев) также проводил изыскания на городище.

Результаты исследований на Тахти-Сангине в 1998-2022 гг. показали, что были достигнуты большие успехи в изучении памятника. Археологам удалось значительно продвинуться в исследовании самого города и определить его четкие границы. Были раскопаны жилые кварталы, оборонительные стены. Продолжив раскопки на территории цитадели городища, археологи открыли остатки административного здания, а также улицу и бронзолитейную мастерскую.

Подводя итоги археологических исследований на памятнике в 1976-1991 и 2010-2022 гг. следует констатировать, что Тахти-Сангин – это древний город, о чем свидетельствует его общая площадь около 105 га (3000м x 100-450м). Он имеет продуманную фортификационную систему. На юге и севере Тахти-Сангин защищен оборонительными стенами, на западе он имеет естественную границу в виде скальных хребтов, на востоке – частично укрепленную полосу древнего берега Амударьи. В структуру города входила цитадель, на которой расположен храм и административные здания, со всех сторон только в эллинистическое время ее окружали жилые районы (83 га) с многочисленными постройками. Каждый участок был отделен от других стен, идущими в направлении восток-запад, либо сухим руслом ручья, либо оврагом. Кроме того, Тахти-Сангин имел некрополь и округу площадью 20 га, примыкающую к городу с севера и простиравшуюся на 1000 м вдоль линии Вахша на север в сторону слияния его с рекой Пяндж.

Тахти-Сангин функционировал в ахеменидский, эллинистический, греко-бактрийский, кушанский и кушано-сасанидский периоды. Все перечисленные слои зафиксированы на цитадели города, а в его жилой части – в основном эллинистический, греко-бактрийский и кушанский. Новые археологические изыскания на городище Тахти-Сангин показали, что его территории была заселена еще в эпоху неолита.

После обнаружения в храме Окса фрагментов ахеменидской керамики (Яз III) возник вопрос о новой датировке памятника. Начало функционирования города в ахеменидский период, а именно в V в. до н., определено самой планировкой храма Ок-

са, а также некоторыми особенностями строительных конструкций, функциональным назначением помещений и находками ахеменидского периода, строительными материалами, прежде всего, торовидными базами и размерами кирпича.

В процессе сопоставления храма Окса с одновременными ему храмами Кухи-Хваджа, Суз и Персеполя мы пришли также к заключению, что все эти храмы начали функционировать в один и тот же период – не позже конца V в. до н.э. На это указывают общие характерные архитектурные особенности упомянутых объектов, которые строились по одному «типовому проекту» в иранском мире в ахеменидский период.

В ходе проведенного исследования был сделан вывод о том, что храм Окса – это зороастрийский храм огня. Об этом свидетельствуют следующие характеристики его планировки, которая сохранилась во все периоды функционирования храма: четырехугольный зал, обводные коридоры и колонный айван, наличие двух атешгахов, ям, заполненных чистой золой, колодец культового назначения со ступенчатым спуском, резервуар для воды и площадкой с костями жертвенных животных. Особого внимания заслуживает рассмотрение причин строительства храма в месте, где Вахш впадает в Пяндж, образуя Амударью. Его месторасположение было идеально для вычисления времени наступления весеннего и осеннего равноденствия. В эти дни древние иранцы – бактрийцы, празднуют Навруз и Мехргон, одни из главных зороастрийских праздников. Кроме Ардвисуры Анахиты – богини плодородия, важно было обращаться также к Митре – солнечному божееству, Вертрагне – богу ветра и Тиштрии – богу дождя, от которых зависит земледельческий цикл. Культ огня и культ воды, связанные с этими божеествами авестийского пантеона, одинаково почитались в этом храме. Для проведения ритуалов и обрядов, связанных с почитанием зороастрийских культов и божееств, а также для вычисления дней равноденствия требовалось специальное сооружение. Именно таким святилищем служил храм Окса.

Сравнительный анализ семантики сюжетов артефактов из храма Окса с предметами из Амударьинского клада, с текстом

«Авесты» свидетельствует также о том, что храм был зороастрийским, а население Бактрии поклонялось авестийской богине Ардвисуре Анахите, которая здесь имела свое название – Вахшу/Окс. Таким образом, храм Окса изначально для населения Бактрии являлся символом зороастрийской веры, где оно могло исполнять свои религиозные обряды. Немаловажным фактом является то, что в Амударьинском кладе помимо произведений ахеменидского периода имеются образцы мидийского и ассирийского, а также архаического греческого искусства. Это свидетельствует о существовавшей на Тахти-Сангине традиции приношения даров боже-ству Вахшу/Оксу в более ранний период.

Как показывает исследование, если в начальный период храм Окса был местом поклонения у населения Тахти-Сангина, которое было приверженцем зороастрийских верований, то, уже начиная с эллинистического периода, в храм стали приходить эллины, которые поклонялись своим богам. Об этом свидетельствуют греческие алтари и находки.

Находки из Тахти-Сангина вписали в историю культуры и искусства не только Таджикистана, но и Центральной Азии, новую яркую главу, обогатив наши знания о монументальной архитектуре древней Бактрии, её религиозных представлениях и т.д. На сегодняшний день в результате археологических работ на памятнике собран значительный объем находок, превышающий 10 тысяч целых и фрагментированных экземпляров, датированных от VI в. до н.э. до IV в.н.э., среди них – сотни произведений искусства. Основная часть артефактов находилась в храме Окса, шедевре строительного искусства древних бактрийцев. Более одной тысячи посвященных предметов и их фрагментов являются раритетами, многие из которых не имеют аналогов в центральноазиатском искусстве, и до сего дня не обнаружены ни на одном археологическом объекте.

Несколько сотен монетных находок, найденных в разных помещениях храма Окса и на территории самого городища, представлены одной драхмой Александра Македонского, а также селевкидскими, греко-бактрийскими, кушанскими и посткушанскими монетами. Монетные находки с городища

Тахти-Сангин свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития денежного обращения в Северной Бактрии в греко-бактрийском и, особенно в кушанский периоды.

Кроме того, на Тахти-Сангине обнаружены надписи не только на древнегреческом, но и на бактрийском языке, что позволяет включить его в список важных эпиграфических памятников Центральной Азии.

Археологи продолжают находить на Тахти-Сангине новые артефакты, которые наряду с восхитительными произведениями искусства прошлых лет свидетельствуют о многогранном таланте, высоком профессионализме местных мастеров, которые продолжили многовековые традиции своих предшественников. Все это свидетельствует о большой значимости Тахти-Сангина в истории и культуре Центральной Азии.

Раньше Тахти-Сангин, как и Ай-Ханум, расположенный на противоположном берегу Амударьи, рассматривался как памятник эллинистической культуры. Оба объекта являются эталонными при изучении материальной и духовной культуры эллинистической Бактрии. Известно, что памятников ахеменидского времени не так много в этом регионе. Теперь с обнаружением новых находок на Тахти-Сангине, у ученых появилась возможность восполнить пробел в изучении материальной и духовной культуры ахеменидской Бактрии.

Историографический анализ научных трудов по Тахти-Сангину, опубликованных за последние двадцать пять лет, показал, что этот уникальный памятник хранит еще много загадок, а самое главное, находок, которые могут стать предметом будущих изысканий.

По некоторым вопросам автор работы высказала свои предположения, с той или иной полнотой подкрепленные фактами. Насколько они справедливы, рассудит время и новые материалы замечательного памятника Тахти-Сангин, открытого на территории Таджикистана.

СПИСОК БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия.
- АРТ – Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
- ВДИ – Вестник древней истории. Москва.
- ИИАЭ им. А.Дониша – Институт археологии и этнографии им. А. Дониша
- ИРГО – Известия Российского географического общества.
Санкт-Петербург
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
- МАИКЦА – Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. Москва-Ленинград.
- НАНТ – Национальная академия наук Таджикистана
- РАН – Российская Академия наук.
- СА – Советская археология.
- СЭ – Советская этнография.
- СПбГИК – Санкт-Петербургский государственный институт культуры
- ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.
- Тр. ТАЭ – Труды таджикской археологической экспедиции.
- ЭО – Этнографическое обозрение.
- ЮТАЭ – Южно-Таджикистанская археологическая экспедиция
- АМИТ – Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Berlin.
- АИТ – Archäologie in Iran and Turan. Darmstadt
- CNRS – Centre national de la recherche scientifique (France).
- CRAI – Comptes rendus des seances de l'Academie des inscriptions et belles-lettres. Paris.
- JA – Journal asiatique. Paris
- JRAS – Journal of the Royal Asiatic Society Great Britain and Ireland. London.
- RA – Review archeology. Paris.

SBE – Sacred Books of the East. London.

ZPI – Zeitschrift für Papirologie und Epigraphik. Bonn.

БИБЛИОГРАФИЯ

Архивные документы

Приказ Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша НАНТ от 25.09.2020 под № 28-к.

Приказ Института истории, археологии и этнографии им.А.Дониша НАНТ от 08.08.2022 под № 29.

Письменные источники и эпиграфические памятники

Авеста русских переводах (1861-1996). Сост., общ. ред. примеч., справочный раздел И.В. Рака. – СПб.: «Журнал Нева, «Летний Сад», 1998. – 480 с.

Авесто: Кухантарин сурудҳо ва матнҳои эрони. Гузориш ва паҷушиши Ҷ. Дустҳоҳ. – Душанбе, 2001. – 792 с.

Бируни, Абу Рейхан. Избранные произведения. Памятники минувших поколений. Перев. и прим. М.А. Салье / Абу Рейхан Бируни. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – Т. I. – 516 с.

Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, –1972. 600 С.

Кухарчик Ю. Древнеперсидские надписи Дария I и Ксеркса из Персеполя (текст, комменарии, перевод) / Ю. Кухарчик // Электронный научный журнал SCRIPTORIUM: история древнего мира и средних веков. № 6 (2010). Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/91500> (Дата доступа: 21.06.2023).

Ригведа. Мандалы I-IV. Изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова. – М.: Наука, 1989. – 767 с.

Страбон. География в 17-ти кн. Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1964. – 943 с.

Atharva-veda. Transl. by M. Bloomfield. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1897. – 796 p. (SBE, vol. 42).

Avesta die heiligen Bücher der Parsen. 3 bands. Hrsg. Von Karl F. Geldner. – Stuttgart: Kohlhammer, 1886 – 1895. Bd. I. Yasna. – 239 s., Bd. II. Vispered and Horda Avesta. – 277 s., Bd. III. Der Vendidad. – 139 s.

Dînâ-î Maînôg-î Khirad, Sikand-gûmânîk Vigâr, and the Sad Dar. – Oxford, Univ. Press, 1885. – 372 p. Part III: Dînâ-î Maînôg-î Khirad. Transl. by E.W. West. – P. 1–133 (SBE, vol. 24).

Justinus. Epitome of Pompeius Trogus' "Philippic histories" on Hellenistic history. A history of the world, with an emphasis. Электронный ресурс: www.attalus.org/info/justinus.html (Дата доступа: 20.09.2022).

Pahlavi Texts. Pt. I: Selections of Zâd-Sparam. Chapters I-XI. Transl. by E.W. West. Oxf.: Oxford University Press, 1880. P. 153-187 (SBE, vol. V.); Pt. V: Marvels of Zoroastrianism. Selections of Zâd-Sparam. Chapters XII-XXIV. Transl. by E.W. West. Oxf.: Clarendon Press, 1897. P. 133-171 (SBE, vol. XLVII).

Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale // Corp. Inscr. Iran. Part. II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I: Inscriptions in Non-Iranian Languages. Ed. by an International Committee. – London: School of Oriental and American Studies, 2012. – P. 196-199, 274-276.

The Bisitun Inscription of Darius the Great: Babylonian Version // Corp. Inscr. Iran. Pt I. Inscription of Ancient Iran. Vol. II: Texts I. Ed. by an International Committee. – London: Percy Lund Phries, 1978 (Babylonian Text, including the Babylon fragments, Eng. transl. by E. Voigtlander). – 87 p.

The Bundahis, Bahman-Yasht [Pahlavi], and Shâyast [and: Appendix to the Bundahis: Selections of Zâdsparam, brother of dastûrPârs and Kirmân, A.D. 881. Oxford, University Press, 1880. 434 p. Part I. Chapters I-IX (Paraphrase of Bundahis, I-XVII)]. Transl. by E. W. West. P. 1–151. (SBE, vol. 5).

TITUS TEXT COLLECTION. Электронный ресурс: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/avesta/avest.htm>

Vedic Hymns. Part I: Hymns to the Martus, Rudra, Vāyu and Vāta. Transl. by F. Max Müller. Oxford: The Clarendon Press, 1891. CXXV, 556 p. (SBE. XXXII); Part II: Hymns to Agni. Transl. by H. Oldenberg. Oxford: The Clarendon Press, 1897. 495 p. (SBE. LVI).

Zendavesta or the Religious Books of the Zoroastrians. Ed. and transl., with a dictionary, grammar by N.L. Westergaard. – Copenhagen, 1852-1854.

Перечень цитированных трудов

Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана / А. Аскарлов. Ташкент: Фан, 1977. – 230 с.

Аскарлов А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан / А. Аскарлов, Б.Н. Аб-

дуллаев. – Ташкент: Фан, 1983. – 120 с.

Балахванцев А.С. К вопросу об атрибуции глиняных голов из Тахти-Сангина // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Издательская фирма Вост. лит., 2010. С. 521-530.

Балахванцев А.С. Новая надпись из Тахти-Сангина и некоторые проблемы восточного эллинизма / А.С. Балахванцев // Российская археология. – 2014. – № 4. – С. 89-96.

Беленицкий А.М. Хутгальская лошадь в легенде и историческом предании / А.М. Беленицкий // СЭ. – 1948. – № 4. – С. 162-167.

Беленицкий А.М. Конь в культурах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье / А.М. Беленицкий // КСИА. – 1978. Вып. 154. – С. 162-167.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая / А.Н. Бернштам // МИА. – 1952. – № 26. – 346 с.

Бирюков Д.В. Драхмы от Александра / Д.В. Бирюков // Нумизматика Центральной Азии. – Ташкент, 2001. Вып. V. – С. 96-104.

Бичурин Н.Я. (о. Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. III / Н.Я. Бичурин. – СПб., 1851. – [2], VI, 274 с.

Бобомуллоев С.Г. История изучения археологических памятников Южного Таджикистана (XX – начало XXI вв.) / С.Г. Бобомуллоев. – Душанбе: Истеъдод, 2010. – 272 с.

Богомоллов К.А. Следы древнего культа воды у таджиков / К.А. Богомоллов // Изв. АН ТаджССР. Отд. общ. наук. – 1952. – Вып. II. – С. 109-120.

Болелов С.Б. Заметки о бактрийской керамике (к вопросу о датировке литейной формы бронзового котла из храма Окса, Тахти-Сангин) / С.Б. Болелов // Российская археология. 2014. – № 4. – С. 64-74.

Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 2003. – 1888 с.

Бороффка Н., Мэй Ц.Ц. Распространение технологий в Центральной Азии: взаимопроникновение китайской, греческой и скифо-сарматской традиции металлообработки / Н. Бороффка, Ц.Ц. Мэй // ВДИ. – 2011. – № 4 (270). – С. 49-76.

Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии / И.С. Брагинский. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 495 с.

Бубнова М.А. Культ овцы и цветовая символика в верованиях древних памирцев (по археологическим источникам) / М.А. Бубнова // Изучение древнего Ирана и Авесты. – Париж, 1997. – Т. 2. – С. 611-621: Второй междунар. Конгр. Индоиранской цивилизации (на фарси).

Вексина М. Лингвистический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки сосуда / М. Вексина // АРТ. – 2010. – Вып. XXXIV. – С. 226-240.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. По материалам Уйгарака / О.А. Вишневская // ТХАЭЭ. – 1973. – Т. 8. – 160 с.

Гёрсдорф Й. Датировка пробы по С¹⁴ со стоянок Тахти-Сангин и Люлякутал) / Й. Гёрсдорф // АРТ. – 2004. – Вып. XXIX. – С. 158-159.

Дедюлькин А.В. Детали из слоновой кости от эллинистического парадного оружия из храма Окса / А.В. Дедюлькин // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения д.и.н. А.М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения д.и.н. И.Н. Хлопина (10-12 ноября 2020 г., Санкт-Петербург). – СПб.: ИИМК РАН, 2020. – С. 174-176.

Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране / Е.А. Дорошенко. – М: Наука, 1982. – 132 с.

Грене Ф. Земледельческие и скотоводческие культы Согдианы: тексты и образы // Муаррих / Историк. – Душанбе, 2016. – № 1 (5). – С. 45-50.

Голод А.А. Храм Окса на городище Тахти-Сангин – эллинистическая обсерватория / А.А. Голод // Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Йошкар-Йола, 2010. – Вып. 5. – С. 81-88.

Голод А.А. Гипотеза о месте выбора возведения храма Окса / А.А. Голод // Мероси Ниёгон /Наследие предков. – 2012. – № 15. – С. 139-159.

Голод А.А. Храм Окса на городище Тахти-Сангин в Южном Таджикистане. Гипотеза о выборе места возведения храма / А.А. Голод // Восток (Oriens). – 2013. № 5. – С. 100-113.

Голод А.А. Гипотеза о выборе места возведения храма Окса (Астроархеологическое исследование храма Окса) / А.А. Голод // Bulletin of MIOU Museum. – 2021. – Vol. 21. – P. 71-100.

Грушанская Ж.Я. Археологические памятники ранних кочевников на Памире / Ж.Я. Грушанская. – Рукопись. – Архив отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. А.Дониша НАНТ.

Демиденко С.В. Котлы типа «Тахти-Сангин – Бармашино»: к проблеме взаимопроникновения традиций металлообработки в Центральной Азии С.В. Демиденко // Российская археология. – 2014. – № 4. – С. 75-88.

Денике Б. Музей Восточный Культур. Краткая историческая справка / Б.Денике // Культура Востока. Сборник Музея восточных культур Вып. I. – М.: Издание Музея Восточных Культур, 1927. – С. 3-4.

Денике Б. Экспедиция Музея Восточный Культур в Термез. Предварительный отчет / Б.Денике // Культура Востока. Сборник Музея Восточных Культур. Вып. I. – М.: Издание Музея Восточных Культур, 1927. – С. 9-18.

Денике Б. Экспедиция Музея Восточный Культур в Среднюю Азию 1927 года / Б.Денике // Культура Востока. Сборник Музея Восточных Культур. Вып. II. – М.: Издание Музея Восточных Культур, 1928. – С. 3-16.

Довуди Д. Монетные находки на Тахти-Сангине и их научное значение / Д. Довуди // Муаррих/Историк. – 2021. – № 4 (28). – С. 94-105.

Дрезден М. Мифология Древнего Ирана / М. Дрезден // Мифология Древнего мира. Под ред. В.А. Якобсона. – М.: ГРВЛ, 1977. – С. 337-365.

Дружинина А. Раскопки на городище Тахти-Сангин. Предварительный отчет 1998-1999 года о работах на восточном участке цитадели / А. Дружинина // АРТ. – 2000. – Вып. XXVII. – С. 240-261.

Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени / А. Дружинина // АРТ. – 2004. – Вып. XXIX. – С. 224-236.

Дружинина А.П. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории древней Бактрии / А. Дружинина // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. – № 3(19). – С. 131-158.

Дружинина А.П. Предварительные результаты раскопок на городище Тахти-Сангин в 2004 г. / А. Дружинина // АРТ. – 2005. – Вып. XXX. – С. 86-105.

Дружинина А.П. Результаты исследования структуры городища Тахти-Сангин и его окружи (2002-2009 гг.) / А. Дружинина // АРТ. 2012. – Вып. XXXV. – С. 323-368.

Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 г. / А. Дружинина // АРТ. – 2013. – Вып. XXXVI. – С. 143-180.

Дружинина А.П., Инагаки Х. Общие результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2007 г. / А. Дружинина, Х. Инагаки // АРТ. – 2009. – Вып. XXXIII. – С.101-106.

Дружинина А., Ходжаева Н.Д. Синтез культур местного и пришлого населения в период античности и эллинизма / А. Дружинина, Н.Дж. Ходжаева // Этногенез и этническая история таджикского народа. В 2-х томах. Том 1. – Душанбе: Дониш, 2021. – С. 600-628.

Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Открытие неолитической стоянки под зданием храма Окса на городище Тахти-Сангин (Южный Таджикистан) / А.П. Дружинина, Т.У. Худжагелдыев // АРТ. 2004. Вып. XXIX. С. 131-157

Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопках Храм № 17 и № 18 / А.П. Дружинина, Т.У. Худжагелдыев // АРТ. – 2009. – Вып. XXXIII (2007 г.). – С.107-136.

Дружинина А.П., Инагаки Х., Худжагелдыев Т.У. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. / А.П. Дружинина, Х. Инагаки, Т.У. Худжагелдыев // АРТ. – 2010. – Вып. XXXIV. – С. 191-216.

Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Инагаки Х. Отчет о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2010 гг. Работы на площади Храма Окса в раскопках № 17 и № 18 / А.П. Дружинина, Т.У. Худжагелдыев, Х. Инагаки // АРТ. – 2016. – Вып. XXXVIII. – С. 280-316.

Дружинина А.П., Худжагелдыев Т.У., Ротт Ф. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2006 г. / А.П. Дружинина, Т.У. Худжагелдыев, Ф. Ротт // АРТ. –2008. – Вып. XXXII (2006 г.). – С. 50-76.

Дьяконов М.М. Работы Кофарниганского отряда / М.М.Дьяконов // МИА. – 1950. – № 15. – С.147-188.

Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадан) (1950-1951 гг.) / М.М.Дьяконов // МИА. – 1953. № 37. – С. 253-293.

Дьяконов М.М. У истоков древней культуры Таджикистана / М.М.Дьяконов. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1956. – 143 с.

Желан М. Исследования на городище Тахти-Сангин (Новые таджикско-французские исследования: программа и методика) / М.Желан // АРТ. – 2019. – Вып. 40. – С. 140.

Желан М. Тахти Сангин, 2017 г. Предварительный отчет (в сотрудничестве с П.-М. Блан) / М.Желан // АРТ. – 2022. – Вып. 42. – С.153-162.

Жуков Ф. Верхнее течение Аму-Дарьи / Ф. Жуков // Туркестанские ведомости. 1880. № 12, 17, 21.

Заметки об экспедиции Н.А. Маева в Гиссарский край // Туркестанские ведомости. 1879. № 37.

Зеймаль Т.И., Зеймаль Е.В. Еще раз о месте находки Амударьинского клада / Т.И. Зеймаль, Е.В. Зеймаль // Изв. АН ТаджССР. Отд. Общ. наук. – 1962. – Вып. 1 (28). – С. 40-45.

Зеймаль Е.В. Амударьинский клад: каталог выставки / Е.В. Зеймаль. – Л.Искусство, 1979. – 96 с.

Зеймаль Е.В. Тахти Кобад или «Тахти Сангин» (снова об Амударьинском кладе) / Е.В. Зеймаль // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. – СПб, 1993. – С. 52-56.

Зеймаль Е.В. Монетные находки Тахти-Сангина (реестр) Тохаристана / Е.В. Зеймаль // Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – М: Изд-ая фирма «Вост. лит.» РАН, 2000. – С. 393-404.

Зеймаль Е.В., Зеймаль Т.И., Литвинский Б.А., Маршак Б.И., Негматов Н.Н Древности Таджикистана. Каталог выставки. Отв. ред. Е.В. Зеймаль / Е.В. Зеймаль, Т.И. Зеймаль, Б.А. Литвинский, Б.И. Маршак, Н.Н. Негматов. – Душанбе: Дониш, 1985. – 344 с.

Иванчик А.И. К вопросу о языковой ситуации в эллинистической Бактрии: новые данные из Тахт-и Сангина / А.И. Иванчик // Древность: исторические знания и специфика источника. Вып. IV. Отв. ред. А.С. Балахванцев. М.: ИВ РАН, 2009. С.43.

Иванчик А.И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности / А.И. Иванчик

// ВДИ. – Вып. 4. – 2001. – С. 110-131.

Каландарова О.И. Семантика ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда: дис. ...канд. ист. наук: 07.00.06; 07.00.09 / О.И. каландарова. – Душанбе, 2020. – 243 с.

Карта верховьев Аму-Дарьи. Составлена при Военно-топографическом отделе Главного штаба по новейшим сведениям, в 1885 году. Составлял А.Большев // ИРГО. 1886. Т. XXII. Вып. 2.

Керзум А.П. Тахти-Сангин. Керамика алтарно-башенного помещения / Керзум А.П. // Ученые Записки Комиссии по Изучению Памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока (археологические источники). Ред. И.С. Каменецкий. – М.: ГРВЛ, 1989. – С. 195-208.

Керзум П.П., Керзум А.П. Геоморфологические условия и реконструкция палеоэкологической обстановки в районе памятника Тахти-Сангин (на фоне территории Северной Бактрии-Тохаристана / П.П. Керзум, А.П. Керзум // Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – М.: Изд-ая фирма «Вост. лит.», 2000. – С.375-392.

Коровчинский И.Н. Клад Окса: к вопросу о месте и обстоятельствах находки / И.Н. Коровчинский // Проблемы истории, филологии и культуры. – Москва-Магнитогорск, 2004. – № 4. – С. 562-600.

Коровчинский И.Н. Резьба на ножнах из Тахти-Сангина в свете сравнительной индоевропейской мифологии / И.Н. Коровчинский // Индоевропейская история в свете новых исследований: сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова. М., 2010. С. 312–318.

Коровчинский И.Н. Монументальные алтари храма Окса и его культы / И.Н. Коровчинский // Вестник МГОУ. Серия “История и политические науки”. – 2012. – № 5. – С. 46-50.

Коровчинский И.Н. Типология эллинистических бактрийских храмов и культ огня / И.Н. Коровчинский // Новое прошлое / The New Past. – 2017. – № 4. – С. 49-73.

Кувабара Я. Результаты радиоуглеродного анализа (C¹⁴) образцов из раскопов на городище Тахти-Сангин / Я. Кувабара // АРТ. – 2010. – Вып. XXXIV. – С. 217-225.

Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Све-

та / Е.Е. Кузьмина // Средняя Азия в древности и раннем средневековье (история и культура). – М.: Наука, 1977. – С. 28-52.

Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков / Е.Е. Кузьмина // Скифы и сарматы. – Киев: Наукова думка, 1977. – С. 96-119.

Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Афрасиаба / Е.Е. Кузьмина. – М.: Наука, 1977. – 144 с.

Кузьмина Е. Е. О двух перстнях Амударьинского клада с изображением царик / Е.Е. Кузьмина // Советская археология. – М., 1979. – № 1. – С. 35-46.

Курбанов Ш.Ф., Косых А.М. Раскопки объекта XXVI в восточной части городища древнего Пенджикента / Ш.Ф. Курбанов, А.М. Косых // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. – 2013. – Вып. XV. – С. 9-23.

Кухарчик Ю. Древнеперсидские надписи Дария I и Ксеркса из Персеполя (текст, комменарии, перевод) / Ю. Кухарчик // Электронный научный журнал SCRIPTORIUM: история древнего мира и средних веков. № 6 (2010). Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/91500> (Дата доступа: 21.06.2023).

Левина Л.М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-асар, Кос-асар Томпак-асар // Низовье Сыр-Дарьи в древности. Вып. 3. Джетыасарская культура. Ч.2 / Л.М. Левина. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1993. – С.32-193.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья / Л.М. Левина. – М.: Изд-ая фирма “Восточная литература” РАН, 1996. – 396 с.

Лившиц В.А., Мамбетуллаев М.М. Острак из Хумбуз-тепе / В.А. Лившиц, М.М. Мамбетуллаев // Памятники истории и литературы Востока. Период феодализма. М.: ГРВЛ, 1986. – С. 34-45.

Линдстром Г., Хагель Ш., Сутковска О. Греческие музыкальные инструменты (авлосы) из храма Окса на городище Тахти-Сангин / Г. Линдстром, Ш. Хагель, О. Сутковска // Муаррих/Историк. – 2023. – № 1(33). – С. 142-151.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира» / Б.А. Литвинский. – М.: Наука, 1972. – 269 с.

Литвинский Б.А. Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина // Древности Евразии в скифо-сарматское время. Под. Ред. А.И. Мелюковой, М.Г. Мошковой, В.Г. Петренко / Б.А. Литвинский.

– М.: Наука, 1984. – С. 153-157.

Литвинский Б.А. Проблемы истории культуры Бактрии-Тохаристана в свете археологических работ в Южном Таджикистане в 1971-1980 гг. / Б.А. Литвинский // АРТ. 1987. Вып. XX (1980 г.).

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте / Б.А. Литвинский. – М.: Изд-ая фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. – 528 с.

Литвинский Б.А. Боевые топоры саков Памира / Б.А. Литвинский // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. – М.: Изд-ая фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. – С. 418-424.

Литвинский Б.А. Новое о находке клада Окса / Б.А. Литвинский // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. – М.: Изд-ая фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. – С. 418-424.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3.: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты / Б.А. Литвинский. – М.: Изд-ая фирма Вост. лит., 2010. – 664 С.

Литвинский Б.А. Искусство и мифологические представления кочевников Памира (середина и вторая половина I тыс. до н.э.) / Б.А. Литвинский // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Изд-ая фирма Вост. лит., 2010. С. 469-480.

Литвинский Б.А. Сравнительные материалы по украшениям кушанского времени из памятников Северной Бактрии (могильник Туп-хона и другие памятники) / Б.А. Литвинский // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Изд-ая фирма Вост. лит., 2010. С. 481-490.

Литвинский Б.А. Бронзовые зеркала из храма Окса и из других памятников Северной Бактрии / Б.А. Литвинский // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Изд-ая фирма Вост. лит., 2010. С. 491-503.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Новые открытия в Южном Таджикистане / Б.А. Литвинский, И.Р. Пичикян // Вестник Академии наук СССР. – М.: Наука, 1980. – №7. – С. 124-133.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Тахти-Сангин – Каменное городище (раскопки 1976-1978 гг.) / Б.А. Литвинский, И.Р. Пичикян // Культура и искусство древнего Хорезма. – М.: Наука, 1981. – С. 195-212.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Ножны акинака из Бактрии / Б.А. Литвинский, И.Р. Пичикян // ВДИ. – 1981. – № 3. – С.87-109.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Бактрия: новые находки археологов / Б.А. Литвинский, И.Р. Пичикян // Азия и Африка сегодня. – 1981. – № 12. – С.57-58.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Тахти-Сангин – Каменное городище / Б.А. Литвинский, И.Р. Пичикян // АРТ. – 1986. – Вып. XIX (1979 г.). – С. 104-136.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь / Б.А. Литвинский, И.Р. Пичикян. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – 503 с.

Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии / Б.А. Литвинский, Ю.Г. Виноградов, И.Р. Пичикян // ВДИ. – 1985. – № 4. – С. 84-116.

Логофет Д.Н. На границах Средней Азии. путевые очерки в 3-х книгах. Кн. III. Бухарско-Афганская граница / Д.Н. Логофет. – СПб.: Издал В.Березовский, комиссионер военно-учебных заведений, 1909. – 208 с.

Лурье П.Б. Согдийские бусы на «Крыше мира» Лурье / П.Б. Лурье // Восток (Oriens). – 2012. № 1. – С. 23-28.

Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию / А.М. Мандельштам. – М.-Л.: Наука, 1966. – 232 с. (МИА, № 136).

Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии/ А.М. Мандельштам. – Л.: Наука, 1975. – 211 с. (Тр. ТАЭ Ин-та Археологии АН СССР и Ин-та истории им.А.Дониша АН ТаджССР. Том VII).

Массон В.М. Фортификация и общество в исторической перспективе / В.М. Массон // Фортификация в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1995. – С. 5-7.

Мифы Древнего и Средневекового Ирана. – СПб.-Москва: «Журнал “Нева”» - «Летний Сад», 1998. – 560 с.

Мухитдинов И. Реликты доисламских обычаев и верований у земледельцев Западного Памира (XIX- начало XX в.). Кн. 1 / И. Мухитдинов. – Душанбе: Душанбе, 1989. – 260 с

Национальный музей древностей Таджикистана. Альбом. Под общ. ред. Р.М. Масова и С.Г. Бобомуллоева. Автор-составитель М.А. Бубнова. – Душанбе, 2005. – 257 с.

Новикова Л.Н. Техника и технология изготовления глиняной скульптуры в Средней Азии (на материалах Тахти-Сангина // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М.: Издательская фирма Вост. лит., 2010. С. 504-520.

Основы иранского языкознания. Кн. 1: Древнеиранские языки / Коллектив авторов. – М.: Наука, 1979. – 387 с.

Периханян А.Г. Общество и право Ирана в Парфянский и Сасанидский периоды / А.Г. Периханян. – М.: Наука, 1983. – 384 с.

Пичикян И.Р. Культовый комплекс на Каменном городище (обоснование, характеристика) // Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Тезисы докладов / И.Р. Пичикян. – Ташкент: Фан, 1979. – С. 88-90.

Пичикян И.Р. Фависа центрального здания Каменного городища / И.Р. Пичикян // АО 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 582.

Пичикян И.Р. Раскопки на Каменном городище / И.Р. Пичикян // АО 1979 года. М.: Наука, 1980. С. 476-477.

Пичикян И.Р. Тахти Сангин. Открытие культовых закладов / И.Р. Пичикян // АО 1980 года. – М.: Наука, 1981. – С. 477-479.

Пичикян И.Р. Возобновление работ на Каменном городище / И.Р. Пичикян // АРТ. 1982. – Вып. XVI (1976 г.). – С. 73-83.

Пичикян И.Р. Датировка ионийской капители из храма Окса / И.Р. Пичикян // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикской археологической экспедиции. – М.: Наука, 1983. – С. 63-65.

Пичикян И.Р. Раскопки Каменного городища в 1977 г. / И.Р. Пичикян // АРТ. 1983. – Вып. XVII (1979 г.). – С. 95-110.

Пичикян И.Р. Храм Окса на Тахти-Сангине / И.Р. Пичикян // АО 1981 года. – М.: Наука, 1983. – С. 488-490.

Пичикян И.Р. Открытие культового комплекса на Каменном городище в 1978 г. / И.Р. Пичикян // АРТ. – 1984. – Вып. XVIII (1978 г.). – С. 102-115.

Пичикян И.Р. Раскопки на Тахти-Сангине / И.Р. Пичикян // АО 1985 года. – М.: Наука, 1987. – С. 618-619

Пичикян И.Р. Парадные ножны греко-бактрийских мечей / И.Р. Пичикян // Проблемы античной культуры. Отв. ред. Г.А. Кошеленко – М.: Наука, 1986. – С.264-272.

Пичикян И.Р. Композиция храма Окса в контексте архитектурных сопоставлений / И.Р. Пичикян // Инф.бюл. МАИКЦА. – М., 1987. – Вып. 12. – С. 42-62.

Пичикян И.Р. Храм Окса на Тахти-Сангине (раскопки 1981 г. в Кабадианском районе) / И.Р. Пичикян // АРТ. – 1988. – Вып. XXI (1981 г.) – С. 264-277.

Пичикян И.Р. Клад Окса и Храм Окса / И.Р. Пичикян // Советское востоковедение: Проблемы и перспективы. Мат-лы II Всесоюзной конф. востоковедов г. Баку, 25-27 мая 1983 г. – М. Наука, 1988. – С. 35-43.

Пичикян И.Р. Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия) / И.Р. Пичикян // ВДИ. 1989. – № 4. – С. 113-117.

Пичикян И.Р. Раскопки Тахти-Сангина в 1982 г. / И.Р. Пичикян // АРТ. – 1990. – Вып. XXII (1982 г.) – С. 238-255.

Пичикян И.Р. Храм огня в Персеполе, Композиция, дата, атрибуция / И.Р. Пичикян // Инф.бюл. МАИКЦА. – М., 1990. – Вып. 16. – С. 45-58.

Пичикян И.Р. Результаты раскопок на Тахти-Сангине в 1983 г. / И.Р. Пичикян // АРТ. – 1991. Вып. XXIII (1983 г.) – С. 177-189.

Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. Очерки / И.Р. Пичикян. – М.: ГРВЛ, 1991. – 343 с.

Пичикян И.Р. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ в 1984 г. / И.Р. Пичикян // АРТ. – 1993. – Вып. XXIV (1984 г.) – С. 255-272.

Пичикян И.Р. Возрождение Большого Клада Окса. Вторая часть клада Окса из коллекции Михо Музея. Критика и библиография / И.Р. Пичикян // ВДИ. – 1998. – № 1. – С. 92-107.

Пичикян И.Р. Возрождение Большого Клада Окса. Вторая часть клада Окса из коллекции Михо Музея / И.Р. Пичикян // ВДИ. – 1998. – № 2. – С. 161-186.

Пичикян И.Р. Раскопки Тахтикубадского отряда ЮТАЭ 1988 года. Открытие теменоса храма Окса (Северная Бактрия) / И.Р. Пичикян // АРТ. – 2008. – Вып. XXXII. – С. 226-237.

Пичикян И.Р., Войтов В.И., Дубровин А.Ф., Арабов С.Ф., Колпаков А.А. Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище / И.Р. Пичикян, В.И. Войтов, А.Ф. Дубровин, С.Ф.

Арабов, А.А. Колпаков // АО 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С. 571.

Пичикян И.Р., Дубровин А.Ф., Сарабьянов В.Д. Открытие ботроса на Каменном городище / И.Р. Пичикян, А.Ф. Дубровин, В.Д. Сарабьянов // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 560-561.

Пичикян И.Р., Керзум А.П. Тахти-Сангин. Алтарно-башенное сооружение / И.Р. Пичикян, А.П. Керзум // Ученые Заиски Комиссии по Изучению Памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока (археологические источники). Ред. И.С. Каменецкий. – М.: ГРВЛ, 1989. – С. 177-194.

Попов А.А. Культура эллинистической Бактрии и находки надписей в конце XX – начале XXI в. / А.А. Попов // Вестник СПбГИК. – 2020. – № 4 (45) – С. 78-84.

Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции (Общие данные о стране: название и территория) / И.В. Пьянков. – Душанбе: Дониш, 1982. – 64 с.

Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника «Тигровая Балка» / Л.Т. Пьянкова. – Душанбе: Дониш, 1989. – 253 с.

Пьянкова Л.Т. Новый могильник вахшской культуры / Л.Т. Пьянкова // АРТ. – 1991. – Вып. XXIII (1983). – С. 165-176.

Рак И.В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана / И.В. Рак. – СПб.,-М.: «Журнал “Нева” – «Летний Сад», 1998. – 560 с.

Рапен К. Святилища Средней Азии в эпоху эллинизма (Состояние вопроса) / К. Рапен // ВДИ. – 1994. – № 4. – С. 128-140.

Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 1 / В.С. Расторгуева, Д.И. Эдельман. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2000. – 327 с.

Рахимов М.Р. Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Каратегина и Дарваза / М.Р. Рахимов // Изв. АН ТаджССР. Отд. общ. наук, 1956. – № 10-11. Рахимов Н. Культ воды у древнеиранских племен Средней Азии // Номаи Донишгоҳ/Ученые записки Худжандского государственного университета. – 2009. № 2 (17) – С. 66-72.

Редкие млекопитающие фауны СССР. Сборник. – М.: Наука, 1976. – 170 с.

Сарианиди В.И. Исследование памятников Дашлинского оазиса / В.И. Сарианиди // Древняя Бактрия (Материалы советско-афганской экспедиции. 1969-1973 гг.). – М.: Наука, 1976. – С. 21-86.

Сарианиди В.И. Печати-амулеты мургабского стиля / В.И. Сарианиди // СА. – 1976. – № 1. – С. 42-68.

Семенов А.А. Памятники старины в русском Туркестане // А.А. Семенов. Избранные сочинения. Сост. Х.Пирумшоев, Н.Ходжаева. – Душанбе, 2013. – С. 16-36.

Соколов В.Е. Редкие и исчезающие животные. Млекопитающие: Справочное пособие / В.Е. Соколов. – М.: Высшая школа, 1986. – 519 с.

Ставиский Б.Я. Заметки об Амударьинском кладе / Б.Я. Ставиский // Искусство Востока и античности. Отв. ред. М.А. Коростовцев. – М.: ГРВЛ, 1977. – С. 42-47.

Стеблин-Каменский И.М. Памирские языки о мифологии древних иранцев / И.М. Стеблин-Каменский // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – М.: Наука, 1981. – С. 238-241.

Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка / И.М. Стеблин-Каменский. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 480 с.

Толковый словарь русского языка. Т. 1: А – Кюрины. Сост. Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Д.Н. Ушаков; Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ, 1935. – 1562 стб.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта / С.П. Толстов. – М.: Изд-во Восточная литература, 1962. – 324 с.

Тревер К.В. Гопатшах – пастух-царь / К.В. Тревер // Тр. Отдела Востока [Государственный Эрмитаж]. Т. II. – 1940. – С. 71-86.

Узянов С.А. О серебряной статуэтке, найденной на Тахти-Сангине / С.А. Узянов // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. Сб-ик. статей. Отв. ред. Б.Б.Пиотровский, Г.М. Бонгард-Левин. – М.: Наука, ГРВЛ, 1987. – С. 290-296.

Фауна СССР. Млекопитающие. Т. I. Вып. 3. Соколов И.И. Копытные звери (Отряды Perissodactyla и Artiodactyla) – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 503 с.

Февралев Н. Правобережная полоса Пянджа и Аму-Дарьи от Калы-Ванч до Керки / Н. Февралев // Военный сборник. – 1895. – № 9. – С. 219-228; № 10. – С. 419-433.

Фишер Д., Саймон Н., Винсент Д. Красная книга. Дикая природа в опасности. Пер. с англ., под ред. А.Г. Банникова / Д. Фишер, Н. Саймон, Д.Винсент. – М.: Прогресс, 1976. – 478 с.

Фрай Р. Наследие Центральной Азии. От древности до тюрк-

ского нашествия. Пер. с англ. Л.Н. Додхудоевой; под общ. ред. В.А. Ранова / Р.Фрай. – Душанбе, 2000. – 467 с.

Ходжаева Н. Историческая география Центральной Азии по данным «Авесты» и пехлевийских источников: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Н. Ходжаева. – Душанбе, 2000. – 129 с.

Ходжаева Н. Локализация авестийских гор Хара Березаити, рек Вахви-Датия, Ранха и моря Ворукаша / Н. Ходжаева. – Душанбе: Дониш, 2003. – 135 с.

Ходжаева Н.Д. Храм Окса и локализация авестийской Вахви-Датии / Н. Ходжаева // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2013. № 1 (53). – С. 114-120;

Ходжаева Н.Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период / Н.Дж. Ходжаева. – Душанбе: Дониш, 2017. – 380 с.

Ходжаева Н.Д. Отражение древних этнических процессов в «Авесте» период / Н.Д. Ходжаева // Этногенез и этническая история таджикского народа. В 2-х томах. Т. 1. – Душанбе: Дониш, 2021. – С. 123-153.

Худжагелдыев Т.У. Разведка неолитических памятников на территории античных городищ Тахти-Сангин и Тахти-Кубад на юге Таджикистана / Т.У. Худжагелдыев // АРТ. – 2004. – Вып. XXIX. – С. 161-173.

Худжагелдыев Т.У. Исследование неолитической стоянки Тахти-Сангин в 2004 г. / Т.У. Худжагелдыев / Т.У. Худжагелдыев // АРТ. – 2005. – Вып. XXX. – С. 53-76.

Худжагелдыев Т.У. Подъемный материал неолитического времени в окрестностях Тахти-Сангина (2010 г.) / Т.У. Худжагелдыев // АРТ. – 2013. – Вып. XXXVI. – С. 82-90.

Худжагелдыев Т.У. Разведочные работы на городище Тахти-Сангин в 2013 г. / Т.У. Худжагелдыев // АРТ. 2017. – Вып. XXXIX. – С. 87-98.

Экспедиция для исследования среднеазиатской железной дороги // ИРГО. СПб., 1879. Т. XV. Вып. 3. С. 207-209.

Юсупов Р.М. Размеры, индексы и классификация черешковых железных наконечников стрел из храма Окса / Р.М. Юсупов // Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. – М.: Изд-ая фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. – С. 384-417.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников) / Л.Т. Яблонский. М.: Рос. Акад. Наук, Ин-т археологии, 1996. – 184 с.

An introduction to Ancient Iranian Religion. Readings from the Avesta and the Achaemenid Inscriptions. – Minneapolis, 1983. – 195 p. (Minnesota Publications in the Humanities, Vol. 2).

Avanesova N.A. Buston VI, une nécropole de l'âge du Bronze dans l'ancienne Bactriane (Ouzbékistan méridional) témoignage des cultes de feu / N.A. Avanesova // Arts asiatiques. – 1995. Tome 50. – P. 31-46.

Barnett R.D. Preface to the third edition / R.D. Barnett // Dalton O.M. The Treasure of the Oxus; With other Examples of Early Oriental Metal-Work. Third Edition. – London: The British Museum, 1964. – LXXVI+82+31 p.

Barnett R. The Art of Bactria and the Treasure of the Oxus / R. Barnett // Iranica Antiqua. 1968. Vol. 8. P. 34-53.

Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch / Chr. Bartholomae. – Strassburg: Verlag Von Karl J. Trübner, 1904. – 2000 sp. Bernard P. Chapiteaux corinthiens hellénistiques d'Asie centrale découverts à Aï Khanoum / P. Bernard // Syria. – Paris, 1968. – T. 45. – No 1-2. – P. 111-151.

Bernard P. Quatrième campagne de fouilles à Aï Khanoum (Afghanistan) / P. Bernard // CRAI. – 1969. – P. 313-355.

Bernard P. Campagne de fouilles 1969 à Aï Khanoum en Afghanistan / P. Bernard // CRAI. – 1970. – P. 301-349.

Bernard P. La campagne des fouilles de 1970 à Aï Khanoum (Afghanistan) / P. Bernard // CRAI. – 1971. – P. 385-483.

Bernard P. Le Marsyas de Apamée, l'Oxus et la colonisation séleucide en Bactriane / P. Bernard // Studia Iranica. – 1987. – No 16. – P. 103-115.

Bernard P. L'Architecture religieuse de l'Asie centrale à l'époque hellénistique / P. Bernard // Akten des XIII internationalen Kongresses für klassische Archäologie. Berlin (West) 1988. – Berlin : Verlag Philipp von Zabern, 1990. – P. 51-59.

Bernard P. L'Asie Centrale et l'empire Séleucide / P. Bernard // Topoi. Orient-Occident. – Lyon: Maison de la Méditerranée, 1994. – Vol. 4/2. – P. 473-511.

Bernard P. Le temple de dieu Oxus à Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas? / P. Bernard // Studia Iranica. – 1994. – Issue 23. – P. 85-114.

Bernard P. Le sanctuaire du dieu Oxus à Takht-i Sangin au Tadjikistan, ou l'esprit de l'escalier / P. Bernard // De Samarcande à Istanbul:

étapes orientales, Hommages à Pierre Chuvin 2. Ed. V. Schiltz. – Paris: CNRS Éditions, 2015. – P. 53-70.

Vopearachchi J. L'indépendance de la Bactriane / J. Vopearachchi // *Topoi (Orient-Occident)*. 1994. Vol. 4, fasc. 2. P. 513-519.

Boardman J. The Oxus Treasure scabbard in London: A Closer Look / J. Boardman // *Центральная Азия: источники, история, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского (Москва, 3-5 апреля 2003 г.)*. Под ред. Т.К. Мкртычева, Т.Г. Алпаткина, С.Б. Болелова и О.Н. Иневаткина. – М.: ИВ РАН, Гос.Музей Востока, 2003. – С. 33-34.

Boyce M. A History of Zoroastrianism / M. Boyce. – Leiden-Köln: E.J. BRILL, 1975. – Vol. I. – 347 p.

Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. III: Zoroastrianism under Macedonian and Roman rule / M. Boyce, F. Grenet. – Leiden-New-York-København-Köln: E.J. BRILL, 1991. – 596 p.

Briant P. The Seleucid Kingdom, the Achaemenid Empire and the History of the Near East in the First Millennium B.C. / P. Briant // *Religion and Religious Practice in the Seleucid Kingdom*. Aqruh: Aqruh University Press, 1990. P. 40-65.

Briant P. De Samarkhand à Sardes et de la ville de Suse au pays des Hanéens / P. Briant // *Topoi (Orient-Occident)*. – 1994. – Vol. 4, fasc. 2. – P. 455-467.

Catalogue of Treasures of Ancient Bactria. – Shigaraki: The Miho Museum, 2002. – 253 c.

Cunningham A. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper / A. Cunningham // *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. – 1881. – Vol. 50. – P. 151-186.

Cunningham A. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper: second notice / A. Cunningham // *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. – 1883. – Vol. 52. – P. 64-67.

Cunningham A. Relics from Ancient Persia in Gold, Silver and Copper: third notice / A. Cunningham // *Journal of the Asiatic Society of Bengal: third notice*. – 1883. – Vol. 52. – P. 258-260.

Curtis J., Searight A. The Gold Plaques of the Oxus Treasure: Manufacture, Decoration and Meaning / J. Curtis, A. Searight // *Culture through Objects: Ancient Near Eastern Studies in Honour of P. R. S. Moorey*. Ed. By T. Potts, M. Roaf, D. Stain. – Oxford: Griffith Institute, 2003. – P. 219-240.

Curtis J. The Oxus Treasure and Ancient Bactria / J. Curtis // Bulletin of the Miho Museum. – 2005. – Vol. 5. – P. 37-54.

Dalton O.M. The Treasure of the Oxus: With Other Objects from Ancient Persia and India / O.M. Dalton. – London: Trustees of the British Museum, 1905. – 137 p.

Dalton O.M. The Treasure of the Oxus with other exemplar of early oriental metal-work / O.M. Dalton. – London: Trustees of the British Museum, 1964. – LXXVI, 75, XL p.

Der neue Pauly / Pauly der neue // Enzyklopädie der Antike. – Stuttgart; Weimar: Verlag J.B. Metzler, 1998. – Bd. 10. – 1278 s.

Drège J.-P., Grenet F. Un Temple de l'Oxus près de Takht-i Sangin, d'après un témoignage chinois du VIIIe s. / J.-P. Drège, F. Grenet // Studia Iranica. 1987. – T. 16/1. – P. 117-121.

Drujinina A. Die Ausgrabungen in Takht-i Sangin im Oxos-Tempelbereich (Süd Tadschikistan). Vorbericht der Kampagnen 1998-1999 / A. Drujinina // AMIT – 2001. – No. 33. – S. 257-292.

Drujinina A. Gussform mit griechischer Inschrift aus dem Oxos-Tempel / A. Drujinina // AMIT. – 2008. – No 40. – S.121-135

Drujinina A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity / A. Druzhinina // Bulletin of MIHO Museum. – 2016. – Vol. 16. – P. 53-119.

Drujinina A.P., Boroffka N.R. First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004 / A.P. Druzhinina, N.R. Boroffka // Bulletin of MIHO Museum. – 2006. – Vol. 3. – P. 51-69.

Drujinina A., Lindström G. Kultgefäße im Oxos-Tempel – Zur Frage der Kult Kontinuität im unruhigen. 2Jh. V Chr. // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Wissenschaftliches Kolloquium. 30.09 – 02.10.2009. Mannheim. G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach (Hrsg.). – Darmstadt: verlag Philipp von Zabern. – 2013. – S. 171-186. (AIT. Vol. 14)

Drujinina A.P., Inagaki H., Hudjageldiev T. Rott F. Excavation at Takht-i Sangin city. Territory of Oxus Temple, in 2006 / A.P. Drujinina, H. Inagaki, T. Hudjageldiev F. Rott // Bulletin of Miho Museum. – 2009. – Vol. 9. – P. 59-84.

Druzhinina A.P., Khudzhageldiev T.U., Inagaki H. Report of the Excavations in Takht-i Sangin Settlement Site in 2007 / A.P. Druzhinina, T.U. Khudzhageldiev, H. Inagaki // Bulletin of Miho Museum. – 2010. – Vol. 9. – P. 59-84.

Druzhinina A.P., Khudzhageldyev T.U., Inagaki H. The results of archaeological excavations at Takht-i Sangin in 2008 / A.P. Druzhinina, T.U. Khudzhageldiev, H. Inagaki // *Bulletin of Miho Museum*. – 2011. – Vol. 3. – P. 13-30.

Duchesne-Guillemin J. Fire in Iran and Greece / J. Duchesne-Guillemin // *East and West*. 1962. – Vol. 13, № 2–3. – P. 198-206.

Francfort H.-P. Les modèles gréco-bactriens de quelques reliquaries et palettes à fards “gréco-buddique” / H.-P. Francfort // *Arts Asiatiques*. 1976. Tome XXXII. P. 92-98.

Francfort H.-P. Fouilles d’Ai Khanum III. Le sanctuaire du temple à niches identées 2 / H.-P. Francfort. – Paris: Diffusion de Boccard, 1984. – 143 p. (Les trouvailles. Mémoires de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan, vol. XXVII);

Francfort H.-P. Ai Khanoum «temple with indented niches» and Takht-i Sangin “Oxus temple” in historical cultural perspective: a hypothesis about the cults / H.-P. Francfort // *Parthica*. – 2012. – Issue 14. – P. 109-136.

Francfort H.-P. Bases de colonne campaniforme d’Asie centrale / H.-P. Francfort // *L’Orient est son Jardin. Hommage à Rémy Boucharlat*, (Acta Iranica, S. Gondet et E. Haerinck (Dir.). – Leuven, Paris, Bristol, Peeters, 2018. – P. 167-178.

Francfort H.-P. Sur quelques vestiges et indices nouveaux de l’hellenisme dans les arts entre la Bactriane et le Gandhāra (130 av. J.-C.-100 apr. J.-C. environ) / H.-P. Francfort // *Journal des Savants* 2020, 1 (janvier-juin). – P. 3-114.

Fussman G. L’inscription de Rabatak et l’origine de l’ère śaka // *JA*. – 1998. – No 2, t. 286. – P. 619-641.

Gardner P. New coins from Bactria / P. Gardner // *The Numismatic Chronicle*. – New Series. – London, 1879. – Vol. 19. – P. 1-12.

Gelin M. Nouvelle recherches a Takht-i Sangin / M. Gelin // *Проблемы истории, филологии, культуры*. – Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2015. – №1 (47). – P. 32-47.

Gelin M., Drujinina A. Le site de Takht-i Sangin / M. Gelin M., A. Drujinina // *Tadjikistan au pays des fleuves d’or*. – Paris: Musée national des arts asiatiques-Guimet, Éditions Snoeck, Gand, 2021. – P. 78-106.

Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra / I. Gershevitch. – Cambridge: The Cambridge Univiv. Press, 1959 – 357 p.

Ghirshman R. Perse: Proto-Iraniens, Médes, Achéménides / R. Ghirshman. – Paris: Gallimard, 1963. – 453 p.

Grenet F. Un temple de l'Oxus près de Takht-i Sangin, d'après un témoignage chinois du VIIIe siècle / F. Grenet // *Studia Iranica*. – 1987. – Tome 16, fasc. 1. – P. 117-121.

Grenet F. L'onomastique iranienne à Aï-Khanoum / F. Grenet // *Bulletin de correspondance hellénique*. – 1983. T. 107. – P. 377-381.

Grenet F. The cult of the Oxus: reconsideration / F. Grenet // *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого (Санкт-Петербург, 2-5 ноября 2004 года)*. Отв. ред. В.П.Никонов. – СПб.: Институт материальной культуры РАН, 2005. – С. 377-378.

Grenet F. Nouvelle donnée sur la localisation des cinq *Yabghus* des Yuezhi. L'arrière plan politique de l'itinéraire des marchands de Maës Titianos / F. Grenet // *Journal Asiatique*. 2006. – №. 294. 2. – P. 325-341.

Grenet F. Histoire et cultures de l'Asie centrale Le fait urbain en Asie centrale. préislamique: approche diachronique, approche synchronique, I / F. Grenet // *Cours et travaux du Collège de France. Résumés 2013-2014. Annuaire 114e année*. 2015. – P. 507-534.

Grenet F., Rapin C. Alexander, Aï Khanum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328 / F. Grenet, C. Rapin // *Alexander's Legacy in the East. Studies in Honor of Paul Bernard*. Eds. O. Vopéarachchi, C. Alman Bromberg, F. Grenet / *Bulletin of the Asia Institute, New Serie*. – 1998. – № 12. – P. 79-89.

Hagel S., Lindström G., Sutkowska O. Tacht-i Sangin, Tadschikistan. Griechische Musikinstrumente (auloi) aus dem Oxos-Tempel. Die Arbeiten des Jahres 2022 / S Hagel., G. Lindström, O. Sutkowska // *e-Forschungsberichte des Deutschen Archäologischen Instituts*. – 2023-1, § 1-18. S. – 96-105. Режим доступа: <http://doi.org/10.34780/d76j-t688> (Дата доступа: 17/016/2023)

Herzfeld E. Zoroaster and His World / E. Herzfeld. – Princeton: Princeton University Press, 1947. – Vol. I-II. –

851 p.

Herzfeld E. *Archaeological History of Iran* / E. Herzfeld. – London: Published for the British Academy by Humphrey Milford, Oxford University Press, 1935. – VI, 112, XX p.

Huff D. Problems of votive offerings in Zoroastrian Iran / D. Huff // AMIT. – 2011. Band 43. – S. 79-111.

Humbach H., Skjærvø P.O. The Gāthās of Zarathushtra and Other Old Avestan Texts. P.I: Introduction, Text and Translation / H. Humbach, P.O. Skjærvø – Heidelberg: Carlwintter-Universitätsverlag, 1991. – 195 p. (Indian philology and South Asian Studies. Vol. I).

Humbach H., Ichaporia P. The Heritage of Zarathushtra. A new Translation of His Gāthās / H. Humbach. – Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1994. – 107 p.

Invernizzi A. Appunti sulla cultura ellenistica nell'impero seleucide / A. Invernizzi // Topoi (Orient-Occident). – 1994. – Vol. 4, fasc. 2. – P. 521-530.

Ivantchik A. New Greek Inscriptions from Takht-i Sangin and the Question as to the Emergence of the Bactrian Written Language // Bulletin of the Miho Museum. – 2011. – P. 59-77

Ivantchik A.I. Neue griechische Inschriften aus Tacht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftligket / A.I. Ivantchik // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Hrsg. von G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach // AIT. 2013. Vol. 14. S. 125-142.

Kellens J. Avesta / J. Kellens // Encyclopedia Iranica. London-New-York: Routledge and Kegan Paul, 1989. – Vol. III. – Fasc. 1. – P. 35-44.

Kent R.G. Old Persian: Grammar, Text, Lexicon / R.G. Kent. – New Haven, Connecticut: American Oriental Society, 1950. – P.150-152.

Koch H. Feuertempel oder Verwaltungszentrale ? Überlegung zu den Grabungen in Takht-e Sangin am Oxus / H. Koch // AMI. Bd. 1993. S. 175-186.

Kuhr A, Sherwin-White S. General Observations / A. Kuhrt, S. Sherwin-White // Topoi (Orient-Occident). – 1994. – Vol. 4. Fasc. 2. – P. 449-454.

Le Rider G. Questions numismatiques / G. Le Rider // Topoi (Orient-Occident). – 1994. – Vol. 4, fasc. 2. – P. 469-471.

Lindström G. Der Oxos-Tempel in Tacht-i Sangin / G. Lindström // S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach (eds.) Alexander der Grosse und die Öffnung der Welt: Asiens Kulturen im Wandel, Mannheim: Schnell & Steiner, 2009. P. 350-371.

Lindström G. Votiveponierungen im Oxos-Tempel (Baktrien) – Tradierung griechischer Kulturpraxis? / G. Lindström // Rituelle Deponierungen in Heiligtümern der Hellenistisch-Römischen Welt. Internationale Tagung Mainz 28-30. April 2008. – Mainz: Generaldirektion Kulturelles Erbe Direktion Landesarchäologie, 2013. – S. 97-114

Lindström G. Der Oxos-Tempel. Räumliche Aspekte und Kulturkontinuität im Spiegel der Votivepraxis / G. Lindström // Raum, Gabe und Erinnerung. Weihgaben und Heiligtümer in prähistorischen und antiken Gesellschaften. S. Hunsen, D. Neumann, T. Vachta (eds.) / G. Lindström. – Berlin: Edition Topoi, 2016. – S. 281-310 (Berlin Studies of the Ancient World 38).

Lindström G. Lindström G. Southern Tajikistan / G. Lindström // The Graeco-Bactrian and Indo Greek World. Ed. by R. Mairs. London and New-York: Routledge, 2021. – P. 286-312.

Litvinsky B.A., Pichikjan I.R. Découvertes dans un sanctuaire du dieu Oxus de la Bactriane septentrionale / B.A. Litvinsky, I.R. Pichikjan // RA. 1981. № 2. 195-216.

Litvinsky B.A., Pichikjan I.R. The Temple of the Oxus / B.A. Litvinsky, I.R. Pichikjan // JRAS. 1981. – № 2. – P. 133-167.

Litvinsky B.A., Pichikjan I.R. Monuments of Art from the Sanctuary of Oxus (Northern Bactria) / B.A. Litvinsky, I.R. Pichikjan // Acta Antiqua Academiae Hungaricae. – 1983. – T. XXVIII, fasc. 1-4. – P. 26-83.

Litvinskij B.A., I. R. Pičikjan Pantherae Antecedentes. A Corinthian Motif in Bactria B.A. / Litvinskij, I.R. Pičikjan // East and West. – 1992. – Vol. 42 (1). - P. 69-84.

Litvinsky B.A., Pichikjan I.R. Gold Plaques from the Oxus Temple (Northern Bactria) / B.A. Litvinsky, I.R. Pichikjan // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. – Leiden, 1995. – Vol. II/ 2. – P. 196-219.

Litvinsky B.A., Pichikjan I.R. An Achaemenidan Griffin Handle from the Temple of the Oxus. The Makhaira in Northern Bactria / B.A. Litvinsky, I.R. Pichikjan // In the Land of the Gryphons: Papers on Central Asian Archaeology in antiquity (Monographie di Mesopotamia, V). Ed. A. Invernizzi. – Firenze: Le Lettere, 1995. – P. 107-128

Litvinskij B. A., Pičikjan I. R. Handles and Ceremonial Scabbards of Greek Swords from the Temple of the Oxus in Northern Bactria / B.A. Litvinsky, I.R. Pičikjan // East and West. – 1999. – Vol. 49/1-4. – P. 47-104.

Litvinsky B.A., Pičikjan I.R. Taxt-i Sangīn. Der Oxus-Tempel: Grabungsbefund, Stratigraphie und Architektur / B.A. Litvinsky, I.R.

Pičikjan. – Mainz: Verlag Philip von Zabern, 2002. – xii, 124 s., 33 abb, 7 tab., 32 taf. (Archäologie in Iran und Turan, Bd. 4)

Lommel H. Anahita-Sarasvati // Asiatica. – Leipzig: Festschrift F.Weller. Lpz., 1954. – P. 405-413.

Lyonnet B. L'Occupation séleucide en Bactriane et en Syrie du NE d'après les données archéologiques / B. Lyonnet // Topoi (Orient-Occident). – 1994. – Vol. 4, fasc. 2. – P. 547-565.

Lyonnet B. Céramique et peuplement du chalcolithique à la conquête arabe / B. Lyonnet // Prospections archéologiques en Bactriane orientale 1974-1978. Sous la dir. de Jean-Claude Gardin; Bertille Lyonnet. – Paris: Éd. Recherche sur les civilisations, 1997. – 447 p.

Markwart J. Vehrot und Arang / J. Markwart. – Leiden: Brill, 1938. – 202 s.

Morales F.A., Reghin S.C. Long before Ai-Khanoum: Historiographical representation of Hellenistic Bactria in Barthold Niubur's *Vortrage Über Geschichte* / F.A. Morales, S.C. Reghin // Herödoto, Infesep, Guarulhos. 2019. – Vol. 4. n.1. – P. 122-138. Режим доступа: DOI: 10.34024/herodoto.2019.v4.10091 (Дата доступа: 14/06/2023).

Mairs R.R. Ethnic Identity in the Hellenistic Far East / R.R. Mairs // Dissertation submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. – Cambridge, 2006. – 256 p.

Muscarella O.W. Museum Constructions of the Oxus Treasures: Forgeries of the Provenience and Ancient Cultures / O. W. Muscarella // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. – 2003. – Vol. 9. – No. 3-4. – P. 259-275.

Nyberg H.S. Die Religion des Alten Iran / H.S. Nyberg. – Leipzig: J.C. Hinrichs Verlag, 1938. – 506 s.

Olmstead A.T. History of the Persian Empire / A.T. Olmstead. – Chicago: University of Chicago Press, 1959. – 600 p.

Pichikian I. Oxus. 2000 Jahre Kunst am Oxus-Fluss in Mittelasien. Neue Funde aus Sowjetrepublik Tadschikistan / I.R. Pichikjan. – Zürich: Museum Reitberg, 1989. – S. 32-50.

Pichikyan I.R. The Fire-Temple at Persepolis (Composition, Dating, Attribution) / I.R. Pichikyan // The International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin. – M., 1989. – No 16. – P.55-73.

Pitschikjan I.R. Oxos-Schatz und Oxos-Temple: Achämenidische Kunst in Mittelasien (Antike in der Moderne) / I.R. Pichikjan. – Berlin: Akademie-Verlag, 1992. – XII, 155 s;

Pichikjan I. Oxus. Il periodo persiano ed ellenistico ed I regni Greco-battriani (VI-II secolo a.C.). Tesori dell'asia Centrale / I.R. Pichikjan. – 1993. Roma, 1993. – P. 11-13, 30-37.

Pulleyblank E.G. Chienese and Indo-Europeans / E.G. Pulleyblank // JRAS. – 1966. – Vol.I-II. – P. 9-39.

Rapin C. Les sanctuaires de l'Asie centrale à l'époque hellénistique: état de la question / C. Rapin // Études de Lettres: revue de la facultés lettres de l'Univirsité de Lausanne. – 1992. – No 4. – P. 100-124. См. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://doi.org/10.5169/seals-870449> (Дата доступа: 31/07/2023).

Rapin C. L'incompréhensible Asie centrale de la carte de Ptolémée. Propositions pour un décodage / C. Rapin // Alexander's Legacy in the East: Studies in Honor of Paul Bernard. Éd. O. Bopearachchi, C.A. Bromberg, F. Grenet / Bulletin of the Asia Institute. – 1998 (2001). Vol. 12. P. 201-225.

Rapin C. L'Afghanistan et l'Asie central dans le géographie mythique des historiens d'Alexandre et dans la toponyme des géographes gréco-romain / C. Rapin // Afghanistan. Ancien carrefour entre l'est et l'ouest. Actes du Colloque international au Musée archéologique de Henri-Prades-Lattes du 5 au 7mai 2003. Eds. O. Bopearachchi, M.-F. Bous-sac, C. Landes. – Turnhout: Brepols, 2005. – P. 143-172.

Rapin C. On the Way to Roxane. The Route of Alexander the Great in Bactria and Sogdiana (328-327 BC) // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum Antiken Zentralasien. Hrsg. von G. Lindström, S. Hansen, A. Wiczorek, M. Tellenbach // AIT. 2013. Vol. 14. S. 43-82.

Rapin C., Khasanov M. Les traditions architecturales de l'époque achéménide à l'époque hellénistique / C. Rapin, M. Khasanov // Asie centrale. Transferts culturels le long de la Route de la soie. M. Espagne, S. Gorshenina, F. Grenet, et S. Mustafayev (dir.) – Paris : Vendémiaire, 2016. – P. 61-96.

Rapen Cl., Isamididinov M. Fortifications hellénistiques de Samarcande (Samarkand-Afrasiab) / Cl. Rapen, M. Isamididinov // Topoi (Orient-Occident). – 1994. – Vol. 4, fasc. 2. – P. 541-546.

Salles J.-F. Le Golfe arabo-persique entre Séleucides et Maurya / J.-F. Salles // Topoi (Orient-Occident). – 1994. – Vol. 4, fasc. 2. – P. 597-610.

Schmidt E.F. Persepolis I: Structure. Reliefs. Inscriptions / E.F. Schmidt. – Chicago-Illinois: The University of Chicago Press, 1953. – 297 p.

Shenkar M. Temple architecture in the Iranian world in the Hellenistic period / M. Shenkar // *From Pella to Gandhara: Hybridisation and Identity in the Art and Architecture of the Hellenistic East*. Ed. A. Kouremenos, S. Chandrasekaran, R. Rossi. – Oxford: BAR, 2011. – P. 117-139.

Shenkar M. Intangible Spirits and Graven Images: The Iconography Deities in Pre-Islamic Iranian World / M. Shenkar. – Leiden-Boston: Brill, 2014. – 392 p. (Magical and Religious Literature of Late Antiquity. Vol. 4).

Sherwin-White S., Kuhrt A. From Samarkand to Sardis. A New approach to the Seleucid Empire / S. Sherwin-White, A. Kuhrt. – London: Duckworth, 1993. – IX+261 p.

Sims-Williams N., Cribb J. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great / N. Sims-Williams, J. Cribb // *Silk Road Art and Archaeology*. – Kamakura, 1995/96. – Issue 4. – P. 75-142.

Skjærvø P.O. The Avesta as source for the early history of the Iranians / P.O. Skjærvø // *The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity*. Ed. by G. Erdosy. – Berlin-New-York: Walter de Gruyter, 1995. – P. 155-176. (Indian Philology and South Asian Studies. Vol. I).

Skjærvø P.O. The Achaemenids and the Avesta / P.O. Skjærvø // *Birth of the Persian Empire*. Ed. by V.S. Curtis, S. Stewart. – London, New-York: I.B. Tauris in association with The London Middle East Institute a SOAS and the British Museum, 2005. – P.52-84.

Stronach D. On the Evolution of the Early Iranian Fire Temple // *Acta Iranica*. Leiden, 1985. Vol. 25 (serie2, Vol. 11).

Tadjikistan au pays des fleuves d'or. Paris: Musée national des arts asiatiques – Guimet, 2021. – 287 p.

Veksina M. Zur Datierung der neuen Weihinschrift aus dem Oxos-Tempel / M. Veksina // *ZPI*. – 2012. – Bd. 181. – S. 108-116.

Walser G. Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis: Historische Studien über den sogenannten Tributzug an der Apadanatreppe / G. Walser. – Berlin: Gebr. Mann, 1966. – 112 s.

Wikander S. Feuerpriester in Kleinasien und Iran / S. Wikander. – Lund: C. W. K. Gleerup, 1946. 244 s. (Skrifter utgivna av Kungl. Human-

istiska vetenskapssamfundent i Lund – “Acta Reg. Societatis Humaniorum Litterarum Lundensis “, XL

Will É. Notes de lecture / É. Will // Topoi (Orient-Occident). – 1994. – Vol. 4, fasc. 2. – P. 433-447.

Wood R. Cultural convergence in Bactria: the votives from the Temple of the Oxus at Takht-i Sangin / R. Wood // From Pella to Gandhara: Hybridisation and Identity in the Art and Architecture of the Hellenistic East. Eds. A. Kouremenos, S. Chandrasekaran, R. Rossi. – Oxford: Archaeopress, 2011. P. 141-151. (BAR International Series 2221).

Zaehner R.C. The dawn and twilight of Zoroastrianism / R.C. Zaehner. – London, 1961. – 371 p.

Zeimal E.V. Coins from the Excavations of Takht-i Sangin (1976-1991) // Studies in Silk Road Coins and Culture. Papers in Honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th Birthday. Ed. by K. Tanabe, J. Cribb, H. Wang / E.V. Zeimal. – Kamakura, 1997. – P. 89-110.

Электронный ресур:

https://www.britishmuseum.org/collection/object/W_1897-1231-105 (дата доступа 22.08.2023)

ИЛЛЮСТРАЦИИ

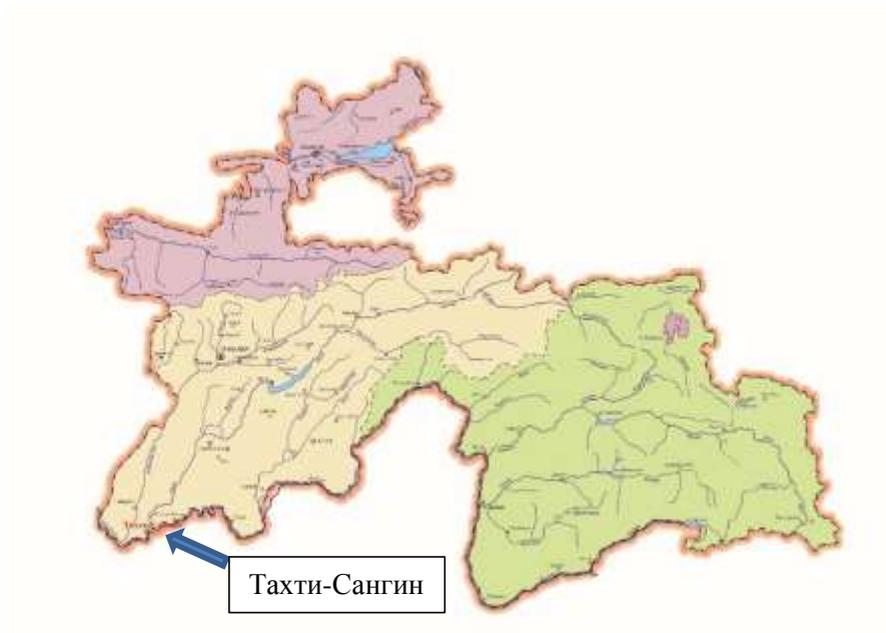

Рис. 1. Карта Республики Таджикистан с указанием месторасположения Тахти-Сангина.

Рис. 2. Тахти-Сангин. Вид сверху. Фото А.П. Дружининой.

Рис. 3. Тахти-Сангин. Топографический план:
 а) Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. 2000. Табл. 2; б) Drujinina A. 2016.
 Fig. 3.

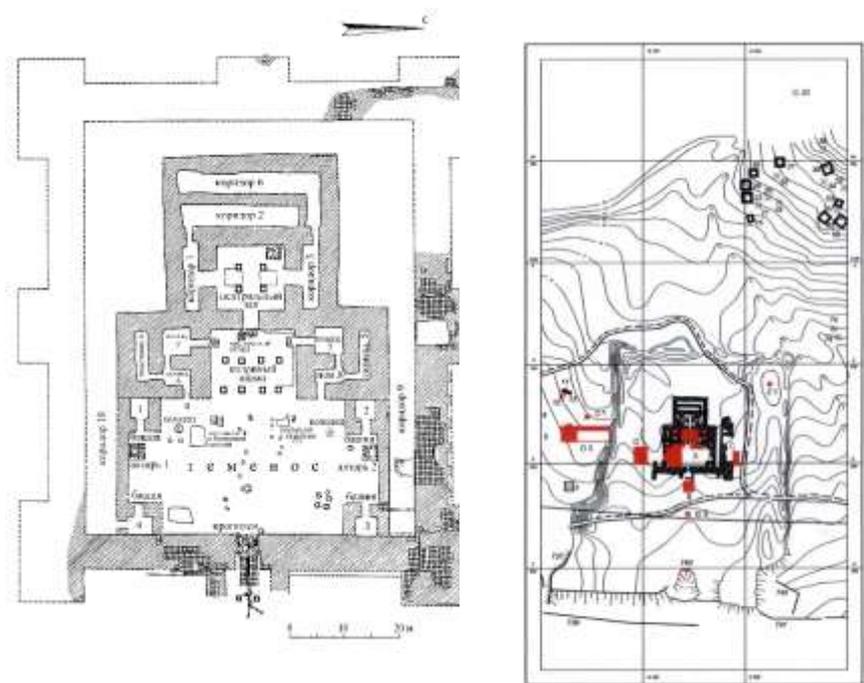

Рис. 4. Храм Окса. Генеральный план комплекса:

- а) План храма Окса (Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. 2000. Табл. 13);
 б) План цитадели городища Тахти-Сангин с храмом Окса в центре (Дружинина А., Инагаки Х., Худжагелдыев Т., 2010. Рис. 1; Druzhini-na A.P., Khudzhageldyev T.U., Inagaki H. Fig. 1.

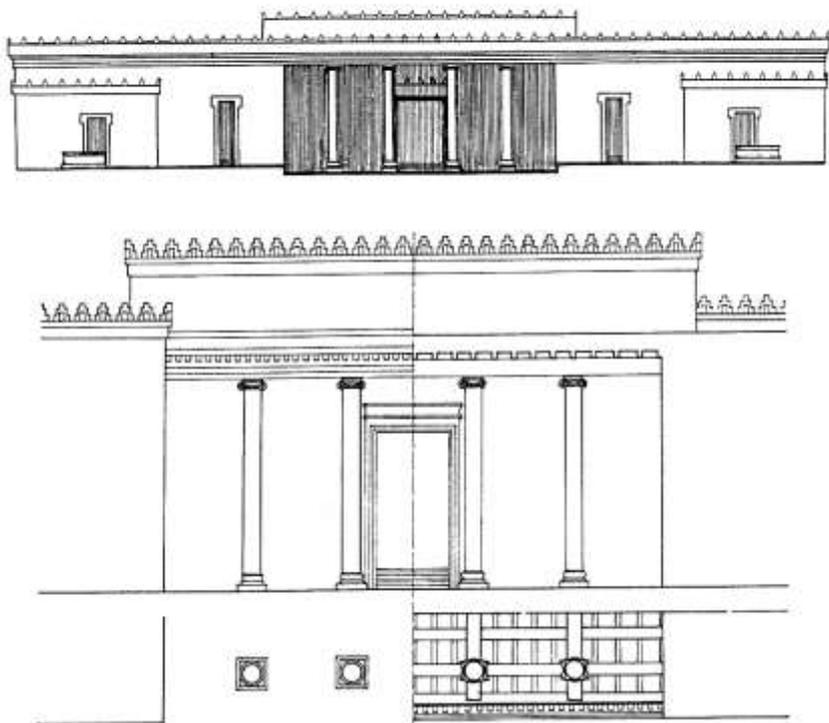

Рис. 5. Храм Окса. Фасад главного здания. Реконструкция И.Р. Пичикяна и Г. Арзуманова. (Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. 2000. Табл. 53)

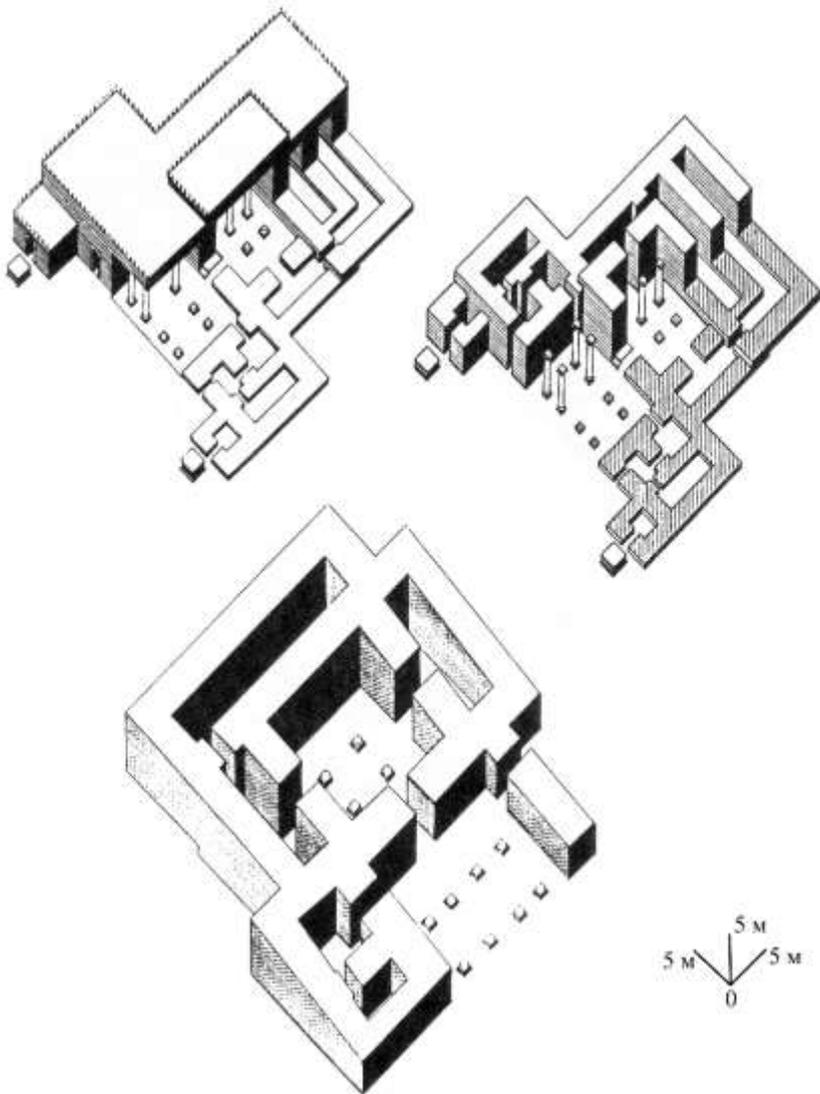

Рис. 6. Храм Окса. Аксонометрическая реконструкция И.Р. Пичикяна и Г. Арзуманова. (Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. 2000. Табл. 52)

Рис. 7. Храм Окса. Колонный айван (портик). Вид с севера. Реконструкция И.Р. Пичикяна и Г. Арзуманова. (Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. 2000. Табл. 54).

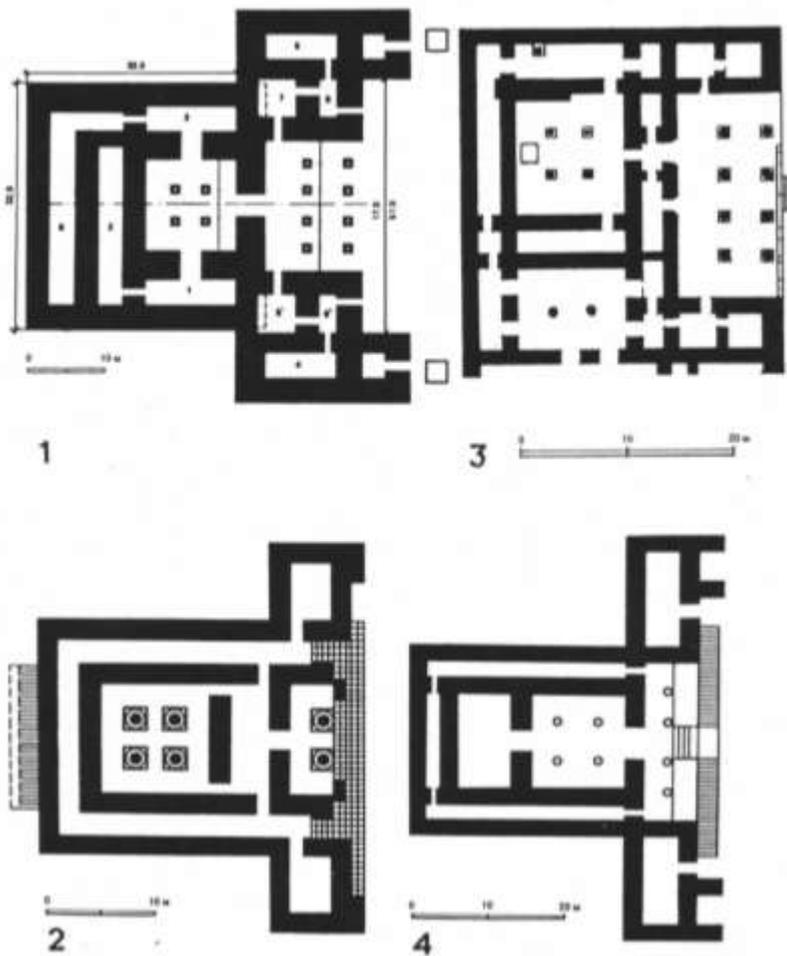

Рис. 8. Храмы огня ахеменидского времени. 1) Храм Окса; 2) Храм в Сузах; 3) Храм в Персеполе; 4) Храм в Кухи-Хваджа. (Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. 2000. Табл. 58).

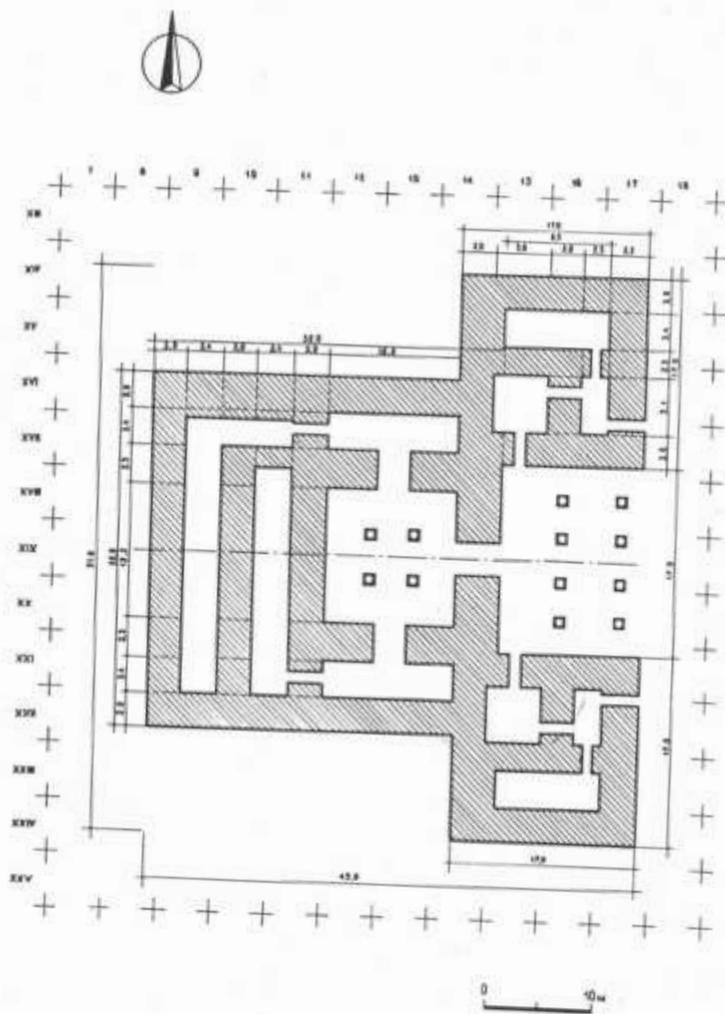

Таблица 12

Рис. 9. Главное здание храма Окса в пятиметровой сетке и основные размеры. (Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. 2000. Табл. 12).

Рис. 10. Силен Марсий. (Таджикистан au pays des fleuves d'or, 2021. Cat. 44)

Рис. 11. Крышка пиксиды. (Дружинина А.П. 2004. С. 99-100. Рис. 2-3)

Рис. 12. а) изображение на барельефах дворца Ападана в Персеполе с изображением представителей Бактрии. (Открытый ресурс); б) золотая пластина с изображением бактрийца, ведущего верблюда (Tadjikistan au pays des fleuves d'or, 2021. Cat. 13)

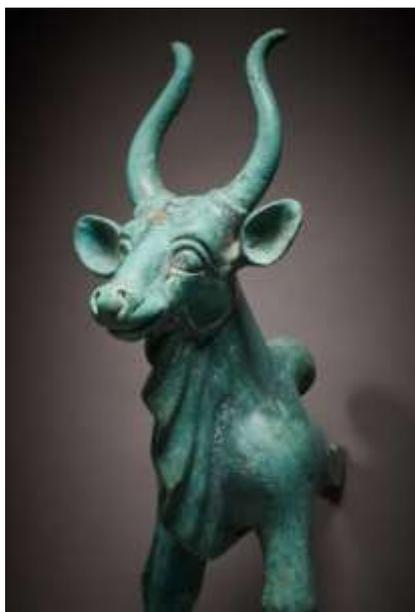

Рис. 13. Зооморфные скульптуры из Симиганча; а) зебу; б) козерог.
(Tadjikistan au pays des fleuves d'or, 2021. Cat. 28-29)

Рис. 14. Фрагмент чаши с надписью. (Фото А.П. Дружининой)

Рис. 15. Фрагмент формы для отливки котла с греческой надписью. (Tadjikistan au pays des fleuves d'or, 2021. Cat. 63)

Рис. 16. а) Амфоровидные серьги. (Tadjikistan au pays des fleuves d'or, 2021. Cat. 56);

б) перстень с изображением крылатого быка – Гопатшаха из Амударьинского клада. Фото с сайта Британского музея. (Дата доступа 22.08.2023)

Рис. 17. Монументальный алтарь из Храма Окса. Из экспозиции Национального музея древностей Таджикистана.

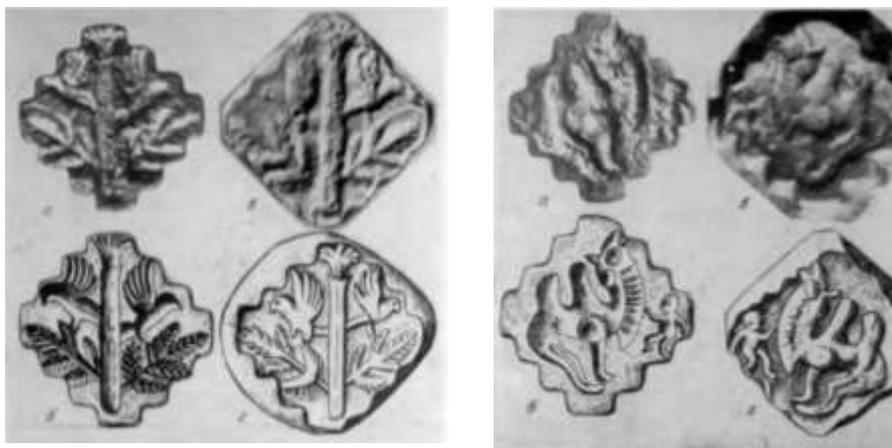

Рис. 18. Амулет с изображением дерева и птиц. XI в. до н.э. Храм Дашлы-3. Северный Афганистан (по: Сарианиди, 1976, рис.17-18).

Рис. 19. Перстень-печать с изображением зороастрийского жреца. Начало VIII в. Древний Пенджикент. (Фото П.Б.Лурье)

Рис. 20. Донаторы из Амударьинского клада. Фото с сайта Британского музея. (Дата доступа 22.08.2023)

Рис. 21. Ахура Мазда – верховный бог зороастрийского пантеона.
(Прорисовка барельефа с Персеполя)

Рис. 22. а) Ножны акинака из Тахти-Сангина (Tadjikistan au pays des fleuves d'or, 2021. Cat. 12); б) Обкладка ножен кинжала из Амударьинского клада ; в) Донатор из Амударьинского клада. б-в) Фото с сайта Британского музея. (Дата доступа 22.08.2023)

Рис. 23. а) Крылатая богиня; б) Серебряная статуэтка в виде богини (Tadjikistan au pays des fleuves d'or, 2021. Cat. 43, Cat. 60).

Рис. 24. Перстень-печатка (Tadjikistan au pays des fleuves d'or, 2021. Cat. 55).

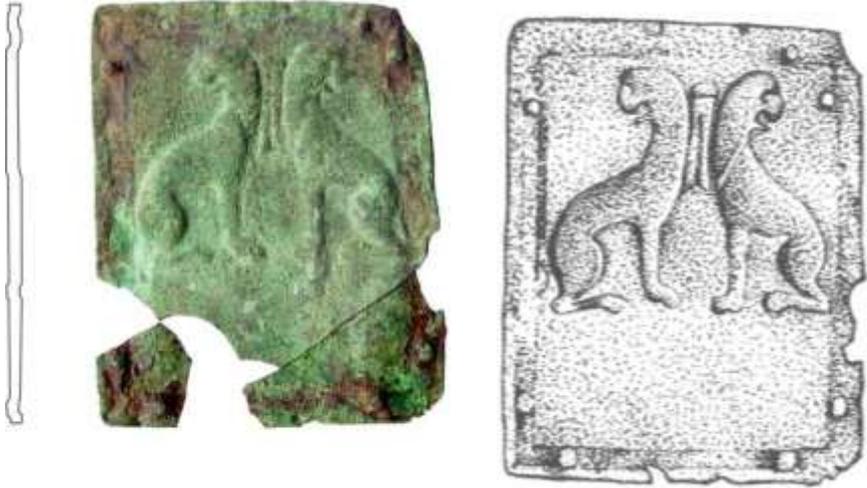

Рис. 25. Бронзовая пластина с изображением противостоящих пантер
(Литвинский Б.А. 2010. Рис 12.)

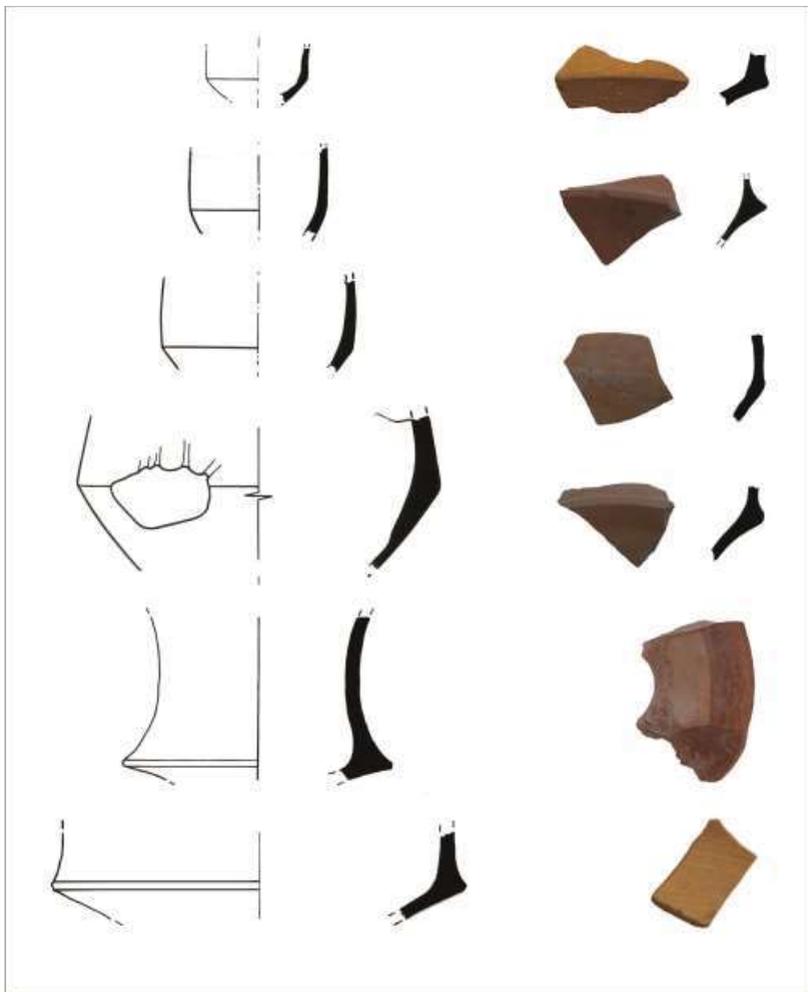

Рис. 26. Фрагменты керамики ахеменидского периода (Drujinina А.Р. 2016. Fig. 16).

Рис. 27. Торевидная база колонны. Фото Т.У. Худжагелдыева.

SUMMARY

Takht-i Sangin (Tajik “Throne of Stone») is one of the most famous discoveries of Central Asia. This archaeological site lies on the right bank of the confluence where rivers Vakhš and Panj become the Amu Darya (avest. vaṅhūiā dāitiāiā-, vaṅhuuī dāitī- – Vahvi-Datya; ancient Greek Ὠξος – Oxos; Arabic جیحون – Jayhoun), which forms the border with Afghanistan. The site is located in the south-west of Tajikistanin.

In monographic study "Takht-i Sangin in the history and culture of Central Asia", for the first time, a historiographical analysis of existing publications devoted to Takht-i Sangin was carried out. Summing up the analysis, first of all, we note that its results cannot be exhaustive, since archaeological surveys were mainly conducted on the citadel of the site, and the city itself has not been practically excavated to date. In the proposed work, an analysis of the history of the study of the site is given in chronological order. As a result, three periods of the research of Takht-i Sangin have been identified, each of which has its own characteristic features.

In the **first period** (the 70s of the 19th century – 1917), the study of Takht-i Sangin was launched. The discoverer of the site was a famous Russian scientist N.A. Mayev. The initial stage of its study was a period of accumulation of information about it and a preliminary archaeological description. The analysis of scientific publications has shown that Takht-i Sangin in this period was considered in two aspects: as a defensive fortress at the crossing of the Oxus – Amu Darya of the Greco-Bactrian epoch and as a supposed place of discovery of the Oxus Treasure.

The **second period** (1917-1991) is the longest in the history of the study of the site and is characterized by an increase in the number of publications devoted to the history, archeology, architecture, culture, art and astronomy of Takht-i Sangin. It is divided into three stages.

At the **initial stage** (the 20s – 30s of the 20th century), the archaeological description of the site continued.

At the *second stage* (1946-1975), a full-fledged study of the object was initiated, which was named "Stone site". M.M. Diakonov and A.M. Mandelshtam conducted surveys at the site.

The *third stage* (1976-1991) is defined by us as the time of full-scale complex archaeological exploration, as a result of which the site became known as Takht-i Sangin. The site has become the object of research not only by archaeologists, but also by specialists in other scientific fields. The research was carried out by the Takht-i Kubad detachment headed by I.R. Pichikyan under the general direction of B.A. Litvinsky. The third stage is characterized by the fact that at this time, firstly, the excavations were concentrated mainly in the temple of the Oxus. Secondly, only Soviet scientists worked at the site.

Archaeological excavations at Takht-i Sangin at the final stage of the second period showed that Takht-i Sangin is a city on the territory of which a grandiose architectural structure was discovered, which has got in the scientific literature the name of the temple of the Oxus. Currently, it is recognized as the standard of ancient Eastern architectural art and the only one archaeological site of this unique type in Central Asia. The abundance of finds is one of its distinctive features. More than 8000 thousand archaeological artifacts dating from the 6th BC to the 4th AD centuries have been found here. Many of these finds, due to their uniqueness, have entered the treasury of world masterpieces.

The **third period** (1998 – up to the present) of archaeological research at Takht-i Sangin coincided with the period when the Republic of Tajikistan gained political independence. At the beginning the Takht-i Sangin detachment (1998-2010, headed by A.P. Druzhinina) began to study the site, The site is located in the southwest of Tajikistan Then the joint Tajik-French archaeological detachment of the A.Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan and the National Center for Scientific Research (UMR 7041, CNRS) (2014 and 2017) (headed by M. Gelin and T.U. Khujageldyev also conducted excavations at Takht-i Sangin. Recently, the archaeologi-

cal detachment of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography, NANT (headed by N. Sayfulloev in 2020 and by T.U. Khujageldyev in 2022) continued to study the site. The results of research at the site in 1998-2022 showed that great progress in its study. Archaeologists have managed to make significant progress in the study of the city itself and determine its clear boundaries. Residential quarters and defensive walls were excavated. Archaeologists continued excavations on the territory of the citadel, discovered the remains of an administrative building, as well as a street and a bronze foundry workshop.

Summing up the results of archaeological research at the site in 1976-1991 and 2010-2022, it should be stated that Takht-i Sangin is an ancient city, as evidenced by its total area of about 105 hectares (3000m x 100–450m). It has an elaborate fortification system. In the south and north, Takht-i Sangin is protected by a defensive wall; in the west it has a natural border in the form of rock ridges, in the east, it is protected by a partially fortified strip of the ancient Amu Darya coast. The structure of the city included the citadel, on which the temple and administrative buildings are located, from all sides it was surrounded by residential areas (83 hectares) with numerous buildings. Each of them was separated from the other by walls running in an east-west direction, either by a dry streambed or by a ravine. In addition, Takht-i Sangin had a necropolis and a district with an area of 20 hectares, adjacent to the city from the north and extending for 1000 m along the Vakhš River to the north towards its confluence with the Panj River.

Takht-i Sangin functioned in the Achaemenid, Hellenistic, Greco-Bactrian, Kushan and Kushan-Sasanian periods. All these layers are fixed on the citadel of the city, and in its residential part mainly Hellenistic, Greco-Bactrian and Kushan periods are defined. New archaeological investigations at Takht-i Sangin have shown that its territory was inhabited in the Neolithic era.

After the discovery of fragments of Achaemenid ceramics (Yaz III) in the Oxus temple the question arose about the new dating of the site. The beginning of the functioning of the city in the

Achaemenid period, namely in the 5th century BC, is determined by the very layout of the temple of the Oxus, as well as some features of building structures, the functional purpose of the premises and finds of the Achaemenid period, building materials, primarily torus column bases and mud-brick sizes.

In the process of comparing the temple of the Oxus with the temples of Kuhi-Khwaja, Susa and Persepolis at the same time, we also came to the conclusion that all these temples began to function in the same period i.e. no later than the end of project" in the Iranian world in the Achaemenid period.

In the course of the study, it was concluded that the temple of the Oxus is a Zoroastrian temple of fire. This is evidenced by the following characteristics of its layout: a quadrangular hall, a bypass ash, a cult well with a stepped descent, a water tank and a platform with bones of sacrificial animals. Special attention should be paid to the reasons for the construction of the temple in the place where the Vakhš flows into the Panj, forming the Amu Darya. Its location was ideal for calculating the time of the onset of the spring and autumn equinoxes. These days, the ancient Iranians, Bactrians, celebrated the main Zoroastrian holidays Nawruz and Mehrgon. A special structure was required to carry out rituals and rituals associated with the veneration of Zoroastrian cults and deities, as well as to calculate the days of the equinox. In addition to Arəduuī-sūrā Anāhitā, the goddess of fertility, it was also important to turn to Miθra, the solar deity, Vərəθrayna, the god of wind and Tištrya, the god of rain, on which the agricultural cycle depends. The cult of fire and the cult of water, associated with these deities of the Avestan pantheon, were equally revered in this temple. The temple of the Oxus served as such a sanctuary.

A comparative analysis of the semantics of the plots of artifacts from the Oxus temple with objects from the Oxus Treasure, with the text of the "Avesta" also indicates that the temple was Zoroastrian, and the population of Bactria worshipped the goddess Arəduuī-sūrā Anāhitā, which had its name here as Vakhšu/Oxus. Thus, the temple of the Oxus was originally a symbol of the

Zoroastrian faith for the population of Bactria, where they could perform their religious rites. An important fact is that in the Oxus Treasure, in addition to the works of the Achaemenid period, there are samples of Median and Assyrian, as well as archaic Greek art. This testifies to the tradition of offering gifts to the deity Vakhšu/Oxus that existed on Takht-i Sangin in an earlier period.

As the study shows, if in the initial period the temple of the Oxus was a place of worship for the population of Takht-i Sangin, who was a follower of Zoroastrian beliefs. Then, already since the Hellenistic period, the Greeks who worshipped their gods began to come to the temple. This is evidenced by Greek altars and finds.

The finds from Takht-i Sangin have written a bright new chapter in the history of culture and art not only in Tajikistan, but also in Central Asia, enriching our knowledge of the monumental architecture of ancient Bactria, its religious beliefs, etc. To date, as a result of archaeological work at the site, a significant amount of finds has been collected, exceeding 10 thousand whole and fragmented copies dating from the 6th century BC to the 4th century AD. Among them are hundreds of works of art. The main part of the artifacts was located in the Oxus temple, a masterpiece of the construction art of the ancient Bactrians. The finds from Takht-i Sangin have written a bright new chapter in the history of culture and art not only in Tajikistan, but also in Central Asia, enriching our knowledge of the monumental architecture of ancient Bactria, its religious beliefs, etc. More than one thousand dedicatory relics are rarities, most of which have no analogues in Central Asian art, and to this day have not been found at any archaeological site.

Several hundred coin finds found in different rooms of the temple of the Oxus and on the territory of the site itself are represented by one drachma of Alexander the Great, as well as Seleucid, Greco-Bactrian, Kushan and post-Kushan coins. Coin finds from the site of Takht-i Sangin indicate a fairly high level of development of monetary circulation in Northern Bactria in the Greco-Bactrian and especially in the Kushan periods.

In addition, inscriptions have been found at Takht-i Sangin not only in ancient Greek, but also in Bactrian language, which makes it possible to include this site in the list of important epigraphic monuments of Central Asia.

Archaeologists continue to find new artifacts at Takht-i Sangin, which, along with the amazing works of art of the past years, testify to the multifaceted talent, high professionalism of local craftsmen who continued the centuries-old traditions of their predecessors. All this testifies to the great importance of Takht-i Sangin in the history and culture of Central Asia.

Previously, Takht-i Sangin, like Ai-Khanum, located on the opposite bank of the Amu Darya, was considered as an archaeological site of Hellenistic culture. Both objects are reference in the study of the material and spiritual culture of Hellenistic Bactria. It is known that there are not so many Achaemenid sites in this region. Now, with the discovery of new finds at Takht-i Sangin, scientists have an opportunity to fill the gap in the study of the material and spiritual culture of Achaemenid Bactria.

A historiographical analysis of scientific works on Takht-i Sangin published over the past twenty-five years has shown that this unique site still holds many mysteries, and most importantly, finds that may become the subject of future research.

On some issues, the author of the work expressed her assumptions, with one or another completeness supported by facts. How they are correct will be judged by time and new materials of the amazing site of Takhti Sangin, opened on the territory of Tajikistan.

CONTENTS

Preface.....	5
Chapter 1. THE HISTORY OF THE STUDY OF TAKHT-I SANGIN.....	11
The first period (the 70s of the 19th century - 1917).....	12
The second period (1917-1991).....	20
The third period (1998 - to the present).....	39
Chapter 2. ASPECTS OF TAKHT-I SANGIN RESEARCH.....	60
Once again about the Oxus Treasure.....	65
Excavations of Takht-i Sangin.....	79
Finds.....	127
Chapter 3. ON THE QUESTION OF THE RELIGIOUS AFFILIATION OF THE TEMPLE OF THE OXUS.....	157
Religious beliefs of the population of Bactria.....	157
Semantics of dedicatory plots of artifacts from Takht-i Sangin.....	193
The temple of the Oxus at the source of the Amu Darya: the reasons for its construction and its sacred significance..	221
Chapter 4. DATING OF TAKHTI-SANGIN IN THE CONTEXT OF NEW ARCHAEOLOGICAL MATERIALS.....	230
History of the study of the dating of the site.....	230
A new look at the problem of dating of Takht-i Sangin.....	239
CONCLUSION.....	256
List of abbreviations.....	262
BIBLIOGRAPHY.....	264
Archival documents.....	264
Written sources and epigraphic monuments.....	264
List of cited works.....	265
Illustrations.....	291
Summary.....	311

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Глава 1. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТАХТИ-САНГИНА.....	11
Первый период (70-е гг. XIX в. - 1917 г.).....	12
Второй период (1917-1991 гг.).....	20
Третий период (1998 г. – до настоящего времени).....	39
Глава 2. АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТАХТИ-САНГИНА.....	60
Еще раз об Амударьинском кладе.....	65
Раскопки Тахти-Сангина.....	79
Находки.....	127
Глава 3. К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ХРАМА ОКСА.....	157
Религиозные представления населения Бактрии.....	157
Семантика посвяtitельных сюжетов артефактов из Тахти- Сангина.....	193
Храм Окса у истоков Амударьи: причины его строитель- ства и сакральная значимость.....	221
Глава 4. ДАТИРОВКА ТАХТИ-САНГИНА В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ.....	230
История изучения вопроса датировки памятника.....	230
Новый взгляд на проблему датировки Тахти-Сангина.....	239
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	256
Список библиографических сокращений.....	262
БИБЛИОГРАФИЯ.....	264
Архивные документы.....	264
Письменные источники и эпиграфические памятники.....	264
Перечень цитированных трудов.....	265
Иллюстрации.....	291
Summary.....	311

ХОДЖАЕВА НАРГИС ДЖОМИЕВНА

**ТАХТИ-САНГИН В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Дизайнер-график Нуров М.П.

Печатается по Постановлению
Редакционно-издательского совета
Национальной академии наук Таджикистана

№ 45 от «21» июля 2023 г.

*Разрешено к печати 19.09.2023. Сдано в печать 20.09.2023.
Бумага офсетная. Формат 60x84¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,6. Заказ №122. Тираж 200 экз.*

МН «Дониш»

**Издательское учреждение «Дониш» НАНТ:
734029, г. Душанбе, ул. С.Айни, 299/2.**